

ПРОПАГАНДИСТ
ВЕЛИКОГО
НАСЛЕДИЯ

ПРОПАГАНДИСТ
ВЕЛИКОГО
НАСЛЕДИЯ

ПРОПАГАНДИСТ ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ

Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1984

Об истории и основных направлениях культурно-просветительской и научной деятельности ордена «Знак Почета» Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Впервые публикуется ряд мемуарных материалов, биографические разыскания ученых разных городов страны.

Для всех интересующихся развитием музейного дела, историей освободительного движения и русской литературы.

Редакционная коллегия:

*А. А. Демченко (отв. ред.), Л. П. Любомирова,
Е. П. Максимов, Г. П. Муренина, Е. П. Никитина, А. С. Озерянский.*

П $\frac{683-6}{176(02)-84}$ 182-83 1995040000

© Издательство Саратовского университета, 1984 г.

ПРОПАГАНДИСТ ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ

Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского

ИБ 1900

Редактор В. И. Вилюмсон
Технический редактор Л. В. Агальцова
Корректор С. Ф. Никитина

Сдано в набор 20.05.83. Подписано к печати 23.01.84. НГ94006.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 3. Гарнитура «литературная».
Печать высокая. Усл. печ. л. 7,44(8). Уч.-изд. л. 7,6.
Тираж 2000. Заказ № 6830. Цена 1 р. 20 к.

Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов, Университетская, 42.
Типография издательства «Коммунист». Саратов, ул. Волжская, 28.

Ю. Д. БАРАНОВ
секретарь Саратовского обкома КПСС

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Есть имена в отечественной истории, которым не дано быть забытыми, сколько бы ни прошло времени, какими бы событиями ни была отмечена общественная жизнь.

К таким славным именам относится имя Николая Гавриловича Чернышевского, великого революционного демократа, который, по словам В. И. Ленина, «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».

Мы гордимся тем, что Николай Гаврилович Чернышевский родился в Саратове, на берегу великой русской реки Волги. Семья, литература, жизнь народа, которая, по его словам, «охватывала... со всех сторон», были той питательной средой, которая в детстве формировала твердый характер и широкие интересы будущего революционного демократа.

В течение всей жизни с неизменной любовью возвращался Н. Г. Чернышевский в город своего детства, часто обращался к саратовской действительности в своих сочинениях, письмах. Будучи заключенным в Петропавловскую крепость, он написал интересные автобиографические заметки о старом Саратове. «Вдоль берега — версты две с половиной от мест, соседних с Соколовским оврагом, до другого, Ильинского оврага, — читаем мы у Чернышевского, — идет почти совершенно прямая улица. На плане, бывшем у моего батюшки, она называется Царицынской. Почти на половине длины этой улицы стоит наша церковь, Сергиевская, и от нее средняя часть улицы

всегда, а большей частью и вся улица называлась в свое время Сергиевской. На этой улице, в нескольких десятках сажень от нашей церкви, книзу по течению Волги, стоит наш дом».

Дом Чернышевских и ныне не изменил своего географического положения. Изменилось лишь название улицы: 19 сентября 1918 года Саратовский Совет Городских Комиссаров принял решение о переименовании Большой Сергиевской в улицу им. Чернышевского, как бы навечно прописав великого саратовца в его родном городе.

17 сентября 1920 года Декретом Совета Народных Комиссаров, подписанным В. И. Лениным, дом на берегу Волги в Саратове, в котором родился Н. Г. Чернышевский, был объявлен национальным достоянием — музеем. С этого времени началась новая глава как в истории дома, так и в изучении и пропаганде наследия великого демократа.

В течение многих лет проводилась большая работа по собиранию, систематизации, обработке музейных коллекций, которые впоследствии легли в основу экспозиций и научных работ.

Значительной вехой в истории музея стала открывшаяся 6 ноября 1927 года первая стационарная экспозиция. Коллектив сотрудников, крайне немногочисленный тогда, посвятил ее 10-летию победы Великой Октябрьской социалистической революции. Это событие положило начало хорошей музейной традиции: создавать экспозиции к знаменательным датам.

В 1939 году была создана экспозиция к 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского, в 1953—к 125-летию революционера-демократа, в 1967—к 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Каждая из экспозиций была шагом вперед в становлении экспозиционного мастерства научных сотрудников музея.

В 1978 году к 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского в музее впервые была открыта мемориально-бытовая экспозиция. В отличие от предыдущих, носящих в целом историко-литературный характер, последняя экспозиция воспроизводит обстановку дома Чернышевских на основе подлинных предметов быта и мебели, книг и документов эпохи 20—50-х годов XIX века.

Высокую оценку специалистов заслужила созданная в юбилейном году и историко-литературная экспозиция «Н. Г. Чернышевский — революционный демократ, писатель, ученый».

Ныне в фондах музея хранится более 8 тысяч предметов и работа по их пополнению продолжается. От Михаила Николаевича Чернышевского — основателя и первого заведующего музеем, укрепилась в семье Чернышевских добрая традиция: передавать в музей на вечное хранение фамильные реликвии. Надо ли говорить о том, какое высокое гражданское звучание имеют эти акты бескорыстного служения памяти великого предка. Экспонаты, поступившие в музей из семьи Чернышевских, составляют золотой фонд музея.

Сделать достоянием широких народных масс уникальные экспонаты музея, пробудить интерес к личности революционного демократа — в этом видели и видят свою задачу музейные работники. Современники помнят яркие увлекательные лекции М. Н. Чернышевского, издателя и неутомимого пропагандиста наследия отца.

Страстным пропагандистом жизни и творчества своего великого деда была Н. М. Чернышевская, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин Саратова. Сотни лекций в год при многообразных обязанностях директора музея, научных работах, поставивших ее в ряд известных ученых-чернышевсковедов.

Популярность музея росла год от года. 4 августа 1976 года в музее побывал миллионный посетитель. Работница Саратовской швейной фабрики Л. З. Шиповская оставила в книге отзывов запись: «Я очень рада, что мне пришлось стать миллионным посетителем вашего музея. Сегодняшняя встреча еще больше сблизила меня с жизнью нашего земляка — великого русского революционера-демократа».

Прибывающие в город Чернышевского гости из союзных республик, делегации из зарубежных стран, ученые, писатели считают своим долгом побывать в скромном белом домике над Волгой, чтобы прикоснуться к страницам великой жизни.

«Счастлив, что еще раз довелось мне посетить эту памятную святыню русской культуры и величайшее достояние нашего советского народа — дом Николая Гавриловича Чернышевского, родное гнездо орла», — гласит запись, оставленная известным советским писателем, нашим земляком Константином Александровичем Фединым.

Книги отзывов музея хранят автографы советских писателей А. Новикова-Прибоя, М. Шагинян, Л. Соболева, К. Симонова, И. Андроникова, здесь побывали академики Л. Черепнин, Ф. Константинов, П. Федосеев, космонавты Ю. Гагарин, Г. Гречко, Г. Сарафанов и многие другие почетные гости.

Мы с гордостью осознаем, что имя Чернышевского знакомо и дорого не только советским людям. В Чехословакии и Вьетнаме, Румынии и Монголии, Польше и ГДР, Финляндии и Кубе знают и любят Чернышевского, читают его бессмертный роман «Что делать?», учатся на его примере жить и бороться. Музей посещает множество иностранных гостей, делегаций социалистических стран.

В фондах музея хранятся подарки делегаций, посланцев различных областей страны. Так, украинские писатели преподнесли Дому-музею «Кобзаря» с надписью: «Дружба Чернышевского и Шевченко! Есть ли для нас более высокий образец единения умов братских народов! Мы, писатели Украины, принесли в Дом великого Чернышевского слова великого Кобзаря с нашим низким поклоном...». Книжные фонды музея постоянно пополняются присланными в дар трудами многих ученых, в библиотеке имеются книги и статьи исследователей Москвы, Ленинграда, Сибири, Дальнего Востока, Армении, Латвии, Грузии, Молдавии.

В 1978 году общественность Саратова, как и всей страны, широко отметила 150-летие со дня рождения своего великого земляка. Новые экспозиции, научно-популярные издания, сотни прочитанных лекций, десятки выставок в школах, общественных местах, красных уголках цехов и ферм — таков вклад коллектива сотрудников музея в юбилейные торжества.

За большую работу по пропаганде наследия революционера-демократа Дом-музей был награжден орденом «Знак Почета». Вручая высокую награду коллективу музея, первый секретарь Саратовского обкома КПСС В. К. Гусев сказал: «Имя Чернышевского по праву относится к числу имен, составляющих славу и гордость нашей Родины. Его деятельность высоко оценена К. Марксом и Ф. Энгельсом. Его судьба глубоко волновала В. И. Ленина».

Нам, саратовцам, особенно близко и дорого это имя. Здесь, на берегу Волги, родился и рос будущий писатель. Здесь формировалось мировоззрение революционного демократа. Он прозорливо глядел в будущее, мечтал о светлой прекрасной жизни своих соотечественников.

Волею партии и народа воплощены в действительность революционные идеалы великого демократа. Это хорошо видно на примере нашей области, за годы Советской власти превратившейся в цветущий край.

Родной город великого демократа стал признанным центром промышленности, науки и культуры. С понятием «сара-

товский» прочно связано высокое качество продукции, крепкая связь науки с производством, активное воздействие искусства на формирование убеждений и вкусов людей.

В нем зримо проступают все черты того прекрасного будущего, о котором загадывал Н. Г. Чернышевский, во имя которого призывал трудиться.

Этот завет великого земляка близок и дорог уму и сердцу каждого саратовца.

Государственный ордена «Знак Почета» Дом-музей Н. Г. Чернышевского отметил уже 60-летие своего существования. За эти годы музей стал крупным научным, культурно-просветительным учреждением, который неумоимо вносит свой вклад в дело коммунистического воспитания трудящихся в свете решений XXVI съезда КПСС, находится на передних рубежах общественной жизни, следуя заветам Н. Г. Чернышевского, по праву названного Российским Прометеем.

I. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МУЗЕЯ

Г. П. МУРЕНИНА

СТАНОВЛЕНИЕ

История Государственного Дома-музея Н. Г. Чернышевского имеет своего вдумчивого и добросовестного исследователя в лице внучки великого демократа Нины Михайловны Чернышевской. Ею были написаны статьи по истории музея от начала организации до наших дней¹. Используя материалы Дома-музея, государственных хранилищ, семейного архива, автор рассказывает о первых шагах рожденного в годы гражданской войны музея.

Н. М. Чернышевская была соратником напряженной многотрудной деятельности Михаила Николаевича Чернышевского по созданию музея, а после его кончины — бессменным руководителем вплоть до 1975 года. Поэтому ее статьи отличаются большой достоверностью. В личном архиве Н. М. Чернышевской сохранилось немало материалов к очерку истории музея. К сожалению, автору не удалось довести до конца задуманное. В настоящее время создание истории Дома-музея является частью исследовательской работы его коллектива, особенно активизировавшейся в ходе подготовки к 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского и 60-летию со дня основания Дома-музея.

17 сентября 1920 года Совет Народных Комиссаров постановил объявить находящийся в Саратове музей имени Чернышевского национальным достоянием и передать его в ведение Народного Комиссариата Просвещения.

---

¹ См.: Н. Г. Чернышевский, вып. 3—8.

Вопрос о превращении Дома, где родился Н. Г. Чернышевский, в музей его имени многие годы обсуждался передовой саратовской интеллигенцией, но лишь после февральской революции 1917 года появилась возможность разорвать заговор молчания и предпринять шаги по увековечению памяти революционера-демократа на его родине.

Под давлением общественности Саратовская городская Дума в марте 1917 года постановила приобрести в собственность города дом, где родился и жил Н. Г. Чернышевский. В марте того же года... «в помещении библиотеки Радищевского музея состоялось собрание местных журналистов, ученых и художников, созданных по инициативе литературно-художественного содружества «Многоугольник» для обсуждения во-

Государственный ордена «Знак Почета» Дом-музей
Н. Г. Чернышевского

просов, связанных с увековечением памяти великого саратовца-писателя Н. Г. Чернышевского... программа заседания: приобретение дома писателя с целью основания в нем музея, постановка ему памятника в Саратове, издание собрания его имени, учреждение постоянного помещения, где местные интеллигентные труженики могли бы собираться и, наконец, — основание библиотеки-читальни». Издатель и редактор «Саратовского вестника» Н. М. Архангельский предлагал: «Пусть всякий, почитающий имя писателя, внесет посильную лепту

своим трудом на созидание «Дома Чернышевского». На собрании было решено поторопиться с осуществлением обсуждаемой идеи, т. к. ходили упорные слухи, что «городское управление намерено во владении наследников писателя воздвигнуть «Дворец Свободы», для которого может быть понадобится даже снести дом, о котором ведется речь»².

Великий Октябрь решил судьбу дома на Б. Сергиевской в Саратове. Михаил Николаевич Чернышевский, записавший в своем дневнике: «...моя мысль, моя мечта и задача моей жизни была устроить музей специально для увековечения памяти моего отца, где бы каждый уголок дышал духом той эпохи, в которой родился, жил и работал мой отец»³, передал дом своего отца Советскому государству. В докладной записке на имя Наркома просвещения А. В. Луначарского он писал: «Признавая за домом Чернышевского, как исторической ценностью, общегосударственное значение, сын Чернышевского, Михаил Николаевич Чернышевский, передает этот дом и все дворовое место со всеми постройками в руки народного правительства»⁴. На дом незамедлительно была выдана Охранная грамота⁵.

Анатолий Васильевич Луначарский с большим вниманием отнесся к организации в Саратове музея революционного демократа. 18 июля 1918 года в Саратовский Совдеп поступило его телеграфное письмо. В нем говорилось: «Сын знаменитого писателя Чернышевского предоставил в народное достояние дом, в котором родился и жил в молодости его отец... Дар свой сын Чернышевского обусловил устройством в этом доме музея имени Чернышевского и, если окажется возможным, народной читальни... По своей ветхости дом требует капитального ремонта, а потому прошу озаботиться составлением сметы и сообщить размер суммы, потребной для такого ремонта как дома так и флигеля, считая в этом ремонте и внутреннее убранство, относительно которого надлежит войти в соглашение с сыном Чернышевского, Михаилом Николаевичем, дочь которого в настоящее время находится в Саратове и даст все указания»⁶.

В канун первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Луначарский телеграфировал в Мос-

² См.: Саратовский листок, 1917, 22 марта.

³ ОФ ГДМЧ, № 529/1, л. 35.

⁴ Н. Г. Чернышевский, вып. 4, с. 263.

⁵ См.: там же, с. 264.

⁶ Там же, с. 265.

кву своему заместителю М. Н. Покровскому: «По ходатайству сына Чернышевского полагал бы уместным послать Саратовскому Совдепу пятьдесят тысяч руб. на превращение к 25 октября дома великого социалиста в музей его имени. О решении прошу мне телеграфировать»⁷.

На родине Н. Г. Чернышевского огромная заслуга в организации музея принадлежит первому председателю Саратовского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов Владимиру Павловичу Антонову-Саратовскому. «В. П. Антонов-Саратовский не только дал ход мероприятиям, указанным А. В. Луначарским относительно ассигнования на организацию музея, но лично посетил усадьбу Чернышевских, ознакомился с ее нуждами и беседовал на месте о приведении в порядок и будущем благоустройстве полуразрушенных зданий. Много любви вложено в эту заботу молодого партийного руководителя о сохранении дома Н. Г. Чернышевского на его родине», — писала Н. М. Чернышевская⁸.

Декрет о национализации музея, подписанный В. И. Лениным, стал поворотной вехой в его истории. Дом нуждался в капитальном ремонте. Не было ни оборудования, ни условий для хранения экспонатов. Вместе со страной музей переживал трудности, вызванные гражданской войной и интервенцией. Но и в это сложное время Советское государство находило возможность оказать музею помощь. 1 февраля 1923 г. по Постановлению СНК было отпущено 3 тыс. руб. золотом на ремонт зданий, связанных с именем Н. Г. Чернышевского. 9 августа того же года Совет Народных Комиссаров принял постановление об отпуске дополнительного аванса в 10.000 руб. золотом на реставрацию Дома Чернышевского⁹. Музей в эти годы располагался в двух комнатах. По отчету Чернышевского в музей побывало в 1921 году — 150, в 1922 году — 131, в 1923 году — 332 человека. Н. М. Чернышевская вспоминала: «К приходу экскурсий и отдельных лиц на письменном столе Н. Г. Чернышевского выкладывались рукописные материалы, а на маленьком столике — личные вещи писателя. Много времени тратилось как на приготовление этих экспонатов, так и на уборку их обратно в книжный шкаф Н. Г. Чернышевского. Экскурсии, пока еще редкие, проходи-

⁷ Архив ГДМЧ, оп. 1, д. 1, № 1, л. 2.

⁸ Н. Г. Чернышевский, вып. 4, с. 267.

⁹ Архив ГДМЧ, оп. 1, д. 4, № 20, л. 1 об.

ли в необычной обстановке, которая сопровождалась интересной лекцией, соединенной с личными воспоминаниями основателя музея о поездке его в Сибирь — к отцу на каторгу»¹⁰.

Музея как такового еще не было, но были интереснейшие экспонаты, уникальность и подлинность которых привлекали посетителей. Записи книг отзывов первых лет существования музея волнуют нас и ныне безыскусностью и искренностью.

В апреле 1924 года М. Н. Чернышевский предпринял еще одну, ставшую для него последней, поездку в Москву, чтобы хлопотать перед Советом Народных Комиссаров об ассигновании средств на окончание работ по реставрации и ремонту

Н. Г. Чернышевский. Фотография 1883 г.

---

¹⁰ Н. Г. Чернышевский, вып. 4, с. 275.

Дома-музея. «Трудами М. Н. в течение всей его сознательной жизни собран исключительный по своей величине и полноте библиографический материал; его руками составлены многочисленные папки, расположенные в хронологическом порядке, включающие в себя журнальные и газетные вырезки о Чернышевском, вплоть до мелких заметок и представляющие больше, чем двадцатилетний труд. Все это с неисчерпаемым количеством фотографий, рисунков и вещественных реликвий составило музей Н. Г. Чернышевского в г. Саратове, помещающийся в том доме, где родился и жил Н. Г. Этому музею М. Н. отдал всю душу и силу... М. Н. мечтал к предстоящему юбилею отца выполнить до конца свой сыновний и гражданский долг»¹¹. Эти слова газетного некролога выразили мнение и признательность широких кругов советской общественности.

Все предъюбилейные годы (в 1928 году отмечалось 100-летие со дня рождения великого демократа) вопрос об организации музея привлекал постоянное внимание саратовской общественности. «Выписка из протокола № 48 заседания Правления Саратовского, имени Н. Г. Чернышевского, университета, состоявшегося 21.X.1926 г. Слушали: Директор Саратовского областного Государственного музея профессор П. С. Рыков просит выделить представителя от университета в комиссию по организации Дома-музея имени Чернышевского при правлении Сар. Обл. Государ. Музея. Постановлено: Просить быть представителями от университета в комиссию по организации Дома-музея им. Н. Г. Чернышевского проф. В. В. Буш, доцента В. Г. Ильинского, проф. П. Г. Любомирова, проф. А. П. Скафтымова и проф. С. Н. Чернова»¹².

Как явствует из приведенного документа, к организации музея революционного демократа были привлечены большие научные силы.

Правление областного музея, в состав которого с 1924 года на правах филиала входил музей Н. Г. Чернышевского, было озабочено и состоянием материальной базы музея. Профессор П. С. Рыков и Н. М. Чернышевская обращались с просьбой о выделении необходимых сумм на реставрацию дома и приобретение оборудования. На отпущенные Советом Народных Комиссаров РСФСР средства был произведен ремонт, и дому Чернышевского в 1926 году был возвращен первоначальный вид.

¹¹ Известия, 1924, 6 мая.

¹² Архив ГДМЧ, д. 1, № 12, л. 7.

Вопросам организации музея им. Н. Г. Чернышевского была посвящена музейная конференция Нижне-Волжской области, состоявшаяся 12—16 октября 1926 года в Саратове, на которой с докладом выступила Н. М. Чернышевская. Наряду с проектом организации музея в Саратове она предложила обсудить вопрос о передаче собранных в музее материалов в Ленинград, где в это время в архивах были сосредоточены многие документы, связанные с Чернышевским, с целью создания там института по изучению жизни и деятельности революционного демократа.

О. С. Чернышевская. Фотография 80-х годов

По докладу развернулись оживленные прения, в ходе которых вопрос о местонахождении музея получил окончательное решение. Нельзя не привести в этой связи выступление на конференции профессора университета С. Н. Чернова: «Самыми главными мотивами, которые говорят за то, что музей или институт Чернышевского должен быть в Саратове, это суть моменты исторические и, так сказать, психологические.

Здесь в Саратове Н. Г. родился, здесь провел свое детство и ученические годы. Уже здесь в Саратове начала складываться его мысль. Здесь он учительствовал. Здесь он оброс семьей. Наконец, в Саратов он вернулся, чтобы прожить остатки дней и умереть. Если мы проанализируем все его материалы, которые остались, то мы увидим, что он всей душой Саратовец, с Сергиевской улицы, со двора Голубевых.

Поэтому, я считаю, было бы величайшей несправедливостью, если бы от Саратова отнять то дорогое, что ему по праву принадлежит»¹³.

В резолюции, принятой областной музейной конференцией, говорилось: «Учитывая продолжающееся накопление в Доме-музее им. Н. Г. Чернышевского материалов, относящихся к жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского: 1. Признать, особенно в связи с приближающимся юбилеем (столетие со дня рождения Н. Г. Чернышевского) необходимым расширение научно-исследовательской работы Дома-музея; 2. Для наиболее полного ее развития принять меры к концентрации в музее

Саша — старший сын
Н. Г. Чернышевского.
Фотография 1863 г.

¹³ Там же, л. 10, об. 11.

находящихся вне его материалов; 3. Ввиду тесноты и небезопасности в пожарном отношении настоящего помещения Дома-музея возбудить ходатайство о создании нового, безопасного в пожарном отношении помещения, для хранения в нем рукописей Дома-музея и размещения его библиотеки»¹⁴.

Вряд ли было возможно иное решение. К 1928 году в Доме-музее были сосредоточены рукописи всех главнейших трудов Чернышевского периода работы в «Современнике». Из материалов, переданных Михаилом Николаевичем, полученных из Пушкинского Дома, а также из Академии Наук

М. Н. Чернышевский — младший сын
Н. Г. Чернышевского, основатель Дома-музея.
Фотография 1890 г.

СССР и публичных библиотек Саратова в музее составилось богатейшее собрание рукописей, бумаг, книг, портретов Н. Г. Чернышевского, его современников и близких. Эти материалы легли в основу первой систематической экспозиции музея, открытой 6 ноября 1927 года.

«В музее имеется 12000 рукописей, из которых больше двух тысяч принадлежит перу самого Чернышевского, — писал А. Лебедев. — В небольшом мезонине, выходящем окна-

¹⁴ Там же, л. 9.

ми во двор дома, — в том самом мезонине, где раньше находился его рабочий кабинет, — сейчас устроена комната для научных занятий. Научная работа над огромным наследием Чернышевского в наше время еще только начинается: у этой работы большое будущее, ибо место Чернышевского в истории нашего революционного движения чрезвычайно велико... Музей Чернышевского в Саратове — это прекрасный памятник выдающемуся революционеру, которым по праву может гордиться город»¹⁵.

Столетний юбилей со дня рождения Н. Г. Чернышевского привлек большое внимание к личности революционера-демократа, его творческому наследию. Проходившая в мае 1928 года дискуссия в Коммунистической Академии определила роль и место Н. Г. Чернышевского в истории русской общественной мысли.

После долгих обсуждений празднование юбилея было решено перенести на осень и провести торжественные заседания в Саратове и Москве. Газета «Саратовские известия» сообщила: «Предстоящее чествование в Саратове памяти Н. Г. Чернышевского вызывает громадный интерес у работников Москвы и Ленинграда.

Ожидается приезд в Саратов деятелей центра и на торжественное заседание и с целью ознакомления с музеем имени Н. Г. Чернышевского, который предполагается значительно расширить и самую усадьбу под которым решено восстановить до первоначального вида»¹⁶. В феврале юбилейного года на имя директора Саратовского областного музея поступил запрос от юбилейной комиссии ЦИК СССР о нуждах музея им. Н. Г. Чернышевского. В мае Совет Народных Комиссаров «обсудил вопрос в положительном смысле об отпуске в текущем году на восстановление и оборудование Дома-музея Н. Г. Чернышевского 28000 руб.»¹⁷. В плане работ по восстановлению намечалось сооружение особого хранилища для рукописей и библиотеки. Для научных работ предполагалось построить специальное помещение во дворе усадьбы. На свободной территории усадьбы Дома-музея проектировалось разбить сквер. К сожалению, ни тогда, ни позже планы эти реализованы не были.

¹⁵ Экран, 1928, № 48.

¹⁶ Саратовские известия, 1928, 4 июля.

¹⁷ Там же, 1928, 30 мая.

В эти годы музей играл заметную роль в научной и культурной жизни Саратова.

«Юноши и старики, девушки и женщины с детьми на руках по воскресеньям, вторникам и четвергам оживляют Чернышевскую улицу, вернее, небольшой ее отрезок, примыкающий к Дому-музею Н. Г. Чернышевского. Маленький серенький домик. С «Чернышевской» он кажется даже крошечным. И как-то странно, что в его стенах раздался первый крик будущего низвергателя авторитетов.

Дом-музей Чернышевского стал местом паломничества. Входят в него запросто, очень часто не имея ни малейшего представления о том, что увидят и что услышат. Выходят, — скажем ничуть не преувеличивая, — внутренне преображенные. Одни клянутся жить так, как жил Чернышевский. Другие жалеют, что тяжесть лет мешает избрать его учителем жизни. Третьи лучше видят нищету своей собственной жизни, проскользнувшей мимо без вспышек героизма и отчаяния, и без светлой радости... Маленький серый домик действует животворяще... Хотелось бы надеяться, что это паломничество не прекратится. Почти забытый, теперь воскрешенный титан должен войти живым фактором в нашу общественность. Дом-музей Н. Г. Чернышевского сыграл немалую роль в укреплении интереса «к властителю дум 60-х годов, самому великому революционеру и «мыслителю домарковского периода»¹⁸.

Популярность музея росла из года в год. Так в 1933 году в домике над Волгой побывало 6 тыс. гостей, в 1939 году их было уже 14 тысяч. Дом-музей вышел далеко за пределы «народной читальни».

В эти годы большой интерес к работе музея проявила Надежда Константиновна Крупская. Как заместитель Наркома Просвещения Надежда Константиновна стояла во главе политико-просветительных учреждений, в состав которых входил и музей Чернышевского. Благодаря ее вниманию была расширена в музее библиографическая и массово-просветительная работа, особенно со школьниками. Директору музея Н. М. Чернышевской Н. К. Крупская в личной беседе сказала: «Если я приеду в Саратов, то первым местом, куда я пойду, будет музей Чернышевского»¹⁹.

¹⁸ Гра с и с Кар л. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Известия, 1928, № 273.

¹⁹ Доклад Н. М. Чернышевской на торжественном собрании, посвященном 50-летию Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Архив ГДМЧ.

Конец 30-х годов ознаменован несколькими большими датами. В 1938 году было широко отмечено 110-летие со дня рождения Н. Г. Чернышевского, в 1939 году — 50-летие памяти Н. Г. Чернышевского, в 1940 году исполнилось 20 лет со дня основания музея. Знаменательные даты обуславливали интерес и внимание к музею.

В 1939 году Дом-музей им. Н. Г. Чернышевского выделился из состава областного краеведческого музея в самостоятельное учреждение республиканского значения и стал именоваться Государственным Домом-музеем Н. Г. Чернышевского. По ценности рукописного собрания саратовский музей стоял в одном ряду с крупнейшими музеями страны.

В июле 1940 г. в Исполнительный комитет Саратовского городского Совета депутатов трудящихся и отдел по делам искусства при Саратовском областном Совете была направлена выписка из протокола Совета отдела по охране памятников управления по делам искусств при Совете Народных Комиссаров РСФСР о взятии на централизованный учет и государственную охрану, как историко-бытового, Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове. Предполагалось, «в месячный срок произвести осмотр указанного здания, составить паспорт и технический акт его современного состояния, а также зафотографировать это здание». Указывалось, что согласно распоряжению Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 марта 1940 года за № 910-02 ремонт и реставрация здания музея должны производиться с разрешения отдела по охране памятников²⁰.

В связи с 20-летием со дня подписания В. И. Лениным декрета об организации музея Н. М. Чернышевская поставила перед Наркомпросом вопрос об объявлении заповедником смежных усадеб Чернышевских и Пыпиных и о передаче Дому-музею дома б. Пыпина. 7 декабря 1940 года постановлением Саратовского Исполкома Городского Совета депутатов трудящихся дом Пыпиных был передан Дому-музею Н. Г. Чернышевского. А 20 декабря все здания музея были приняты на централизованный учет и взяты под охрану государством²¹.

В год двадцатилетия со дня основания музея был принят еще один важный документ: «Положение о Саратовском Государственном Доме-музее Н. Г. Чернышевского».

²⁰ Архив ГДМЧ, оп. 1, д. 1, № 21, л. 1—2.

²¹ Там же, оп. № 1, д. 4, № 26, л. 1.

А. Н. Пыпин — академик, двоюродный брат
Н. Г. Чернышевского. Фотография 1903 г.

«Положение» 1940 года закрепляло успехи, достигнутые музеем в научной, пропагандистской, собирательской и издательской деятельности со времени основания. В отличие от «Положения о музее», принятом в 1921 году, которое констатировало факт создания музея²², новое определяло цели и задачи научно-просветительного учреждения, имеющего хорошую научную основу и большой опыт в организации работы с массами.

В Положении выяснялись также цели и задачи работы ученого совета, который был учрежден при музее в том же году. В состав ученого совета входили кроме научных сотрудников Дома-музея, ученые-литературоведы и историки Саратовского университета.

В первые двадцать лет Дом-музей осуществил многое из

---

²² См.: Н. Г. Чернышевский, вып. 4, с. 272.

намеченного его основателем М. Н. Чернышевским и подготовил прочную основу для дальнейшей деятельности, которая в год 150-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского была высоко оценена партией и правительством. 1 августа 1978 года Саратовский Государственный Дом-музей Н. Г. Чернышевского был награжден орденом «Знак Почета». Ныне в музее как один из самых важных экспонатов хранится Грамота Президиума Верховного Совета СССР, которая гласит: «Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик за большую работу по изучению и пропаганде идейно-теоретического и художественного наследия великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского Указом от 1 августа 1978 года наградил Саратовский Государственный Дом-музей Н. Г. Чернышевского орденом «Знак Почета».

Ю. М. КОСТИН

ПЕРВЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

«...Моя мысль, моя мечта и задача моей жизни, — писал М. Н. Чернышевский в своем саратовском дневнике 20 апреля 1919 г., — была устроить музей специально для увековечения памяти моего отца, где бы каждый уголок дышал духом той эпохи, в которой родился, жил и работал мой отец»¹. Тогда же им был намечен план первой экспозиции². Среди будущих экспонатов М. Н. Чернышевский выделял прежде всего личные вещи Н. Г. Чернышевского (письменный стол, кресло и шкаф, а также очки, бокал, янтарный мундштук в футляре, ножи для разрезания бумаги, стеклянная баночка, служившая чернильницей, стальные перья, шахматы, венчальные перчатки Н. Г. и О. С. Чернышевских) и вещи Г. И. Чернышевского — стол и кресло. Отмечались книги из личной библиотеки писателя, его сочинения, журнальные и газетные статьи о нем, упомянуто большое число рукописей, писем и документов — «11 картонок, 40 папок и несколько коробок»³.

Первый план предполагаемой экспозиции предусматривал использовать в качестве экспозиционной площади практичес-

¹ Оф ГДМЧ, № 529/1, л. 35.

² См.: там же, № 519.

³ Там же, № 521.

ки все помещение дома, кроме комнаты служителя, столовой и кухни. При этом предназначенные для экспозиции комнаты называются М. Н. Чернышевским «музеями». Их было пять.

В музее № 1 предполагалось поставить шкаф Н. Г. Чернышевского с «рукописями, письмами и разными бумагами», а также другой шкаф с книгами Н. Г. Чернышевского и с книгами о его жизни и творчестве. На стенах — портреты (вероятно, Н. Г. Чернышевского, О. С. Чернышевской и их родственников Пыпиных). Эта комната одновременно должна была стать кабинетом директора музея.

В музее № 2 предполагалось расположить стол Н. Г. Чернышевского, кресло, витрину с вещами-реликвиями. На стенах — портреты.

Для музея № 3 намечалась реставрация старинной гостиной с восстановлением окраски стен в синий цвет и с воссозданием на потолке большого овального венка из крупных ярко-красных роз, а для воссоздания интерьера — «мебель 30-х годов, против окна — диван, стол и 2 кресла. У окон в 2 простенках 2 стола по сохранившемуся столу». В витрине у среднего окна предполагалось экспонировать личные вещи и документы Г. И. Чернышевского.

Музей № 4 пояснений не имел.

В музее № 5 намечено восстановление комнаты Н. Г. Чернышевского, в которой он жил, будучи учителем гимназии. На стенах — «портреты Н. Г. Чернышевского всех изданий»⁴.

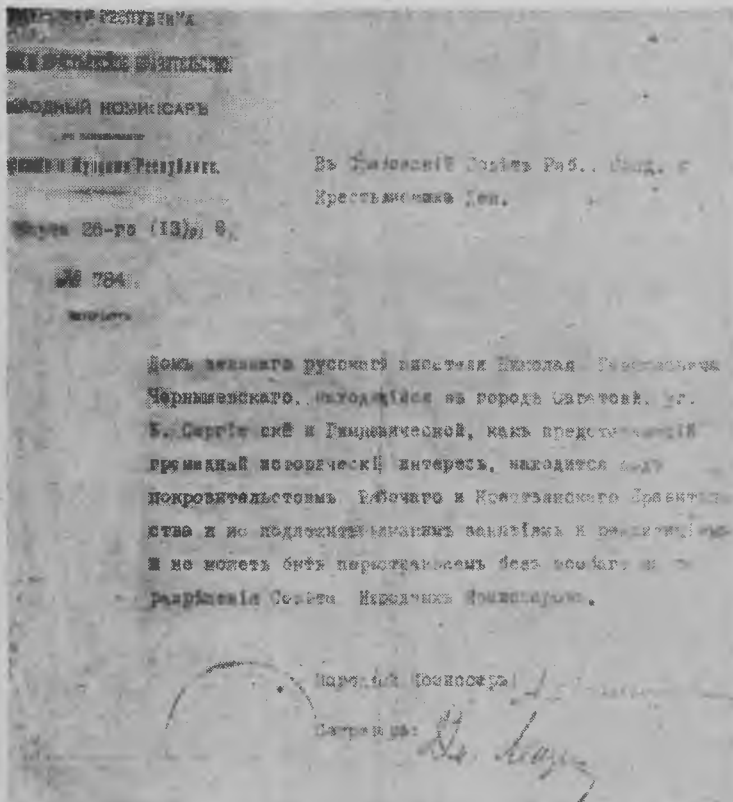
Из плана видно, что М. Н. Чернышевский ставил весьма сложную задачу построения экспозиции; совмещающей мемориально-бытовую обстановку с историко-литературными материалами и предполагающей довольно глубокое и всестороннее освещение деятельности и творчества Н. Г. Чернышевского. К сожалению, отсутствие хотя бы приблизительного тематико-экспозиционного плана не позволяет представить, в какой мере тематические комплексы увязывались хронологически. Не совсем ясен также характер использования экспонатов в тех или иных разделах и степень соответствия их теме.

М. Н. Чернышевским был намечен и графически вычерчен другой план распределения комнат в музее. Этот план, однако, фактически отличался от первого лишь иной нумерацией комнат и выделением одной комнаты (в прежнем плане это был музей № 4) для организации библиотеки-читальни, в ко-

---

⁴ Там же, № 519.

Письмо А. В. Луначарского в Саратовский Совдеп. 1918 г.

торой в то же время экспонировались бы книги, журналы и газеты 60-х гг. XIX в⁵.

Планы готовились с учетом крайне неблагоприятных условий, когда приходилось совмещать жилое помещение, музей и библиотеку в одном доме. Однако создание даже такого музея в то время не могло осуществиться: в условиях гражданской войны затягивался вопрос с капитальным ремонтом дома, и М. Н. Чернышевский принимает решение создать «ячейку в одной комнате, поместив туда некоторые вещи и портреты с тем, чтобы при первой возможности открыть эту часть музея, не дожидаясь полного открытия»⁶.

⁵ Там же, № 520.

⁶ Там же, № 529/1, л. 35.

Точная дата открытия первой экспозиции неизвестна. По крайней мере, в дневнике М. Н. Чернышевского имеется следующая запись: «сегодня (1 июня 1920 г.) приходила смотреть музей целая экскурсия из соседней деревни»⁷.

Любопытная запись сделана М. Н. Чернышевским 5 февраля 1921 года. Она связана с приездом в Саратов наркома просвещения А. В. Луначарского. «Вчера вечером и сегодня утром,—читаем в дневнике,—прибирал музей и для удобства рассмотрения развесил кое-какие портреты по стенам, разложил на столах разные рукописи и все интересное»⁸. К сожалению, А. В. Луначарский тогда не смог посетить музей.

Коллектив Дома-музея Н. Г. Чернышевского. 1943 г.
Слева направо: научный сотрудник *А. В. Леонтьев*,
директор *Н. М. Чернышевская*, зам. директора по научной части
профессор Ленинградского университета *В. Е. Евгеньев-Максимов*,
научный сотрудник *П. А. Супоницкая*

Из дневников видно, что М. Н. Чернышевский, продолжая хлопоты по организации и проведению капитального ремонта дома и по благоустройству усадьбы, в то же время выполнял обязанности смотрителя и экспозиционера-экскурсовода, что было весьма затруднительно для уже пожилого и больного человека. Однако возможность поделиться с немногочисленными тогда посетителями знаниями и сведениями о своем отце

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 75 об.

доставляла ему всегда большую радость и вызывала чувство глубокого удовлетворения. Например, 29 июня 1921 г. он писал в дневнике: «В 6 ч. должна быть у меня группа приезжих из Хвалынского, но явился всего лишь один человек, но зато заинтересовавшийся и прослушавший все мои объяснения и излияния с таким вниманием и сочувствием, которые стоили внимания целой группы».

Интерес представляет текст обнародованного М. Н. Чернышевским объявления о музее: «Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Улица Чернышевского (б. Бол. Сергиевская), № 47, угол Гимназической. Вход со двора.

Собрание вещей, портретов, рукописей, писем, бумаг и вообще материалов, имеющих отношение к Н. Г. Чернышевскому.

Музей открыт обыкновенно по воскресеньям около 1—2 ч. дня, а летом кроме того и около 6—7 ч. веч.; в другие дни и часы и для экскурсий — по предварительному соглашению с заведующим музеем М. Н. Чернышевским, которого можно застать в музее ежедневно или в 9—10 утра, или в 6—7 веч.»⁹.

Конечно, в тот период деятельность музея еще не была регулярной, да и экспозиция в целом еще не носила стационарного характера. Однако уже сама возможность посмотреть личные вещи, книги и рукописи Н. Г. Чернышевского, документы, связанные с его деятельностью, фотографии писателей, ученых и политических деятелей 40—80-х гг. XIX в. была в высшей степени знаменательна. Это были первые шаги на пути приобщения широких масс трудящихся к великому революционному наследию прошлого. Проблема совершенствования экспозиции вызывала живой интерес общественности. В этом отношении характерна одна из статей местной газеты¹⁰. Отмечая большую научную и собирательскую работу, проводимую М. Н. Чернышевским, и говоря о различных типах музеев, автор отдает предпочтение тем, которые «стремятся воскресить не столько отдельные бытовые детали, сколько всю эпоху, в которую жил и творил мыслитель». В статье высказывалось пожелание, чтобы в экспозиции музея нашли широкое отражение материалы эпохи 50—60-х гг. XIX в. Эти пожелания в значительной мере совпадали с планами основателя музея М. Н. Чернышевского, однако осуществить их он уже

⁹ Там же, № 521, л. 1.

¹⁰ См.: Саратовские Известия, 1922, 21 июня.

не успел. После его скоропостижной смерти в мае 1924 г. заведующей музея стала его дочь Нина Михайловна, которая, продолжая хлопоты по организации ремонта музея, приступила к сбору материалов для экспозиции музея и к подготовке самой экспозиции.

Были приняты меры по расширению музейных фондов. Еще при жизни основателя музея М. Н. Чернышевского, передавшего в музей все собранное им за многие годы, включая личные вещи, книги и рукописи Н. Г. Чернышевского, книги и статьи о нем, портреты и фотографии лиц, в той или иной мере связанных с его деятельностью и творчеством и другие материалы, фонды музея продолжали постоянно пополняться. Так, в ноябре 1921 г. дочь известного писателя Д. Л. Мордовцева, знакомого Н. Г. Чернышевского, В. Д. Мордовцева передала в музей 3 портрета своего отца и портрет его жены А. Н. Пасхаловой, также знакомой Н. Г. Чернышевского¹¹.

Из художественного музея им. А. Н. Радищева поступили стол Н. Г. Чернышевского, посох и часы Г. И. Чернышевского.

Из Саратовской ученой архивной комиссии поступило раскладное кресло Н. Г. Чернышевского. Уже после смерти М. Н. Чернышевского в фонды музея поступили принадлежавшие Н. Г. Чернышевскому счеты и метелки для сметания пыли (первая вещь — от Буковских, вторая — от М. А. Чернышевской, знакомой и однофамилицы О. С. Чернышевской)¹².

В 1925 г. Губполитпросвет передал Дому-музею хранившиеся в Публичной библиотеке личные книги Н. Г. Чернышевского, многие из которых имели его пометки. Значительное пополнение фондов и библиотеки музея позволило в том же году начать разработку плана новой экспозиции, которая должна была отражать все этапы жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского по хронологическому принципу. План экспозиции включал 11 разделов, каждый из которых сопровождался хронологической сводкой основных событий жизни и деятельности. Вот как распределялись материалы по этим разделам:

I. Происхождение и ранние учебные годы Н. Г. Чернышевского.

На стене помещались материалы по родословной Чернышевских и детские рисунки Н. Г. Чернышевского. В витрине намечалось экспонировать документы о деятельности Г. И.

¹¹ Архив ГДМЧ, л. 1 об.

¹² См.: Демченко А. А. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Путеводитель. Саратов, 1969, с. 102.

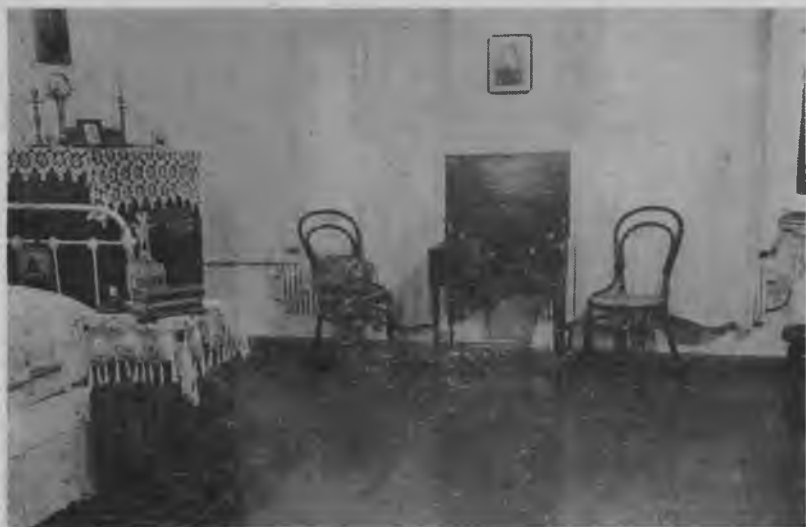
Чернышевского и о рождении Н. Г. Чернышевского. Из вещей представлен ломберный стол и рукодельный столик Л. Н. Котляревской, двоюродной сестры Н. Г. Чернышевского.

II. Н. Г. Чернышевский в саратовской семинарии (1842—1846 гг.)

На стене помещены фотографии семинарии, ее преподавателей, семинаристов-каракозовцев, портреты А. С. Пушкина, А. И. Герцена, В. Г. Белинского и других выдающихся писателей.

В витрине — ученические тетради Н. Г. Чернышевского, документы об увольнении из семинарии.

III. Н. Г. Чернышевский в Петербургском университете (1846—1850 гг.).

Комната Н. Г. Чернышевского в мезонине Дома-музея

Здесь представлены изображение университета, фотографии его профессоров, портреты Г. Гегеля, Л. Фейербаха, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ж. Санд и деятелей литературы и общественно-политической мысли.

В раздел включены страницы из «Дневника» Н. Г. Чернышевского, его рукописи, книги, кошелек, вышитый Л. Н. Котляревской.

IV. Н. Г. Чернышевский — учитель (1850—1853 гг.)

Предполагалось экспонировать фотографии 2-го кадетско-

го корпуса в Петербурге и Саратовской мужской гимназии, домов Д. Л. Мордовцева и Н. И. Костомарова в Саратове, учителей гимназии, саратовских знакомых Н. Г. Чернышевского и О. С. Чернышевской.

В витрине — страницы из «Дневника» Н. Г. Чернышевского, документы об этом периоде его деятельности, высказывания современников о его педагогической деятельности, личные вещи Н. Г. и О. С. Чернышевских.

V. Магистерский экзамен и диссертация Н. Г. Чернышевского.

В витринах — документы о сдаче экзаменов и защите диссертации, письмо Н. Г. Чернышевского к отцу, пригласительные билеты на защиту диссертации, рукописи диссертации и предисловия к 3-му изданию ее, два издания работы.

VI. Литературная деятельность Чернышевского (1853—1862).

На стене — фотографии Н. Г. Чернышевского и ведущих сотрудников журнала «Современник», здесь же портреты деятелей революционных организаций и кружков, ученых, творчество которых изучалось Н. Г. Чернышевским.

Представлены в разделе и материалы, связанные с отменной крепостного права. В витрине — статьи Н. Г. Чернышевского в журнале «Современник» по крестьянскому вопросу, рукописи его писем, книги, личные вещи, Программа с выступлением Н. Г. Чернышевского в зале Руадзе о Н. А. Добролюбе.

В этом отделе выставлены письменный стол Н. Г. Чернышевского и его кресло.

VII. Процесс Н. Г. Чернышевского (1862—1864 гг.).

Рисунок Петропавловской крепости и фотографии Алексеевского рavelина, письма и документы, связанные с процессом Н. Г. Чернышевского, фотографии узников Петропавловской крепости — его соратников. Здесь же три картины, изображающие гражданскую казнь Н. Г. Чернышевского. В витрине — документы о шпионской слежке за ним, о положении его в заключении, текст приговора Сената и личные вещи Н. Г. Чернышевского.

VIII. Литературная деятельность Н. Г. Чернышевского в Петропавловской крепости.

На стене — портреты П. И. Бокова и И. М. Сеченова, афоризмы из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», стихотворение В. С. Курочкина о романе «Что делать?», страницы переведенных Н. Г. Чернышевским «Оснований политической

Кабинет Г. И. Чернышевского, отца революционера и писателя

экономии» Д. С. Милля, список произведений, написанных в крепости.

Кроме того, дан ряд выписок из «Автобиографии» Н. Г. Чернышевского, портреты писателей, о которых писал Н. Г. Чернышевский, а также фотографии А. Н. Пыпина и Евг. Н. Пыпиной. В витрине представлены рукописи произведений, написанных в Петропавловской крепости, книги, прочитанные в каземате, заключение цензора о романе «Что делать?» и выписки из писем Пыпиных о литературной деятельности Н. Г. Чернышевского в крепости.

IX. Н. Г. Чернышевский в ссылке (1864—1883 гг).

Представлена карта Сибири с обозначением пути следования Н. Г. Чернышевского в ссылку, виды Кадаи, где жил Н. Г. Чернышевский, фотографии жены и детей, А. Н. и Ю. П. Пыпиных, И. Г. Терсинского, товарищей по ссылке и деятелей «Народной Воли», которые вели переговоры с правительством об освобождении Н. Г. Чернышевского. Здесь же текст указа об освобождении.

В витрине—рукописи произведений, написанных в Сибири. Здесь же письма Н. Г. Чернышевского, письма А. Н. Пыпину разных лиц о нем, личные книги и номер газеты «Страна» за 1881 г. со статьёй в его защиту. Представлены также личные вещи писателя.

Х. Н. Г. Чернышевский после ссылки (1883—1889 гг.).

На стене—фотографии Н. Г. Чернышевского, его жены, сыновей, писателей, издателей и близких знакомых, снимки домов в Астрахани и Саратове, сообщения о кончине, некрологи.

В витрине—рукописи работ, написанных в этот период, экземпляр 2-го издания магистерской диссертации, письма. Рядом предполагалось поставить венское кресло, книжный шкаф и кресло-кушетку Н. Г. Чернышевского.

XI. Н. Г. Чернышевский в его памятниках.

Во флигеле О. С. Чернышевской

В этом разделе было намечено создать уголок М. Н. Чернышевского, в котором представлены портреты М. Н. Чернышевского, а в витрине—расшифрованный М. Н. Чернышевским «Дневник» Н. Г. Чернышевского, документы по изданию сочинений Н. Г. Чернышевского, рукописи статей М. Н. Чернышевского об отце, газетные отзывы о деятельности М. Н.

Чернышевского. Другая часть раздела — материалы по истории Дома-музея (фотографии и планы музея, правительственные постановления об утверждении Дома-музея как культурно-просветительного и научного учреждения). В раздел включались фотографии с видами музея, зданий, улиц и мест, связанных с именем Н. Г. Чернышевского¹³.

Из этого плана видно, что готовилась интересная историко-литературная экспозиция, носившая монографический характер. Обращают внимание широта охвата эпохи, стремление показать литературные, научные и общественно-политические связи Н. Г. Чернышевского, строгая документальная основа. Весьма интересным представляется использование в экспозиции личных вещей Н. Г. Чернышевского и его близких.

План этой экспозиции, имевший ряд достоинств, не был лишен и некоторых недостатков, что вполне объяснимо, принимая во внимание, что это была фактически первая попытка монографического освещения биографии Н. Г. Чернышевского музейными средствами.

В 1926 г. началась подготовка к 100-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. В этом году заведующая музеем Н. М. Чернышевская совершила поездку в Москву, где посетила музеи Л. Н. Толстого и А. П. Чехова.

Накопленный опыт помог в работе над проектом новой экспозиции, подготовленным 12 октября 1926 г. Определяя в нем основную задачу будущего музея как культурно-просветительного учреждения — «ознакомление широких масс с жизнью, личностью, деятельностью и эпохой Н. Г. Чернышевского и предоставление желающим возможности широкого изучения различных сторон деятельности великого русского писателя-революционера»¹⁴, Н. М. Чернышевская предлагает в каждом разделе экспозиции биографические материалы сделать композиционным центром определенного периода общественной и литературной жизни, что по мысли ее автора дает возможность широкого освещения многогранного и всестороннего влияния Н. Г. Чернышевского на освободительное движение и литературный процесс. В докладе Н. М. Чернышевской об организации музея планировалось создать экспозицию из 8 отделов: 1. Дом и семья Н. Г. Чернышевского. 2. Детство и учебные годы Н. Г. Чернышевского в Саратове.

¹³ Архив ГДМЧ, оп. 1, № 61, л. 1—4.

¹⁴ Архив ГДМЧ, оп. 1, № 9, л. 4.

3. Н. Г. Чернышевский в Петербургском университете. 4. Н. Г. Чернышевский — учитель. 5. Н. Г. Чернышевский и «Современник». 6. Политический процесс Н. Г. Чернышевского. 7. Н. Г. Чернышевский в ссылке. 8. Н. Г. Чернышевский по возвращении из ссылки.

В докладе давался перечень имеющихся и недостающих материалов, намечались пути их разыскания.

Новый план, сохраняя в целом структуру и расположение материалов предшествующего плана, имел 8 отделов вместо 11 прежних, что произошло в основном за счет укрупнения экспозиционных тем. В отличие от прежней новая экспозиция включала самый разнообразный и весьма насыщенный текстовой материал — цитаты, подробные аннотации, схемы, таблицы¹⁵. Обилие вводимого текстового материала в новую экспозицию можно объяснить стремлением придать этой экспозиции учебно-методический характер.

5 декабря 1926 г. Н. М. Чернышевская доложила «Проект экспозиции Дома-музея имени Н. Г. Чернышевского» на заседании комиссии содействия музею, в которую входили такие видные ученые, как С. Н. Чернов, В. В. Буш, А. П. Скафтымов, П. С. Рыков. Проект был одобрен. В дальнейшем комиссия решила на своих последующих заседаниях регулярно заслушивать сообщения о ходе работы по созданию новой экспозиции. В ходе этих заседаний комиссия порекомендовала разместить экспозиционный материал в комнатах музея следующим образом: «Дом и семья Н. Г. Чернышевского» — в кабинете Г. И. Чернышевского; «Детство и учебные годы Н. Г. Чернышевского», «Н. Г. Чернышевский в университете», «Н. Г. Чернышевский-учитель» — в приемной Г. И. Чернышевского; «Н. Г. Чернышевский в «Современнике»» — в «синей гостиной»; «Процесс Н. Г. Чернышевского», «Н. Г. Чернышевский в ссылке», «Последние годы жизни Н. Г. Чернышевского по возвращению из ссылки» — в столовой.

Деятельность комиссии являлась предметом специального изучения научно-методического Совета при областном музее краеведения.

8 февраля 1927 г. на заседании с отчетом выступил проф. В. В. Буш. Комиссия предложила создать рабочую группу для постоянной работы над новой экспозицией Дома-музея им. Н. Г. Чернышевского в составе проф. В. В. Буша, Н. М.

---

¹⁵ Архив ГДМЧ, оп. 1, № 13.

Чернышевской, доц. В. Г. Ильинского¹⁶. Эта группа продолжала работу и после прекращения деятельности комиссии в мае 1927 г.

Результатом ее деятельности явилась активизация собирательской работы, в которую большой вклад вложила Н. М. Чернышевская. Еще в августе 1926 г. ею было направлено письмо в Академию наук с просьбой передать музею часть архива Н. Г. Чернышевского, вывезенного из Саратова в 1921 г. заведующим рукописным отделом Академии наук В. И. Срезневским. В сентябре 1927 г. из библиотеки Академии наук СССР было получено богатое собрание рукописей и бумаг Н. Г. Чернышевского, официальных документов и газетно-журнальных материалов. Для сбора необходимых материалов Н. М. Чернышевская летом 1927 г. совершила поездку в Москву и Ленинград. Ей оказали содействие многие научные учреждения. Так Пушкинской Дом передал музею ряд портретов деятелей литературы, а музей Революции в Ленинграде прислал 12 фотографий¹⁷. В этом же году в самом Саратове фонды музея пополнились двумя ценными экспонатами — у В. П. Шемет было приобретено кресло и письменный стол Г. И. Чернышевского.

Интенсивная научно-исследовательская и собирательская работа небольшого коллектива научных сотрудников музея во главе с Н. М. Чернышевской позволила уже к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции открыть новую экспозицию музея¹⁸. Эта экспозиция не претерпела изменений вплоть до 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского. В юбилейный день 24 июля 1928 г. в газете «Поволжская правда» Н. М. Чернышевская писала о большой заботе о музее Советского правительства. Не обошла статья и имеющиеся трудности. К юбилейным торжествам, которые решено было провести 26 ноября 1928 г., намечалось подготовить два новых отдела экспозиций: «Н. Г. Чернышевский под запретом цензуры» и «Н. Г. Чернышевский в его памятниках», которые, по мнению автора, дадут возможность широ-

---

¹⁶ Научный архив Саратовского областного музея краеведения, д. 236, оп. 1, № 86, л. 1.

¹⁷ См. об этом подробнее: Чернышевская Н. М. К истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского (сотрудничество В. А. Пыпиной в 1920—1930-е годы). — В кн.: Н. Г. Чернышевский, вып. 8, с. 270—272.

¹⁸ См.: Чернышевская Н. М. Страницы научной жизни Дома-музея Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский, вып. 6, с. 276.

Посещение Дома-музея первым в мире космонавтом Ю. А. Гагариным
19 января 1965 г.

Слева направо: В. С. Чернышевская, В. А. Гагарина, Н. М. Чернышевская,
Ю. А. Гагарин

ким массам уяснить отношение к Чернышевскому царского правительства и советской власти и помогут уяснению исторической оценки Чернышевского как защитника интересов трудящихся масс»¹⁹.

Значительно возросли возможности музея в деле создания и дальнейшего совершенствования экспозиции. В 1928 г. музей получил возможность заказать так необходимое для экспозиции оборудование (11 витрин-столов, 13 настенных витрин и витрину-шкаф).

В результате к 26 ноября удалось представить посетителям весьма интересную и своеобразную экспозицию, получившую весьма высокую оценку местной и центральной печати.

Живой интерес к экспозиции раскрывают записи в книге отзывов посетителей, например такая: «Музей производит прекрасное впечатление не только богатством материала, но и удачной экспозицией. Он с одинаковым успехом может служить и для популярной школьной лекции и для серьезной научной работы.

2/VII-29 г. Сотрудники центр. опытной экскурсбазы.»

¹⁹ Чернышевская-Быстрова Н. М. Дом-музей. — Поволжская правда, 1928, 24 июля.

В целом 1927—1928 гг. явились годами становления музея как просветительного центра, широкой популяризации наследия Н. Г. Чернышевского. Материалы музея стали использоваться школами для юбилейных докладов и музыкальных утренников. По материалам музея преподавателем О. П. Михайловой, например, была разработана методическая экскурсия на тему: «Н. Г. Чернышевский — саратовский разночинец».

Творческое освоение опыта советского музейного строительства, всесторонняя помощь партийных советских и общественных организаций, научно-методическая помощь научных учреждений и профильных музеев Москвы и Ленинграда позволили коллективу музея в последующие годы создать новые экспозиции. Заветы основателей музея М. Н. Чернышевского и Н. М. Чернышевской о творческом отношении к делу широкой популяризации музейными средствами наследия нашего великого земляка бережно хранятся коллективом музея.

В. В. СМИРНОВА

ШЛА ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

Подлинно великие писатели становятся современниками каждого из последующих поколений. Их личность, их идеи вновь и вновь наполняются живым смыслом в свершениях тех, кто на переднем крае постоянно меняющейся жизни продолжает их дело.

Патриотические мысли писателя-революционера: «Долг защищать отечество есть первая и священнойшая обязанность гражданина», «Для нас нелепа даже мысль о возможности иноземного ига», «Легче рабства смерть!»—эти высказывания перешли в годы Великой Отечественной войны на плакаты, выпущенные Домом-музеем, на экспозиционные стенды «Чернышевский и война»¹. Вместе с обращениями музея к красноармейцам они были опубликованы во фронтовых газетах, запечатлелись в памяти и сердцах тысяч бойцов, с оружием в руках отстаивающих не только свою землю, но и великую культуру своего народа.

¹ Личный архив Н. М. Чернышевской. Папка «Экспозиции 1944 г.».

На фотографиях военных лет — коллектив Дома-музея Н. Г. Чернышевского: сотрудник А. В. Леонтьев, директор Н. М. Чернышевская, ее заместитель по научной части профессор В. Е. Евгеньев-Максимов, личный секретарь Н. Г. Чернышевского К. М. Федоров, экскурсовод П. А. Супоницкая, художник Е. Ф. Тимофеев — боец пожарного звена при музее, дежуривший на его крыше в тревожные дни фашистских налетов на Саратов в июне 1942 г. Эти люди с первых же дней войны остро осознали всю силу вдохновляющего воздействия образа писателя-патриота Н. Г. Чернышевского и все силы отдали делу пропаганды знаний о нем. Коллектив сотрудников Дома-музея плечом к плечу с другими гвардейцами тыла делал все возможное для скорейшей победы над врагом.

Собранные на музейной территории осколки немецких бомб дают возможность зримо представить себе ту опасность, которая нависла над Домом-музеем. Бывшую усадьбу Чернышевских, где более ста лет назад юный Николай играл со своими товарищами, где в недавнее время многочисленные туристы слушали рассказы экскурсоводов, изрезали траншеи бомбоубежищ. Реликвии, оставшиеся в музее после передачи в октябре 1941 г. в Центральный государственный архив литературы и искусства основного рукописного фонда, были тщательно упакованы и зарыты в подвалах. Таким образом были спасены от гибели около 30 000 архивных листов, личные вещи Н. Г. Чернышевского, книги с его автографами, подлинные фотографии.

«Я, воин Красной Армии, держал оборону Москвы, видел разгромленную усадьбу Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, гнал оттуда тупых прусских солдафонов, видел разбитый дом-музей Никитина в Воронеже, защищал славный Сталинград, гнал захватчиков с мест, где творил и жил великий Пушкин, освобождал места вдохновения и творчества М. Ю. Лермонтова. За сохранность памяти о Н. Г. Чернышевском воинское спасибо сотрудникам Дома-музея» — эти горячие слова благодарности были лучшей наградой и самой высокой оценкой самоотверженного труда всего коллектива Дома-музея Н. Г. Чернышевского².

Годовые отчеты военных лет ярко отражают трудные условия, в которых проходила работа музея в 1941—1945 годы. Так, зимой 1942 года можно было проводить лишь очень

² Книга отзывов посетителей Дома-музея Н. Г. Чернышевского за 1941—1946 г., 13 июля 1944 г., л. 19.

краткие экскурсии: музейные залы не отапливались, не действовал водопровод, был выключен свет. А лето принесло с собой новые заботы: территория Дома-музея была отведена под огороды.

Война ворвалась в жизнь музея внезапно, разрушив привычные формы научной и пропагандистской работы. Было приостановлено издание полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, осуществлявшееся на базе музейных рукописей; создание бытовой экспозиции, намеченной на 1941 г., отодвинулось на неопределенный срок; не удалось освободить от жильцов и оборудовать для музейных целей дом Пыпиных и флигель О. С. Чернышевской. Планы по приему посетителей на 1941 год остались невыполненными, резко сократилось количество экскурсий.

Коллективу сотрудников нужно было мобилизовать все силы для работы в новых суровых условиях, в соответствии с военным временем научиться быстро перестраивать режим своего труда. И вот уже в 1941 году появилась новая афиша Дома-музея Н. Г. Чернышевского, сообщавшая о его пополнении новыми экспонатами, которые характеризуют Н. Г. Чернышевского как великого патриота земли русской, о разработке научными сотрудниками музея нового плана экскурсии, охватывающего все стороны жизни и деятельности революционного демократа. Экскурсии в Доме-музее в 1941—1945 гг. проводились ежедневно (кроме субботы) с 10 часов утра до 1 часа дня, но практически посетители могли получить в него доступ даже вечером и всегда их ждал радушный прием дежурного сотрудника. И люди шли в музей: красноармейцы, войной заброшенные в Саратов из разных уголков нашей страны; школьники и студенты, готовые в любую минуту из классов и аудиторий перейти в цеха заводов и фабрик, на боевые позиции; старики, за плечами которых были героические годы гражданской войны. Соприкоснувшись с Н. Г. Чернышевским, они получали заряд бодрости и мужества, крепла их решимость до конца стоять за независимость Советской Родины.

Книга отзывов Дома-музея военных лет свидетельствует о кровной заинтересованности посетителей в том, чтобы его деятельность была наиболее плодотворной, чтобы каждый защитник Советской страны ощутил свою связь с этим небольшим домиком на берегу Волги, ставшим, подобно горсти родной земли, символом всего дорогого и сокровенного для многих и многих бойцов фронта и тыла. «Больше молодежи в

музей! Больше поднимайте своей работой, товарищи работники музея, любовь к нашей Родине и ее великим людям, в этом один из залогов нашей победы»³. Этому наказу уходившего на фронт капитана А. Миндолина свято следовал коллектив Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Всего за 1941—1945 гг. в музее побывало свыше 15 тысяч посетителей, из них — 6,5 тысяч школьников и студентов, более 5 тысяч военнослужащих. Большим событием явилось посещение музея 28 июня 1944 г. председателем колхоза «Стахановец» Ф. П. Головатым, на чьи личные сбережения были построены и отправлены на фронт два самолета. Он писал: «Здесь, в этом Доме-музее Н. Г. Чернышевского на примере великого русского патриота-революционера можно учиться, как нужно любить свою родину, не жалея для нее ни сил, ни труда, ни жизни»⁴.

В военное время значительно активизировалась массово-просветительская работа за стенами Дома-музея.

Трудности в организации экскурсионного обслуживания дали толчок к поиску новых разнообразных форм пропаганды знаний о Н. Г. Чернышевском. Передвижные выставки, подготовленные музеем и переданные в различные учреждения, собирали многочисленную аудиторию. В 1943—1944 гг. в распоряжении музея были 3 выставки на тему: «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского как великого патриота своей родины». В феврале 1943 г. ко дню 25-летия Красной Армии в библиотеке Дома Красной Армии экспонировались музейные выставки: «Героическое прошлое русского народа», «Гражданская война», «Великая Отечественная война советского народа с германским фашизмом» на 13 щитах, объединившие 200 экспонатов. Их посетили более 3000 человек. Кроме постоянно существующих передвижек на литературных вечерах, организованных Домом-музеем, устраивались небольшие выставки его экспонатов. Так, 16 марта 1943 г. на вечере, посвященном 80-летию романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в Саратовском институте усовершенствования учителей, доклад профессора А. П. Скафтымова о романе и его авторе сопровождался выставкой, основанной на материалах музея, к чтке пьесы украинского писателя-фронтовика Ю. Г. Костюка «Тарас Шевченко», которая проводилась в музее, была устроена выставка о Великом Кобзаре и его

³ Книга отзывов посетителей Дома-музея Н. Г. Чернышевского за 1941—1946 гг., 28 июня 1943 г., л. 10 об.

⁴ ОФ ГДМЧ, № 887.

идейных и творческих связях с Н. Г. Чернышевским. За один 1944 г. Домом-музеем было проведено около 150 подобных выставок.

В 1941—1945 гг. коллектив Дома-музея придал своей лекционной работе такой размах, какого не знала она в довоенное время. Всего за военные годы сотрудниками Дома-музея было прочитано 1958 лекций на заводах и фабриках, в школах и ремесленных училищах, в лектории Ленинградского государственного университета, находившегося в Саратове, в эвакуации. Но в первую очередь лекторы шли туда, где в мужественном слове о Н. Г. Чернышевском особенно нуждались — в госпитали. Коллектив Дома-музея разработал лекции на темы «Н. Г. Чернышевский — великий патриот нашей родины», «Роман «Что делать?»», «Н. Г. Чернышевский и война» специально для раненых рядового состава. За один 1943 год количество их слушателей в госпиталях достигло 25 тысяч человек. И многие вернувшиеся в строй бойцы долго с благодарностью вспоминали внуку писателя-революционера Н. М. Чернышевскую, чей портрет в 1944 г. был помещен на Доске отличников в госпитале № 995. С нетерпением ожидали ее прихода раненые красноармейцы, бывали случаи, когда лекции о Н. Г. Чернышевском изъявляли желание слушать бойцы, только что принесенные в палату после операции.

Н. М. Чернышевская, как никто, умела открыть великое в повседневных поступках своего деда, известных ей из семейных рассказов. С одной стороны, — достоверность и теплота непосредственно, с близкого расстояния увиденного образа мужественного революционера, а с другой, — стремление подчеркнуть его пламенный патриотизм, те черты характера, которые роднили общественного деятеля прошлого века с людьми нынешнего горячего и горького военного дня. А. П. Скафтымов высоко оценил «простоту и изящество» бесед Н. М. Чернышевской в госпиталях, с удовлетворением отметил в них отсутствие «искусственной приспособленности к слушателям невысокого уровня»⁵. Н. М. Чернышевская тщательно записывала рассказы раненых об их знакомстве с жизнью и деятельностью Н. Г. Чернышевского, о влиянии на них романа «Что делать?» Были здесь и памятные встречи с защитником Сталинграда — рабочим, строившим памятник на могиле Н. Г. Чернышевского в 1939 г., с украинским крестьянином,

---

⁵ Личный архив Н. М. Чернышевской. Папка «Лекции и беседы», 1943 г.

почти неграмотным, которому роман «Что делать?» прочел вслух его сын⁶. Выздоровливая, возвращаясь на фронт, бойцы оставляли записки — свидетельство того, что рассказы о великой жизни борца за народное счастье нашли в их сердцах горячий отклик, подтверждение важности и необходимости большого и благородного труда сотрудников Дома-музея. «Восхищаюсь смелостью, независимостью суждений Николая Гавриловича. Правда, рыцарская честность, — как они красят тебя, русский человек! Твоя правда в наших сердцах, и с нею мы непобедимы». Ран. большой госпиталя 3313 М. Бубнов»⁷.

В годы войны крепло содружество сотрудников Дома-музея Н. Г. Чернышевского с видными советскими учеными. Среди постоянных участников его Ученого совета в годы войны — профессора Н. Ф. Познанский, И. В. Страхов, Г. А. Гуковский, А. П. Скафтымов. В 1943—1944 гг. заместителем директора по научной части Дома-музея был профессор Ленинградского государственного университета В. Е. Евгеньев-Максимов. В архиве сохранился его отчет о прочитанных в 1944 г. лекциях. Этот документ достоин того, чтобы его привести полностью.

«Настоящим довожу до Вашего сведения, что в течение зимы и весны 1944 г. (с 1 января по 15 июня), исполняя возложенное Вами на меня поручение, я продолжал свою лекционную работу а) в госпиталях, б) в воинских частях и в) на фабриках и заводах г. Саратова. Из госпиталей особенно часто мне приходилось выступать в 360 (во всех 3 корпусах), в госпитале 26—35 и 995; из воинских частей — в батальоне для выздоравливающих; из фабрик — на Краснознаменной швейной фабрике.

Тематика лекций оставалась прежняя, т. е. литературно-оборонная. В связи с событиями последних месяцев особенно часто приходилось читать лекции: «Героический Ленинград в произведениях современных писателей», «Борьба за освобождение Украины в творчестве Гоголя». С особым интересом слушались лекции о «Чернышевском как великом патриоте земли русской».

В течение первых четырех месяцев текущего года (январь—апрель) мною прочитано 140 лекций (по 35 лекций в месяц). В начале июня я, как Вам известно, заболел и сам

---

⁶ Архив ГДМЧ, общее делопроизводство, оп. 1, № 36, л. 7, об.

⁷ Книга отзывов посетителей Дома-музея Н. Г. Чернышевского за 1941—1946 гг., 25 мая 1944 г., л. 17.

угодил в госпиталь. Это обстоятельство, естественным образом, сократило мою лекционную нагрузку, сократило, но не прекратило: в госпитале я прочел 12 лекций.

Общее число прочитанных лекций мною за отчетный период равняется таким образом — 152.

Проф. Ленинград. Государ. Университета
В. Евгеньев-Максимов⁸

15/VI-1944 г.

Кроме перечисленных в лекторском арсенале В. Е. Евгеньева-Максимова было более 20 тем: «Русское богатырство в борьбе с захватчиками», «Мужественные образы наших великих предков (Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов) в художественной литературе», «Патриотические мотивы в творчестве Державина и Радищева, Пушкина и Лермонтова», «Великий русско-украинский патриот Н. В. Гоголь», «Тургенев и родина», «Добролюбов-патриот», «Физическая и нравственная мощь русского народа в поэзии Некрасова», «М. Е. Салтыков-Щедрин в борьбе с пруссачеством», «Великая Отечественная война в современной художественной литературе» и т. д.⁹

Заметка в газете рассказывает о том, как проходили лекции В. Е. Евгеньева-Максимова в Н-ской воинской части: «В течение пяти дней профессор познакомил бойцов и командиров с творчеством и общественной деятельностью Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова и других великих писателей-патриотов нашей Родины. Слова писателей о любви к Родине, о могучем русском народе глубоко волновали слушателей и звали их еще лучше готовиться к боям за отчизну»¹⁰.

В своих печатных и устных выступлениях о Н. Г. Чернышевском В. Е. Евгеньев-Максимов постоянно подчеркивал действенность патриотизма революционного демократа. В грозные годы войны ему важно было убедить слушателей в том, что «патриотизм Чернышевского не был отвлеченной теорией», а «стал его органическим свойством, которому Николай Гаврилович подчинил всю свою практическую деятельность... именно патриотические, а не какие-либо иные побуждения сделали Чернышевского пламенным революционе-

⁸ Архив ГДМЧ, оп. 1, № 182, л. 1.

⁹ Архив ГДМЧ, общее делопроизводство, оп. 1, № 33, л. 9.

¹⁰ Лекции о русских писателях. — Красноармеец, 1943, 26 июня.

ром»¹¹. В числе других заслуг В. Е. Евгеньева-Максимова перед родиной и народом, отмеченных в честь его 60-летия в 1943 г. высокой правительственной наградой орденом Трудового Красного Знамени, несомненно, можно назвать и его лекционную деятельность в Доме-музее Н. Г. Чернышевского в годы Великой Отечественной войны.

Годы Великой Отечественной войны стали важным этапом и в развитии научно-экспозиционной деятельности Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Хотя в полном смысле этого слова новой экспозиции создать не удалось, основа многих последующих достижений коллектива музея в этой области была заложена именно в военное время.

В 1944 г. по заданию Наркомпроса сотрудниками музея были выработаны под руководством профессоров В. Е. Евгеньева-Максимова и А. П. Скафтымова¹² планы новой расширенной экспозиции. В докладной записке В. Е. Евгеньева-Максимова намечались четыре новых темы, которые должны были существенно дополнить экспозицию 1939 г., поднять ее на уровень современных научных достижений. Прежде всего, ставилась задача расширить экспозиционный материал, связанный с астраханским периодом деятельности Н. Г. Чернышевского, который оставался почти не освещенным в предыдущей экспозиции. Раздел «О. С. Чернышевская как жена и друг Н. Г. Чернышевского» предполагалось разместить во флигеле музея, где она жила в 1881—1883 гг. О том, что первые шаги в этом направлении были сделаны уже в 1944 г. говорит заметка в областной газете¹³. Третья экспозиционная тема «Н. Г. Чернышевский в Саратове» должна была продолжить и обобщить начатую еще в 1943 г. работу по выявлению и увековечению памятных мест, которых к 1943 году было известно уже 50.

Эти темы были намечены для перспективной разработки на длительный период, а пока работники музея проводили обновление старой экспозиции. Большим подспорьем в этой работе были переданные в Дом-музей Н. Г. Чернышевского в 1944 г. материалы Московского музея Н. Г. Чернышевского, который так и не был открыт в предвоенные годы.

По четвертой теме («Н. Г. Чернышевский и война») уже

---

¹¹ Евгеньев-Максимов В. Е. Великие патриоты. Н. Г. Чернышевский. — Коммунист, 1942, 10 июля.

¹² См.: Архив ГДМЧ, общее делопроизводство, оп. 1, № 33, 36.

¹³ См.: Расширение Дома-музея. — Коммунист, 1944, 11 августа.

в 1944 г. была развернута экспозиция. Сохранился ее план¹⁴. Первый раздел этой экспозиции — «Н. Г. Чернышевский — идейный предшественник борьбы русского народа с фашизмом» — представлял собой монтаж изобразительного материала с текстами-цитатами из произведений Н. Г. Чернышевского. Второй раздел объединял в себе разнообразный материал, связанный с ролью романа «Что делать?» в воспитании борцов с фашизмом, и в последнем, третьем разделе, была отражена деятельность Дома-музея в годы Великой Отечественной войны. Несомненным достоинством экспозиции была насыщенность экспонатами, собранными по горячим следам завершавшейся войны. Эти экспонаты по сей день бережно хранятся в фондах Дома-музея: издания, подготовленные сотрудниками музея, путевки лекций, прочитанных в госпиталях Н. М. Чернышевской, А. П. Скафтымовым, В. Е. Евгеньевым-Максимовым, П. А. Супоницкой, комплекты фотографий, ходившие по рукам тяжелораненых во время бесед, роман «Что делать?», вернувшийся в музей с фронта, и другие реликвии. В них — живая память о людях, которые в грозные военные годы своим самоотверженным трудом подтвердили мысль Н. Г. Чернышевского о том, что русский человек «не может быть ничем иным, как патриотом... все остальные интересы его деятельности подчиняются... великой идее служения на пользу своего отечества»¹⁵.

А. А. ДЕМЧЕНКО

60 ЛЕТ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

С первых лет существования музей заявил о себе как научное учреждение. Этому способствовал М. Н. Чернышевский, который ко времени утверждения в должности директора уже был известен как биограф, библиограф и первый издатель сочинений своего знаменитого отца. Работу по собиранию и изучению литературного наследия Чернышевского Михаил Николаевич продолжал вплоть до своей смерти в 1924 году.

Еще в 1918 г. М. Н. Чернышевский получил от директора Пушкинского Дома Н. А. Котляревского большое количест-

¹⁴ Личный архив Н. М. Чернышевской. Папка «Экспозиции 1944 г.».

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 3, с. 138.

во рукописей Чернышевского для подготовки их к печати. Это были произведения, написанные Чернышевским в Петропавловской крепости: романы «Что делать?», «Повести в повести», «Алферьев», переводы, мелкие рассказы, автобиографические наброски. Часть рукописей написана сокращенной скорописью. Неизданными оставались дневники Чернышевского, написанные тем же способом. Одновременно с работой по расшифровке текстов Чернышевского Михаил Николаевич предпринял изучение следственного дела Чернышевского, установив связь с П. Е. Щеголевым, директором Историко-революционного архива в Петрограде.

В эти годы было задумано новое полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского под редакцией П. Е. Щеголева. Для этого издания М. Н. Чернышевский по договоренности с П. Е. Щеголевым предпринял и в неблагоприятнейших бытовых условиях довел до конца работу по расшифровке и подготовке к печати студенческих дневников Чернышевского. «Дневники» в расшифровке М. Н. Чернышевского и Н. А. Алексеева, продолжившего эту работу после смерти Михаила Николаевича, впервые опубликованы в 1928 году¹.

Собранная М. Н. Чернышевским ценнейшая коллекция рукописей, корректур, писем, документов, книг Чернышевского, переданная в музей в 1925 году, составила основной научный архив музея, позволивший в последующие годы выполнить в музее большую программу научных работ.

Вплоть до 1941 года, когда архив писателя был переведен в Центральный Государственный архив литературы и искусства, музей по праву считался одним из научных центров в изучении Чернышевского.

Научный коллектив музея, возглавляемый с 1924 года Н. М. Чернышевской, значительно расширил проблематику исследований².

Фронтальное изучение архива позволило составить научному сотруднику музея С. И. Быстрову описание рукописного фонда³. В результате выявлен ряд текстов, существенно дополнивших представления об объеме писательского наследия

---

¹ Чернышевский Н. Г. Литературное наследие. М—Л., 1928, т. 1.

² Чернышевская Н. М. Краткий обзор научной деятельности Дома-музея Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Литературные беседы, Саратов, 1929, вып. 1, с. 162—163; вып. 2. Саратов, 1930, с. 289—290.

³ Быстров С. И. Описание рукописей Н. Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, материалы и статьи, Саратов, 1928, с. 325—429.

Чернышевского. В течение 1930—50-х годов благодаря публикациям Н. М. Чернышевской и сотрудников музея В. А. Сушицкого и П. А. Супоницкой стали известны произведения Чернышевского, задержанные цензурой или оставшиеся неопубликованными. Среди них семинарские сочинения⁴, рукописи студенческих лет, фрагменты художественных произведений студенческого периода (повесть «Понимание», «Теория и практика»), статьи по литературным вопросам⁵. Представляют особый интерес подготовленные к печати В. Сушицким статьи Чернышевского по крестьянскому вопросу⁶.

Важным событием в изучении литературного наследия Чернышевского явилось издание его «Избранных сочинений», подготовленное Коммунистической академией в сотрудничестве с Домом-музеем Н. Г. Чернышевского по заданию Комиссии при Президиуме ЦИК СССР по ознаменованию 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского. В работе над 1-м и 4-м томами этого пятитомного издания принимала участие Н. М. Чернышевская. Ею составлены комментарии текстологического и историко-литературного характера для избранных сочинений Чернышевского в одномомниках («Эстетика и критика», 1934; «Избранные философские сочинения», 1938).

В 1939—1953 годах Государственным издательством художественной литературы было выпущено Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского в 16 томах. Текстологический и библиографический комментарий к статьям, вошедшим в 1—7 и 14—16 тома, выполнен Н. М. Чернышевской. Она же приняла участие в подготовке к печати трех томов «Литературного наследия» Чернышевского, куда вошло собрание писем, дневников и мемуаров (1928—1930 годы).

Со временем в круг специального изучения вовлечены не только материалы литературного наследия Чернышевского. В стенах музея Н. М. Чернышевской составлена фундамен-

---

⁴ Супоницкая П. А. Семинарные сочинения Н. Г. Чернышевского. — Звенья, М., 1951, № 8, с. 431—437.

⁵ Сушицкий В. «Рудин» в ранней оценке Чернышевского. — Учен. зап. Саратов. ун-та, 1934, т. 12, вып. 2, с. 113—128; Чернышевская Н., Богословский Н. Неизданные и неизвестные тексты Н. Г. Чернышевского. Литературное наследство, М., 1936, т. 25—26, с. 162—188; Чернышевская Н. Вводная заметка к публикации повести Н. Г. Чернышевского «Теория и практика». — Звенья, М., 1936, № 6, с. 613—624.

⁶ Сушицкий В. Неопубликованные статьи Н. Г. Чернышевского по крестьянскому вопросу. — Исторический архив, 1936, № 1, с. 291—339.

тальная хронологическая канва его жизни и творчества⁷, созданы биографические работы научно-популярного характера⁸.

Изучение новых поступлений Саратовского областного архива и местной периодической печати привело Н. М. Чернышевскую к разработке темы «Чернышевский в Саратове» (изданные в Саратове монографии 1948, 1949 и 1952 годов). Публикуются библиографические работы⁹.

Разрабатываются также темы, связанные с историей музея. Первый печатный опыт в этом направлении принадлежит научной сотруднице Е. П. Дьяковой¹⁰. История зарождения и возникновения музея в Саратове и его развития прослежена впервые Н. М. Чернышевской в ряде статей 1965—1978 гг.¹¹.

Одновременно шла работа и по созданию литературно-мемориальной экспозиции. Совершенствование экспонирования разделов биографии Чернышевского находилось в прямой связи с углублением научного изучения Чернышевского. Экспозиция, открытая в 1967 году к 50-летию Советского государства и 140-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, в сравнении с предыдущими более всего отвечала современным требованиям музейного экспонирования, художественного оформления, технического оснащения. Ее сменила экспозиция 1978 года.

В 1939 году вышел в свет первый путеводитель по дому-музею (составитель Е. Н. Сторожицкая). С тех пор он пери-

---

⁷ Чернышевская-Быстрова Н. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1933; Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, М., 1953.

⁸ См.: Быстров С. И. Н. Г. Чернышевский. М. — Саратов, 1926, Сушицкий В. Чем нам близок Чернышевский. Саратов, 1930, 2-е изд. Саратов, 1934; Чернышевская Н. М. Виллюйский узник. Саратов, 1939; Бугаенко П. А. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского (к 120-летию со дня рождения). Саратов, 1948.

⁹ Сушицкий В. Описание корректур Н. Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени. Саратов, 1935; Чернышевская-Быстрова Н. М. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников (библиографический указатель). — Литературные беседы, Саратов, вып. 2, с. 116—288; Чернышевская Н. М. Библиография писем Н. Г. Чернышевского. — Учен. зап. Сарат. ун-та, 1948, вып. 19, с. 142—195.

¹⁰ Дьякова Е. П. История дома Н. Г. Чернышевского до основания в нем музея (1822—1920). — Звенья, 1950, № 8, с. 578—582.

¹¹ См.: Н. Г. Чернышевский, вып. 3—8.

одически издается заново, отражая состояние существующих экспозиций¹².

Выполняются специальные темы, связанные с экспонатами музея.

В последние годы в качестве самостоятельной выдвинута в музее тема «В. И. Ленин о Н. Г. Чернышевском». Изучение изданного каталога библиотеки Ленина в Кремле позволило выявить и собрать дублетные экземпляры всех книг Чернышевского и о нем в личной библиотеке Ленина. Результатом этой работы явился открытый в октябре 1969 года к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина новый экспозиционный раздел в составе комплекса «Чернышевский в Советскую эпоху».

Будучи до 1941 года средоточием личного архива писателя, рукописные фонды музея неизменно привлекали внимание видных специалистов по Чернышевскому. На материалах музейного архива подготовили ценнейшие публикации известные историки и литературоведы А. П. Скафтымов, С. Н. Чернов, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. Ф. Ефремов, Н. Ф. Познанский, И. В. Порох, видные исследователи биографии Чернышевского Н. А. Алексеев, Н. К. Пиксанов, В. Г. Ильинский, В. В. Буш, С. З. Каценбоген, В. Е. Евграфов и многие другие.

С годами крепло творческое содружество с кафедрами русской литературы и истории СССР Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского и педагогического института. Коллектив музея участвовал в издании юбилейных сборников о Чернышевском, вышедших в 1926, 1958 и 1978 гг.

Профессор А. П. Скафтымов в 1940-х годах проводил в музее на подлинных архивных источниках спецсеминар по Чернышевскому и русской литературе XIX века, кандидат филологических наук Н. М. Чернышевская в 1953 году читала в педагогическом институте спецкурс по Чернышевскому для студентов филологического факультета, в 1969—70 годах спецсеминар по Герцену проводил в музее доцент, кандидат исторических наук (ныне профессор и доктор) И. В. Порох.

Особенно плодотворна связь музея с кафедрой русской литературы СГУ. С 1944 по 1946 год заместителем директора музея по научной части работал профессор университета

---

¹² См.: Бугаенко П. А. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Путеводитель. Саратов, 1948; Лазерсон Б. И. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Путеводитель. Саратов, 1957. Демченко А. А. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Путеводитель. Саратов, 1969 (2-е изд., 1973).

А. П. Скафтымов. Им введены новые научные темы: «Чернышевский — литературный критик», «Чернышевский и Некрасов», «Сибирская беллетристика Чернышевского». Над темой «Чернышевский и Некрасов», например, успешно работала научный сотрудник П. А. Супоницкая, старший научный сотрудник М. В. Иванова составила библиографию на эту тему. Зам. директора в 1946—1950-х годах П. А. Бугаенко исследовал историю романа «Пролог», написанного Чернышевским в Сибири.

Сотрудники музея принимают участие в периодически выпускаемых кафедрой сборниках статей и материалов о Чернышевском. В восьми выпусках (1958—1978 гг.) Н. М. Чернышевской, Б. И. Лазерсон, М. В. Ивановой и другими сотрудниками опубликовано около 20 статей на различные темы.

Пять сотрудников музея защищали в 1941—1971 гг. кандидатские диссертации.

В 1940 году в музее был создан Ученый совет, в 1944-ом он был значительно расширен и реорганизован. Председателем этого Ученого совета избрана Н. М. Чернышевская, заместителем председателя — профессор А. П. Скафтымов. В состав совета входили ученые, преподаватели саратовских вузов, учителя, писатели, музейные работники.

На заседаниях заслушивались научные доклады, сообщения об экспозиционной работе, информации о научной работе музейного коллектива. С докладами и сообщениями неоднократно выступали профессора А. П. Скафтымов, Е. И. Покусаев, И. В. Страхов, А. Ф. Ефремов, Г. А. Гуковский, Н. Ф. Познанский, доценты А. П. Медведев и Л. П. Медведева. В 1959 году заслушивалось сообщение о выдвижении монографии профессора Б. П. Козьмина «Русская секция I Интернационала» на соискание Ленинской премии. В 1961 году обсуждена совместно с четырьмя кафедрами СГУ монография В. Н. Баскакова «Мировоззрение Н. Г. Чернышевского», Н. М. Чернышевская выступила с рецензией в Институте философии АН СССР. В 1965 году на расширенном заседании Ученого совета заслушан доклад профессора С. А. Рейсера (г. Ленинград) «Прокламация Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам» (Историография. Текстология). В 1967 году с сообщением об издании сборника «Дело Чернышевского» выступил кандидат исторических наук, доцент СГУ И. В. Порох.

Одной из форм научной работы в музее является систематическое ежегодное описание научного архива, с годами зна-

чительно разросшегося. В 1957—1958 годах осуществлена систематизация архивных материалов, рукописного сектора основного фонда, научно-вспомогательного фонда и микрофильмов. Упорядочение научного архива позволило повысить качество научных консультаций.

В последующие годы коллектив музея работал над сложными научными проблемами: летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, родословная Чернышевских—Пыпиных—Васильевых, история музея, Чернышевский в Саратове.

В 1974 г. киевским издательством «Днипро» издана книга Н. М. Чернышевской «Н. Г. Чернышевский и Т. Г. Шевченко» с послесловием лауреата Ленинской премии члена-корреспондента АН УССР Е. С. Шаблювского. Книга была переиздана в 1978 г. Приволжское книжное издательство выпустило книги Н. М. Чернышевской «Повесть о Чернышевском» (1975), «Саратовский мальчик» (1978), «Чернышевский и Саратов» (1978). Большую заботу по опубликованию этих книг и других трудов Н. М. Чернышевской после ее смерти проявила ее дочь В. С. Чернышевская. Ею подготовлены к печати статьи для академического журнала «Русская литература», сборника «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», журнала «Волга». В ряду этих работ книга Н. М. Чернышевской «Семья Чернышевского», выпущенная в Саратове в 1980 г. Некоторые материалы, оставшиеся не опубликованными при жизни Н. М. Чернышевской, любезно предоставлены В. С. Чернышевской в настоящий сборник.

Ряд популярных изданий подготовлен сотрудниками музея в связи с 150-летием со дня рождения Чернышевского¹³. В помощь лектору выпущены методические разработки¹⁴. В Приволжском книжном издательстве вышел сборник «В памяти народной», составленный из отзывов посетителей музея за 60-летнюю историю существования и новый путеводитель по музею, написанный Г. П. Мурениной и Ю. М. Костиным.

---

¹³ Н. Г. Чернышевский и книга. Составление и вступ. статья Г. П. Мурениной, М., 1979; Дорогие каждому места. Саратов, 1979; Пoesия мысли (высказывания и афоризмы Н. Г. Чернышевского). Сост. Г. П. Муренина, А. С. Озерянский, Ю. М. Костин, Н. Ф. Куликова, В. И. Порох. Саратов, 1978 г.

¹⁴ Озерянский А. С. Классики марксизма-ленинизма о Чернышевском. Саратов 1975; Костин Ю. М. Чернышевский в борьбе с религией. Саратов, 1976; Муренина Г. П. Жизнь и деятельность Чернышевского, Саратов, 1977; Муренина Г. П., Озерянский А. С., Чернышевский и книга, М., 1979.

Сотрудники музея успешно продолжают славные традиции Дома-музея Н. Г. Чернышевского как научного учреждения по изучению и пропаганде наследия великого русского революционера-демократа.

А. С. ОЗЕРЯНСКИЙ

ИЗУЧЕНИЕ ИКОНОГРАФИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

С первых дней существования Дом-музей Н. Г. Чернышевского является главным хранилищем изобразительных материалов, относящихся к жизни и деятельности великого революционного демократа.

Большой вклад в изучение иконографии Н. Г. Чернышевского внесли работы Н. М. Чернышевской, А. В. и В. В. Леонтьевых¹.

Самым первым портретом Н. Г. Чернышевского безусловно является его снимок 31 декабря 1853 года, изготовленный в дагерротипном и фотографическом заведении И. А. Александровского в Петербурге. Он исполнен в технике дагерротипа и изготовлен в одном экземпляре. По мнению А. В. и В. В. Леонтьевых портрет является самым достоверным и лучшим из всех снимков писателя. В увеличенном виде переснимок с дагерротипа, отретушированный художником К. К. Первухиным, впервые был опубликован в I томе Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, издаваемого его сыном в 1905—1906 годах. Дагерротип хранился в семье писателя, а в 1920 году был передан в музей М. Н. Чернышевским.

В 1859 году Чернышевский был сфотографирован В. Лауффертом в Петербурге.

¹ См.: Чернышевская-Быстрова Н. М. Портреты Чернышевского. — В кн.: Литературные беседы. Саратов, 1929, вып. 1, с. 157—161. Чернышевская Н. М. Обзор первоисточников, хранящихся в Доме-музее Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1930, с. 327—347; Леонтьев А. В. Первоначальные изображения Н. Г. Чернышевского. — Архив ГДМЧ, д. 7, оп. 1, № 216. См.: так же: Холкина А. П. Н. Г. Чернышевский. — В кн.: Описание материалов Пушкинского Дома. Революционные демократы. М.—Л., 1962, вып. 7. Здесь дается полный обзор собрания иконографических материалов Н. Г. Чернышевского, хранящегося в музее Пушкинского Дома.

Предполагалось, что этот фотопортрет мог быть выполнен перед отъездом Н. Г. Чернышевского в Лондон. Это предположение опиралось на некоторые свойства характера Ольги Сократовны, которая любила отмечать подобным образом разные семейные события, а здесь это было налицо: заграничная поездка, долгая разлука. Но в 1957 году в первом издании летописи жизни Шевченко на украинском языке упоминается о праздновании юбилея артиста А. Е. Мартынова, о поднесении ему альбома с фотокарточками и личными подписями всех виднейших писателей эпохи 60-х годов. Имя Чернышевского указано в их числе. Составитель летописи жизни Д. М. Косарик нашел также адрес, поднесенный артисту Мартынову 10 марта 1859 года. Там есть подпись и Н. Г. Чернышевского. «Нет ничего удивительного, — пишет Н. М. Чернышевская, — если для этого юбилея Чернышевского сфотографировали»².

Долгое время музей не располагал подлинной фотографией писателя, а имел собрание ее поздних переснимков. Существовала точка зрения, что в 1916 году М. Н. Чернышевский передал в Пушкинский Дом подлинный фотопортрет отца 1859 г. для предполагаемой выставки, посвященной Н. Г. Чернышевскому.

Занимаясь изучением иконографии писателя-революционера, А. В. и В. В. Леонтьевы поставили под сомнение подлинность фотографии, определяя ее как современную подлиннику копию. В пользу этой версии говорил факт, что на снимке, переданном в то время из Пушкинского Дома в музей Н. А. Некрасова в Ленинграде, была сделана сильная ретушь, а фотографии в Доме-музее Н. Г. Чернышевского, Саратовском областном музее краеведения, музее Института русской литературы почти неотретушированы, кроме того, аксессуары фона на рассматриваемых снимках выглядели по-разному. На изображении писателя в музее Н. А. Некрасова рама картины на стене помещения, где снимался Чернышевский, была расположена на некотором расстоянии от него, на других он заслоняет раму.

По мнению Леонтьевых первоисточник всех копий был один, но он подвергся обработке ретушером-художником, отсюда — наличие двух разных вариантов репродукций со снимка писателя 1859 года.

В 1956 году А. В. Леонтьев ознакомился с фондами и экс-

² Н. Г. Чернышевский, вып. 2, с. 211.

позициями ведущих музеев Москвы и Ленинграда. Детальное изучение портрета Н. Г. Чернышевского 1859 года, хранившегося в музее Н. А. Некрасова, фотокопий снимка центральных музеев, где он побывал, и консультаций с их научными сотрудниками значительно дополнили имеющиеся сведения по иконографии писателя-революционера.

Сообщение А. В. Леонтьева о первоначальных изображениях Н. Г. Чернышевского было заслушано в 1956 году на научном заседании в Ленинграде³, на котором присутствовали сотрудники музея Института русской литературы, Всесоюзного музея А. С. Пушкина, музея Н. А. Некрасова. При обсуждении вопроса и в завязавшейся в дальнейшем переписке Дома-музея с музеем Института русской литературы ленинградцы высказали мнение: «Фотограф Лауфферт в 1859 году снял Н. Г. Чернышевского и сделал фотографии, на которых он изображен погрудно с размытыми ниже пояса контурами фигуры на нейтральном фоне. Затем два отпечатка были раскрашены ретушером-художником, который дописал не только фон, но и всю нижнюю часть фигуры. Получились 2 отличных друг от друга варианта. Сравнение фотокопий с этих оригиналов дает возможность ясно почувствовать разницу между ними. Она заключается не только в положении рамы по отношению к голове, но и в рисунке как самой рамы, так и драпировки, в размере уголка картины, не закрытого драпировкой, в профилировке стены у колонны, в форме основания колонны, в рисунке пейзажа. Очень существенным является различие в положении и рисунке ног, что является доказательством того, что нижняя часть фигуры была дорисована. Все это заставляет утверждать, что было два варианта фотографий с пририсованным фоном, с которых делались переснимки.

Один из ретушированных отпечатков попал в семью Чернышевских и затем от М. Н. Чернышевского поступил в музей Пушкинского Дома (ныне он находится в музее-квартире Н. А. Некрасова). Второй ретушированный отпечаток мог остаться в распоряжении Лауфферта, и с него были сделаны в значительном количестве фотокопии визитного размера. Ныне этот оригинал, по-видимому, утрачен, поэтому судить о его качестве можно лишь по этим ранним фотокопиям. В распоряжении фотографа оставались также отпечатки, которые были лишь слегка обработаны ретушью, фон оставался ней-

³ Архив ГДМЧ, д. 7, оп. 1, № 218, с. 28—48.

тральным, а нижняя часть фигуры отсутствовала. Этот третий вид фотографии послужил основой для многих фотокопий визитного и большого размера, на которых ретушь ощущается очень мало»⁴.

В ответном письме Леонтьев писал: «Бесспорно, что экземпляр фотографии Н. Г. Чернышевского 1859 года, находящийся в музее Н. А. Некрасова, единственный известный Вам и нам подлинник. Но нас интересует его первоначальные изображения не сами по себе, а ради получения более или менее правильного представления о реалистическом образе Н. Г. Чернышевского». Далее Леонтьев повторил изложенную им в указанном очерке точку зрения о месте и значении в изучении иконографии писателя-революционера переснимка с его фотографии 1859 года, присланного в музей В. А. Пыпиной в 1927 году. Он отмечал, что экземпляр, с которого воспроизведен пыпинский переснимок, более прост и правдив, чем экземпляр музея Н. А. Некрасова. «Вот бы найти его! Но существует ли он?»⁵ — писал Леонтьев.

• Подлинная фотография Н. Г. Чернышевского 1859 года поступила в музей в 1964 году. Она соответствует предположениям А. В. и В. В. Леонтьевых. Портрет еще с дореволюционного времени находился у В. А. Пыпиной, к которой перешел от А. Н. Пыпина. После смерти Веры Александровны в 1930 году снимок хранился у ее душеприказчицы П. Ф. Калнынь, а после ее встречи в Ленинграде с заместителем директора музея Н. Г. Чернышевского Б. И. Лазерсон был прислан в Саратов. Впервые же репродукция с портрета 1859 года была приложена к книжке К. М. Федорова «Жизнь русских великих людей. Н. Г. Чернышевский», Асхабад, 1904 г. с ошибочным указанием даты — 1864 г.

Известно, что Н. Г. Чернышевский являлся одним из учредителей Литературного фонда и был снят в группе 12-ти членов его первого комитета вместе с И. С. Тургеневым, П. В. Анненковым, А. В. Дружининым, А. А. Краевским, А. В. Никитенко и другими деятелями комитета. Это единственная известная фотография Чернышевского в группе.

В 1961 году Н. М. Чернышевская на основании сведений, которые были обнаружены и сообщены ей Е. Л. Ковалевской

⁴ Из письма И. Е. Грудининой, Е. А. Ковалевской, А. П. Холиной А. В. Леонтьеву, 1957 г. — Архив ГДМЧ, д. 7, оп. 1, № 219, л. 10—11.

⁵ Из письма А. В. Леонтьева в музей Института русской литературы, 1957 г. — Там же, л. 14.

и А. П. Холиной, уточнила дату снимка. В ее статье «Новые материалы для «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» указывается: «До сих пор эта группа датировалась 1859 годом в разных изданиях. Под этой датировкой она вошла и в иконографические фонды наших литературных музеев. Однако в последнее время установлена другая и совершенно точная дата: 27 марта 1860 г. Именно в этот день А. В. Никитенко записал в своем дневнике после собрания в Литературном фонде: «...члены Комитета пошли к фотографу Кучаеву, который просил у нас позволения снять с нас портреты в группе»⁶. В музее имеются репродукции снимка.

31 мая 1864 года в Петербурге над Чернышевским был совершен обряд гражданской казни. Очевидец сделал три рисунка, отражающие моменты позорного акта царского самодержавия в отношении вождя революционной демократии России. Копии с них ныне представлены в экспозициях музея.

Фондовые коллекции располагают и снимком, запечатлешшим писателя в годы сибирской каторги.

Ранее портрет датировался 1864 годом, предполагалось, что Чернышевский был снят в Иркутске, когда он проезжал через город по пути в Александровский завод⁷. В I томе монографии Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский», изданной в Москве в 1928 году, фотография обозначалась 1872 годом. Долгое время преобладало мнение, что снимок следует отнести к 1871 году, к моменту перевода Н. Г. Чернышевского из Александровского завода в Виллюйск⁸.

В 1950 году опубликованы документы, позволяющие установить дату и место, где был сфотографирован Н. Г. Чернышевский.

Полковник М. Купенков 2 июня 1870 года доносил: «Во исполнении словесного приказа г. генерал-губернатора о снятии с более важных Государственных и политических преступников фотографических карточек я заключил условие с Иркутским фотографом Августом Гофманом, по которому он обязался в течение настоящего лета побывать в Александровском заводе Нерчинского округа и по указанию Вашему снять до 10-ти фотографий с вверенных Вам преступников, уничто-

⁶ Н. Г. Чернышевский, вып. 2, с. 212.

⁷ Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч., СПб, 1906, т. 10, ч. I.

⁸ См.: Беркова К. Н. Чернышевский. Биографический очерк. М., 1925.

жив негативы по окончанию печатания. Каждая фотография должна быть отпечатана в количестве четырех дюжин, из которых 3½ Вы не оставьте препроводить ко мне, а по полдюжине оставьте при делах Комендантского Управления для содействия к розыскам, если бы преступники эти совершили побег. Г. Гофману должно остаться неизвестным, с кого именно он будет снимать фотографии, для чего я имею честь покорнейше просить на карточках выставить только номер, а для сведения моего препроводить список, из которого бы можно видеть как подробные натуральные приметы преступников, так равно имена и фамилии последних»⁹.

Из документа узнаем также о том, что первая запись сделана карандашом на обратной стороне письма о фотографировании 10 заключенных и зачеркнута, второй список написан там же чернилами.

Первый список начинался «1-Чернышевский», второй «1-а Чернышевский»¹⁰.

В нашем музее представлена подлинная фотография Чернышевского 1870 года. На ней напечатан литографический штамп, который говорит о том, что Август Гофман получил в 1868 году серебряную медаль «За трудолюбие и искусство». Дата подчеркнута М. Н. Чернышевским двумя чертами и в нижней части оборотной стороны паспарту видна его пометка 1871 г., т. е. сын писателя, напечатавший впервые эту фотографию в I-м полутоме X тома Полного собрания сочинений Чернышевского с другого экземпляра с датой съемки 1864 года, убедившись в том, что съемка не могла произойти ранее 1868 года, определил исполнение фотографии 1871 годом. В верхней части паспарту сохранилась помета старыми чернилами «№ 1-а», которая подтверждает его изготовление в 1870 году.

В следующий раз Чернышевский был сфотографирован в 1883 году. Н. К. Крупская отмечала в своих воспоминаниях, что в Сибири в альбоме В. И. Ленина среди фотографий выдающихся деятелей революционного движения, оказавших на него влияние и особо им любимых, были две фотографии Н. Г. Чернышевского, одна из которых была надписана Владимиром Ильичом — годы рождения и смерти писателя. Очевидно, это были нелегальные фотографии со снимка Н. Г. Черны-

⁹ Синюков М. Новые документы о пребывании Н. Г. Чернышевского в Забайкалье. — Забайкалье, 1950, кн. 4, с. 238—239.

¹⁰ Там же.

шевского 1883 года. Музей не располагает подлинниками этого портрета, но в фондах представлены два негатива с первоисточника.

По одной из ранних версий Чернышевский был снят в Саратове в 1883 году по пути из Сибири в Астрахань¹¹. Затем было доказано, что по прибытии в Астрахань в конце октября он был сфотографирован по указанию местного жандармского управления в фотозаведении С. И. Климашевской и 24 фотокарточки его были направлены для снабжения таковыми полицейских чинов как в Астрахани, так и в уездах губернии¹².

Отпечатки с имеющегося в музее негатива в величину подлинника представляют фотографию визитного размера. Впервые она была воспроизведена в книге В. А. Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского», вышедшей в Петрограде в 1923 году.

В 1888 году в Астрахани в том же фотозаведении С. И. Климашевской был снят в двух позах последний прижизненный портрет Чернышевского. Репродукции с фотографии наиболее распространены в различных изданиях. В очках, гладко причесанный, с бородой, тронутой проседью, писатель выглядит здесь почти стариком после долгих лет лишений и тяжелых испытаний. ■

После смерти мужа в 1889 году Ольга Сократовна обратилась в Астрахань с просьбой изготовить еще несколько дополнительных фотопортретов с негатива. Но негатив был уже уничтожен.

В связи с просьбой жены Н. Г. Чернышевского в фотозаведении Климашевской была произведена пересъемка с фотографии, хранившейся вероятно у кого-то из астраханцев. Подлинные снимки писателя 1888 года представлены в Доме-музее. На трех карточках сохранились дарственные надписи О. С. Чернышевской Евгении Николаевне, Михаилу Николаевичу и Виктории Ивановне Пыпиным, родственникам Чернышевского. Первоначально снимок был помещен в названной книге К. М. Федорова с ошибочной датой 1883 год.

В собрании подлинных фотографий Н. Г. Чернышевского представлены снимки умершего писателя 17/29 октября 1889 г. В воспоминаниях М. Н. Чернышевского читаем: «Отец лежал в гробу, окруженном со всех сторон роскошными венками.

---

¹¹ См.: Чернышевская-Быстрова Н. М. Портреты Чернышевского, с. 158.

¹² См.: Ерымовский К. И. Н. Г. Чернышевский в Астрахани. Астрахань, 1952, с. 162.

Лицо его было глубоко спокойно, следы страдания и скорби исчезли... когда отец лежал еще на столе была снята, и довольно удачно, фотография местным фотографом Егеревым»¹³.

В фондах музея хранятся подлинные снимки, на одном из них автограф О. С. Чернышевской. Впервые фотография была воспроизведена М. Н. Чернышевским в статье «Последние дни жизни Н. Г. Чернышевского».

В день похорон писателя (20 октября по ст. стилю) саратовским фотографом Ольденбургом был сделан снимок гроба умершего, покрытого венками и лентами. Подлинная фотография хранится в музее.

«На другой день смерти Николая Гавриловича, — пишет М. Н. Чернышевский, — явился к Ольге Сократовне артиллерийский офицер К. (М. М. Канищев. — А. О.) и просил позволения снять с Николая Гавриловича портрет масляными красками. — Для кого же вы будете снимать? — спрашивает она. — Конечно, для Вас»¹⁴.

После разрешения Канищев отправился в Радищевский музей, откуда вернулся с мольбертом, палитрой и прочим, а также привез с собой профессионального художника Попова.

Работы М. М. Канищева и С. П. Попова являются ныне экспонатами основного музейного фонда.

Кроме подлинных фотографий Н. Г. Чернышевского в музее представлена коллекция его нелегальных изображений. Вот, например, рисунок карандашом с портрета Чернышевского 1859 года. Читаем запись на обратной стороне: «Этот портрет рисован горным инженером Глушаковым в 1880 году в г. Пинеге Архангельской губ, куда он был административно сослан. В 1881—84 годах 6 декабря каждого года в Киеве студенты и почитатели Н. Г. Чернышевского, уроженцы Саратовской губернии, украшали этот портрет цветами и праздновали день именин своего знаменитого земляка»¹⁵.

Интерес представляет и другой нелегальный портрет писателя со снимка 1888 года. Его прислал в музей В. М. Сапежко — известный деятель революционного движения на Украине. В письме к Н. М. Чернышевской он отмечал, что, зная о ее намерениях написать статью о распространении портретов выдающегося писателя-демократа в революционных кругах

¹³ Чернышевский М. Н. Последние дни жизни Н. Г. Чернышевского. — Былое, 1907, № 8, с. 134.

¹⁴ Там же, с. 142.

¹⁵ Демченко А. А. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Путеводитель, Саратов, 1973, с. 86—87.

молодежи России, он посылает в Саратов нелегальный портрет Н. Г. Чернышевского, приобретенный им в 1887 году в Новгород-Северске Черниговской губернии, когда он, будучи учеником V класса гимназии, организовал подпольный кружок, в котором было начато в этом же году изучение революционных идей Чернышевского¹⁶. На фотографии приписка Н. М. Чернышевской: «Портрет 88г, значит в 88, а не в 87»¹⁷.

В музее хранятся несколько портретов писателя, изъятых жандармами во время обысков у саратовских революционеров.

Музейное собрание нелегальных портретов Н. Г. Чернышевского постоянно растет. В 1978 году оно пополнилось еще одним снимком, поступившим из г. Энгельса Саратовской области. Приславший фотографию А. М. Исаков писал, что портрет принадлежал его отцу М. А. Исакову, который работал врачом в Нижнем Новгороде. Во время одной из поездок в Петербург в начале 1900-х годов он приобрел нелегальный портрет Чернышевского с фотографии 1859 года, хранившийся до передачи в музей в семейном архиве.

Подлинные изображения Н. Г. Чернышевского — один из источников для деятелей изобразительного искусства, работающих над воплощением его образа. Правда, обращения к этой теме в дореволюционный период были единичны. Только после Великой Октябрьской социалистической революции, полностью снявшей запрет с имени великого революционного демократа, стало возможно говорить о воплощении образа Н. Г. Чернышевского в изобразительном искусстве.

Основной фонд музея включает многие работы советских художников и скульпторов, создавших образ Чернышевского. Достаточно назвать здесь картины и рисунки Ю. М. Казминова, В. А. Милашевского, Г. В. Миловидова, В. Н. Минаева, Б. А. Протоклитова, В. И. Сигорского, Н. Б. Терпсихорова, А. И. Третьякова, работы скульпторов П. Ф. Дундука, В. В. Козлова, М. С. Рукавишникова, А. П. Кибальникова, К. С. Суминова, С. И. Попова. Широко отмечавшийся в 1978 году 150-летний юбилей Н. Г. Чернышевского подтвердил неослабевающий интерес советского искусства к воплощению образа российского Прометея.

---

¹⁶ Из письма В. М. Сапезко Н. М. Чернышевской от 10 февраля 1941. — ОФ ГДМЧ, № 2525.

¹⁷ ОФ ГДМЧ, № 2524.

II. ИЗ ФОНДОВ И АРХИВА

Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ

ИСТОРИЯ ДОМА-МУЗЕЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, ЕГО ЗДАНИЙ И УСАДЬБЫ *

Дом-музей Н. Г. Чернышевского является ценнейшим памятником революционной культуры, имеющим всесоюзное значение, поэтому под охрану государства взяты все строения, находящиеся в данное время на бывшей усадьбе Чернышевских и Пыпиных.

Этих зданий насчитывается четыре: дом, в котором родился Н. Г. Чернышевский (ныне Дом-музей); флигель Ольги Сократовны Чернышевской; дом б. Пыпиных (первоначально дом деда Н. Г. Чернышевского Г. И. Голубева. Здесь родилась мать Н. Г. Чернышевского); флигель Евгении Николаевны Пыпиной.

Дом, в котором родился Н. Г. Чернышевский, ныне Дом-музей его имени, был приобретен отцом писателя, священником Сергиевской церкви Г. И. Чернышевским, у дочери статского советника Елизаветы Яковлевны Мауриной по купчей, совершенной в Саратове 20 ноября 1822 года. В его собственность переходил «деревянный дом, состоящий в городе Саратове — 2-ой части в приходе церкви Сергия Радонежского... Со всем имеющимся при нем строением и усадебным местом» за тысячу рублей ассигнациями.

Этот дом, как указано в купчей, первоначально был приобретен Мауриной в 1811 году у саратовского купца П. А. Трумпницкого¹.

---

* Статья публикуется в сокращенном виде.

¹ ОФ ГДМЧ, № 1944.

В дополнение к дому по купчей от 15 апреля 1831 года Г. И. Чернышевским была еще прикуплена у жены, дьякона Татьяны Максимовой «часть из крепостного дворового места, подходящего в состав к дому его Чернышевского... на Большой Царицынской улице в приходе Нерукотворенно-спасской (Сергиевской) церкви в смежности с домами входя во двор с правой стороны... продавщицы, а с левой его покупщика мерою по улице пять, а во двор девятнадцать квадратных — девяносто пять сажень», за двести тридцать рублей семьдесят пять копеек серебром².

Из неофициальных документов видно, что покупка дома была совершена фактически и почти целиком за счет тещи Г. И. Чернышевского, вдовы священника Г. И. Голубева, Пелагеи Ивановны Голубевой, мужем которой за несколько лет перед тем было приобретено соседнее место вместе с домом у тех же купцов Трумпичких. После покупки нового дома на имя Г. И. Чернышевского он был перестроен. Об этом рассказывается в записках дочери П. И. Голубевой, А. Г. Пыпиной, написанных в 1879 году...³.

В Доме-музее сохраняется «План с фасадами на построение деревянного на каменном фундаменте дома с таким же флигелем и воротами. Дом по 9-му, ворота по 1-му, флигель по 47-му номерам из высочайше апробованных фасадов священнику Сергиевской церкви Гавриле Ивановичу Чернышевскому на крепостном его дворовом месте с прирезкою к оному части улицы. Место сие состоит во 2-й города части в 264 городском квартале. Мерою оно по улице и в задах по двадцати идучи во двор с правой и левой сторон по девятнадцати, а в квадратных триста восемьдесят сажень». План датирован 13 августа 1825 года, записан при Архитекторских делах под № 33 и утвержден собственноручной подписью саратовского губернатора Панчулидзева. На обороте плана пометы: «1826 года июля 1-го дня сей план в Саратовской градской полиции явлен и в книгу под № 12 записан и для такового ж предъявления и наблюдения за выстройкою во 2-й города части выдан». Под этой пометой сообщение квартального надзирателя о том, что план явлен по 2-й гор. Саратова части 14 июля 1826 г.»⁴.

² См.: Дьякова Е. П. История дома Чернышевского до основания в нем музея (1822—1920) / Под ред. Н. М. Чернышевской. — Звенья. М., 1950, № 8, с. 578—582. Последующие ссылки на эту публикацию даются сокращенно: Звенья, № 8.

³ Печатаются в настоящем сборнике.

⁴ ОФ ГДМЧ, № 1949.

Чертеж самого дома, ворот и флигеля, нанесенный на этом архитектурном плане, включает в себе только фасад. Здесь же начертан и план всей усадьбы Г. И. Чернышевского. Однако реализован был этот план с некоторыми изменениями. Так, например, каменный флигель был выстроен, отступая от улицы, тогда как здесь он представлен на одном уровне с домом (указание Ек. Ник. Пыпиной). Размером он был с дом Чернышевских. Здесь проживала потом семья Пыпиных.

Кроме плана на постройку дома, в нашем распоряжении имеется чертеж фасада «на построение деревянных служб на месте, принадлежащем протоиерею здешней церкви Нерукотворенно-спасской Гавриилу Чернышевскому, сочиненный по предписанию... господина Саратовского гражданского губернатора и кавалера», датированный 2 апреля 1831 г. и подписанный архитектором Петровым. Как видно из пометы на полях, этот план записан при Архитекторских делах под № 5⁵. По свидетельству Е. Н. Пыпиной, службы эти были выстроены согласно чертежа, то есть с портиком и колоннами, но после пожара 1866 года возобновлены в гораздо более упрощенном виде. Е. Н. Пыпина называла эти службы конюшнями. Двор был занят еще кухней, коровником и баней. За конюшнями был разбит фруктовый сад с яблоневыми, вишневыми и грушевыми деревьями.

Из вышеуказанных документов видно, что постройка дома началась в 1826 году.

24 июля 1828 года в этом доме родился Николай Гаврилович Чернышевский. Здесь прошли его детские и юные учебные годы.

В 1846 году Николай Гаврилович покидает родительский кров. Будучи студентом Петербургского университета, он приезжает сюда на каникулы (с 18 июля по 25 августа в 1847 г. и с 25 июня по 25 июля в 1850 г.). По окончании университета Николай Гаврилович опять на родине — с 1851 по 1953 гг. Он живет в мезонине, в маленькой низкой светелке с балконом, выходящим на Волгу. Здесь у него собирается кружок саратовской интеллигенции (Н. И. Костомаров, А. Н. Пыпин, Е. А. Белов и др.), приходят его ученики из гимназии. В 1853 г. Николай Гаврилович покидает Саратов и переезжает в Петербург. Оттуда, уже в расцвете своей литературной деятельности, он еще два раза ездит на родину навестить стареющего отца (с конца июля по 23 августа 1859 г. и в августе

---

⁵ Там же, № 1953.

1861 года). В октябре 1861 года умирает Гавриил Иванович Чернышевский. После его смерти дом переходит в собственность Николая Гавриловича по духовному завещанию, составленному 5 июля 1858 года.

Но Николаю Гавриловичу больше не пришлось жить в отцовском доме: 7 июля 1862 года он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, после чего последовала 19-летняя сибирская ссылка и шесть лет проживания в Астрахани. Только за четыре месяца до смерти Николаю Гавриловичу было разрешено переехать в Саратов. Дом в это время был занят квартирантами, которых Николай Гаврилович не захотел выселять. Но он неоднократно бывал в доме у жившего здесь юриста А. А. Токарского⁶.

Во время пребывания Николая Гавриловича в Петропавловской крепости, когда уже было видно по ходу его процесса, что можно ждать конфискации имущества и перехода саратовского дома в чужие руки, чтобы предотвратить это, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского Александр Николаевич Пыпин приобрел по купчей, совершенной 4 марта 1863 года в Петербурге, «дом со всем при нем строением и с землею» «у жены титулярного советника Николая Гавриловича Чернышевского Ольги Сократовны Чернышевской, по доверенности ее мужа»⁷.

Не имея возможности лично заняться делами по этому дому, А. Н. Пыпин выслал доверенность на управление домом своему отцу, саратовскому чиновнику Николаю Дмитриевичу Пыпину, который вместе со своей семьей жил в этом доме с 1853 по 1866 годы.

В доверенности, выданной отцу 5 марта 1864 года, А. Н. Пыпин поручал отдачу в наймы квартир, производство ремонта на средства, выручаемые отдачей дома и флигелей внаймы, и прочие мероприятия, за исключением залога и продажи⁸.

25 августа 1866 года в Саратове произошел сильный пожар, причинивший дому Чернышевских повреждения, из которых самым существенным было уничтожение росписи потолка в гостиной, исполненной, по признанию знатоков, большим мастером. Эта роспись уже не возобновлялась после ремонта. Ремонт дома производился на средства двоюродного брата Н. Г. Чернышевского Сергея Николаевича Пыпина, проживавшего тогда в Петербурге.

⁶ См.: Воспоминания, т. 2, с. 328, 334.

⁷ Звенья, № 8, с. 584.

⁸ Там же, с. 585.

Хотя общая планировка комнат была сохранена, однако в результате ремонта дом подвергся частичным переделкам и перестройкам. Парадный вход был сделан с Гимназической улицы, вместо прежнего бокового входа со двора. Вырез под крышей мезонина, имевший до пожара характерную для позднего ампира александровских времен форму углубленного полукруга, был заменен угловато-изломанной линией. Полу-круглое окно-фрамуга в комнате Николая Гавриловича, выходящее на лестницу внутри дома, было совсем замуровано. Все эти сведения были получены в первые годы организации музея (1918—1922) от Е. Н. Пыпиной и легли в основу проекта реставрации дома к столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. В 1925 г., когда Е. Н. Пыпина была еще жива, ей был показан составленный тогда проект реставрации дома, при просмотре которого она давала свои указания. Екатерина Николаевна жила в доме Чернышевских с пятилетнего возраста: в 1853 году ее привезли из Аткарска вскоре после отъезда в Петербург Николая Гавриловича, и она поселилась в его бывшей комнате. Екатерина Николаевна оставила в своих рассказах подробные описания убранства каждой комнаты в доме, сообщала о перестройках и изменениях после пожара⁹. По ее указаниям был также составлен план двора Чернышевских с имевшимися на нем строениями до пожара¹⁰.

В перестроенном после пожара виде дом Чернышевских был впервые изображен на акварельном рисунке Веры Александровны Пыпиной, дочери А. Н. Пыпина, хранящемся в музее. Внизу рисунка стоит дата: «1889», но это, по свидетельству самой В. А. Пыпиной, дата уже окончательной отделки рисунка. Самый же рисунок был начат в 1885 году во время первого и единственного посещения В. А. Пыпиной саратовских родных проездом на Кавказ.

Как было указано выше, покупка дома Н. Г. Чернышевского была совершена А. Н. Пыпиным в целях сохранения здания для его семьи. В момент пребывания Николая Гавриловича в крепости его сыну Александру было всего девять лет, а Михаилу — пять. Когда же дети Н. Г. Чернышевского стали совершеннолетними, А. Н. Пыпин возвратил дом семье Чернышевских по дарственной, которая была оформлена через нотариуса. Н. Г. Чернышевский в это время находился в ссылке. В письме от 4 июля 1878 года А. Н. Пыпин писал сестре Вар-

⁹ См.: Воспоминания, т. 1, с. 86—93.

¹⁰ Архив ГДМЧ, оп. 1, № 31.

варе Николаевне в Саратов: «Для меня лично было бы некоторым нравственным удовлетворением — передать детям Н. Г. его старую собственность. Если это известие придет к нему и доставит ему хоть какое-нибудь приятное чувство, это было бы для меня радостью. Я имел недавно длинные письма от Н. Г., каких он давно не писал, и эти письма еще раз пробудили во мне все старые воспоминания и еще больше утвердили меня в моем намерении. Мы к сожалению ничего не можем для него сделать: сделаем хоть это небольшое»¹¹.

Дарственный акт был совершен петербургским нотариусом Борткевичем 24 января 1879 года, записан в реестре выписей саратовского нотариального архива под № 255 и отмечен в реестре крепостных дел № 1; ч. 14, стр. 316¹².

10 марта 1879 года был выдан дополнительный лист за № 22166 и 14 апреля 1879 года судебным приставом был совершен ввод во владение домом сыновей Н. Г. Чернышевского Михаила и Александра. При вводе во владение присутствовали: помощник присяжного поверенного А. А. Токарский, А. Г. Пыпина и М. Н. Пыпин¹³. Из черновых записей по подготовке этого дела А. Н. Пыпиным видно, что при совершении дарственного акта свидетелями были намечены Леонид Александрович Полонский и штабс-капитан 4-го саперного батальона Алозий Федорович Витман¹⁴.

После ремонта и перестройки дома в 1867—68 годах семья Пыпиных уже не жила в нем, а переехала в бывший дом Голубевых, дом же Чернышевских сдавала внаем.

Сыновья Н. Г. Чернышевского, жившие в Петербурге, выдали доверенность на управление домом О. С. Чернышевской¹⁵. Ольга Сократовна проживала в нем, потом сдавала квартирантам. Последние годы до революции домом управляла за преклонным возрастом Ольги Сократовны Екатерина Николаевна Пыпина.

Планировка комнат дома Чернышевских с 1826 года в основном не изменилась. За время своего существования дом Чернышевских подвергался лишь частичным перестройкам в 80-х годах, когда в нем жил присяжный поверенный А. А. Токарский: был увеличен нижний балкон и, соответственно с этим, навес над ним, затемнивший выходящие во

¹¹ Звенья, № 8, с. 586—588.

¹² Там же, с. 588—589.

¹³ Там же, с. 589—590.

¹⁴ ОФ ГДМЧ, № 3694.

¹⁵ См.: Звенья, № 8, с. 590—591.

двор комнаты. Перегородка между двумя первыми комнатами, выходящими на запад, была снята, но по уходе Токарский привел комнаты в прежний вид. Увеличенный же балкон остался и был перестроен при реставрации здания музея в 1926 г.

В 1918 году сын Н. Г. Чернышевского Михаил Николаевич передал дом своего отца в народное достояние с целью устройства в нем музея имени Чернышевского. «Неумолимая месть царского произвола не только разбила жизнь великого писателя, но принимала все меры к тому, чтобы даже само имя Чернышевского было стерто со скрижалей литературы, — писал М. Н. Чернышевский в докладной записке на имя А. В. Луначарского. — Сорок слишком лет имя Чернышевского было запрещено в печати, и только за последние 10—12 лет можно было приступить к полному выяснению личности этого глубокого мыслителя, стоящего в первых рядах борцов за свободу народа. Заслуги его перед народом громадны... Память его должна быть увековечена»¹⁶. Михаилом Николаевичем был передан в руки Советского правительства дом и все дворовое место со всеми постройками. К этому были присоединены многочисленные рукописи и письма Н. Г. Чернышевского, собиравшиеся Михаилом Николаевичем в течение всей его жизни.

Нарком просвещения известил Саратовский Совдеп отношением от 18 июля 1918 года о передаче дома Н. Г. Чернышевского в народное достояние и предлагал озаботиться составлением сметы на ремонт и оборудование. «Саратовский Совдеп и местный совет народного образования приняли весьма сочувственно такое предложение, — пишет М. Н. Чернышевский в своих записках, — и поручили архитектору осмотреть дом и составить смету»¹⁷. Материал был послан в Москву, и в результате были получены первые средства. В «Известиях» Центрального Исполнительного Комитета 26 октября 1918 года было сообщено: «Саратовскому Совдепу переводится 50.000 руб. на превращение дома Н. Г. Чернышевского в музей его имени». Будущему Дому-музею была прислана охранная грамота за подписью А. В. Луначарского, в которой было сказано:

«Дом великого русского писателя Николая Гавриловича Чернышевского, находящийся в городе Саратове, уг. Б. Сер-

---

¹⁶ Там же, с. 591—592.

¹⁷ Оф ГДМЧ, № 3890.

гиевской и Гимназической, как представляющий громадный исторический интерес, находится под покровительством Рабочего и Крестьянского правительства и не подлежит никаким занятиям и реквизициям и не может быть перестраиваем без особого на то разрешения Совета Народных Комиссаров»¹⁸.

Гражданская война закончилась победой Советской власти. Однако в труднейших условиях разрухи местные организации не могли ничего выделить музею на его строительство из своих скудных средств. В этот важный момент В. И. Ленин подписал декрет об организации музея.

«Совет Народных Комиссаров постановил: находящийся в Саратове музей имени Чернышевского объявляется национальным достоянием и передается в ведение Народного Комиссариата просвещения.

Одновременно с этим до конца текущего года сверхсметно ассигнуется последнему на предмет оборудования охраны этого музея один миллион рублей (1 000 000 р.) с тем, чтобы в дальнейшем музей содержался по нормальной смете Народного Комиссариата просвещения.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь Л. Фотиева»

Этот декрет был опубликован в «Известиях ВЦИК» 25 сентября 1920 г.¹⁹.

В первую очередь нужно было произвести капитальный ремонт как самого музея, так и всех его зданий, а также обнести забором его обширную территорию. Но уже в это время шла работа по собиранию и записыванию воспоминаний Екатерины Николаевны Пыпиной, давших богатый материал для реставрационных работ в дальнейшем.

К реставрации Дома-музея (восстановление облика до пожара 1866 г.) удалось приступить лишь в 1926 году, когда, в связи с приближавшимся столетием со дня рождения писателя в 1928 г., музею были снова отпущены значительные средства из центра.

¹⁸ Звенья, № 8, с. 592.

¹⁹ В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1957, с. 535—536.

В 1934 году была реставрирована комната Н. Г. Чернышевского в мезонине. В основу ее легло описание Екатерины Николаевны Пыпиной. Большая часть обстановки этой комнаты составила из подлинных вещей, стоявших в доме Чернышевских и сбереженных Е. Н. Пыпиной, остальное было получено из фондов Государственного Исторического музея в Москве.

Ремонт Дома-музея производился в конце 1938 года. Тогда была возвращена та окраска крыше, какую мы видим на архитектурном плане 1826 года.

Ввиду того, что Дом-музей по своему содержанию носил характер историко-литературного и историко-революционного музейного учреждения, а не историко-бытового, реставрационные работы в нем были проведены лишь применительно к внешности здания, и не были восстановлены, за исключением мезонина, комнаты квартиры Чернышевских. По техническим трудностям пришлось отказаться при ремонте 1938 года даже от реставрации окраски стен, которая была различной в каждой комнате при жизни Н. Г. Чернышевского. Это было сделано позднее.

Усадьба Дома-музея пока не реставрирована вследствие тех же трудностей. Из служебных зданий на дворе Чернышевских не сохранилось ни одного: кухня была сломана в 1918 году, сарай (конюшня) обветшал, рухнул в 1932 году и не был восстановлен; коровник и баня уже не существовали к 1918 году, то есть к началу создания музея. По рассказам Е. Н. Пыпиной мною был начертан план двора со всеми этими постройками. Из плана можно заключить, что двор не имел ни палисадника, ни парка. Только за сараем (конюшнями) был расположен небольшой фруктовый сад и кое-где были посажены цветущие кустарники и деревья: желтый и розовый шиповник, много сирени, желтая и белая акации.

Вторым по порядку зданием на территории Дома-музея является флигель О. С. Чернышевской, в котором она проживала во время ссылки Н. Г. Чернышевского. Этот флигель был приобретен Ольгой Сократовной по акту, совершенному 28 июля 1880 года в Саратове у вдовы кандидата А. А. Шапуриной за сорок рублей. В акте флигель именуется «деревянной избой с сенями и в них чуланом и крыльцом к сеням, все крытое деревом»²⁰.

По рассказам О. С. Чернышевской и Екатерины Никола-

---

²⁰ ОФ ГДМЧ, № 3806.

евны Пыпиной, изба эта первоначально принадлежала няне Ольги Сократовны и находилась в глубине заросшего зеленью двора Васильевых, родителей О. С. Чернышевской, за их домом, между Армянской и Царицынской улицами. Изба была завещана Ольге Сократовне ее няней. Завещание не было юридически оформлено, оно было сделано на словах перед смертью. Но Ольга Сократовна приобрела флигель у бывшей работницы своего отца.

Изба была разобрана и перенесена на территорию усадьбы Чернышевских. Ее выстроили заново на том месте, где до пожара стоял так называемый «флигель Устиньи Васильевны» Кошкиной, старинной квартирантки Чернышевских, ездившей в 1846 году вместе с Н. Г. Чернышевским и его матерью в Петербург, когда Николая Гавриловича отвозили туда для поступления в университет. Флигель Кошкиной сгорел во время пожара и не был отстроен после него. Теперь здесь была выстроена изба. Ее поместили под углом к так называемой «кухне», то есть помещению, в котором при жизни О. С. Чернышевской жила семья почтальона Пичугина. В 1918 году «кухня» была сломана за ветхостью и больше не отстраивалась. При жизни Чернышевских и Пыпиных из этой кухни приносились кушанья через двор в дом Чернышевских (а позже в Пыпинский дом). Кухня соединялась с домом проволокой со звонком-колокольчиком для подачи сигнала о смене блюд.

О постройке своего флигеля О. С. Чернышевская написала в Сибирь Николаю Гавриловичу, и он ответил ей в письме от 17 февраля 1881 года: «Радуюсь, что ты построила себе домик, и благодарю тебя, моя голубочка, за то, что ты рассказываешь мне о своих хлопотах над постройкою его»²¹. Первого октября Николай Гаврилович опять пишет об этом флигеле, получив от сына письмо с упоминанием о нем: «Домик и крошечный, конечно, и бедный, я полагаю. Но что он убран, хоть и бедно, с прелестным изяществом, в том я не могу не быть убежден»²².

По желанию Николая Гавриловича Ольга Сократовна посадила 16 вишневых деревьев на площадке между флигелем и домом Пыпиных.

Интересно отметить, что и «флигель Устиньи Васильев-

---

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 15, с. 321.

²² Там же, с. 333.

ны», стоявший ранее на этом месте, был также связан в жизни Ольги Сократовны с периодом ареста и заключения Николая Гавриловича в Петропавловскую крепость. В этом флигеле Ольга Сократовна поселилась с детьми по желанию Николая Гавриловича перед его арестом, который ожидался со дня на день в Петербурге. Сюда пришла первая весть об аресте великого революционера. Сюда стала приходиться старушка, через которую, во избежание перлюстрации и задержки со стороны III отделения, шла переписка Пыпиных и Чернышевских с Петербургом. Письма в Петербург отправлялись на имя ее сына Виктора Лунина.

Флигель рассказывает нам о том времени, когда женой Чернышевского доживались последние годы их многолетней разлуки перед встречей через 22 года тюрьмы, каторги и ссылки.

После возвращения Николая Гавриловича из ссылки Ольга Сократовна покинула флигель и уехала в Астрахань, где прожила с Николаем Гавриловичем 6 лет до переезда в Саратов за 4 месяца до смерти Чернышевского. Во флигель переехала больная сестра Ольги Сократовны Эрмиония (Ерминия) Сократовна, которую материально поддерживал Николай Гаврилович. И с тех пор до 1950 года этот флигель использовался лишь как жилое помещение.

К 50-летию Дома-музея Н. Г. Чернышевского, исполнившемуся в 1970 году, была восстановлена комната Ольги Сократовны в ее флигеле.

Перед открытием экспозиции история флигеля была заново тщательно изучена по документам, актам, планам, чертежам, записям старожилов и музейным инвентарным книгам. Использована сибирская переписка Н. Г. Чернышевского 1881—1883 годов.

Во время ссылки Н. Г. Чернышевского его жена жила в большой бедности. Обстановка комнаты самая простая. Семье Чернышевского удалось сохранить почти все личные вещи Ольги Сократовны для устройства этого мемориального уголка. Здесь и простая железная кровать, комод, стулья из квартиры Чернышевских 80-х годов и мелкие бытовые вещи, принадлежавшие Ольге Сократовне. Главной ценностью был портрет Николая Гавриловича, с которым она никогда в жизни не расставалась. На комод — фотографии сыновей Александра и Михаила. Такие портреты Ольга Сократовна посылала в годы их учения Николаю Гавриловичу в Сибирь. Над комодом помещен портрет отца Ольги Сократовны, вра-

ча С. Е. Васильева; налево от двери находится литография ее деда генерала-лейтенанта К. Ф. Казачковского.

При посещении этого домика хочется вспомнить слова, написанные Н. Г. Чернышевским жене на 17-м году их супружества из ссылки: «Благодарю Тебя за то, что озарена Тобою жизнь моя».

Дом, известный под названием «дома Пыпиных», был приобретен дедом Н. Г. Чернышевского, священником Сергиевской церкви Георгием Ивановичем Голубевым, с аукционного торга у саратовского купца П. А. Трумпичского по купчей, совершенной 22 ноября 1801 года²³. Здесь родились две дочери Голубева. Евгения стала женою Гавриила Ивановича Чернышевского и матерью Николая Гавриловича, а Александра сначала вышла замуж за прапорщика Н. М. Котляревского, а потом — за чиновника Н. Д. Пыпина и была матерью академика Александра Николаевича Пыпина, ближайшего друга Н. Г. Чернышевского.

С замужеством Евгении Георгиевны ее матерью был куплен дом на имя Гавриила Ивановича Чернышевского, а дом Голубевых после замужества Александры Георгиевны перешел во владение к ней.

В этом доме в 1833 году родился Александр Николаевич Пыпин. В детстве, и юности Николай Гаврилович был самым тесным образом связан с семьей Пыпиных и с их домом. Часть двора Пыпиных, как указывают мемуаристы, называлась среди товарищей мальчика Чернышевского «Малой Азией», здесь протекали его детские игры²⁴. В годы преподавания в саратовской гимназии Н. Г. Чернышевский навещал ссыльных поляков, проживавших в нижнем этаже дома Пыпиных²⁵. По возвращении из Сибири писатель часто посещал дом своего деда.

Семья и дом Пыпиных сыграли значительную роль в истории сохранения рукописных материалов Н. Г. Чернышевского. По рассказам Пыпиных, во время пожара 1866 года в первую очередь они спасали ученические тетради Н. Г. Чернышевского и его переписку с отцом. Весь этот архив, заключающий в себе около 250 рукописей и 300 писем, нашел приют в доме Пыпиных. Оттуда он был извлечен сыном Н. Г. Чернышевского Михаилом Николаевичем, приехав-

²³ ОФ ГДМЧ, № 3806.

²⁴ См.: Воспоминания, т. 1, с. 29.

²⁵ Там же, с. 167.

шим в юности на каникулы в Саратов к Пыпиным, и увезен им в Петербург.

Много раз этот дом принимал под свой кров и осиротевшую семью Чернышевского во время его ссылки. Жена и сыновья Николая Гавриловича пользовались гостеприимством и заботой со стороны Пыпиных, когда приезжали в Саратов из Петербурга. «Чернышевские и Пыпины — это одно», — не раз говорилось в этих семьях на протяжении многих лет и нескольких поколений.

«Дядя и тетка жили вместе с моим отцом и матерью на протяжении большей части годов моего детства и отрочества, — писал Н. Г. Чернышевский в 1882 г. — Потому, не только отец и мать, но и дядя и тетка были для меня теми старшими, жизнью которых формировался мой характер. И вот одна из причин, по которым я обязан очень большой признательностью к дяде и тетке»²⁶.

24 августа 1866 года дом Пыпиных пострадал от пожара, после которого подвергся ремонту и перестройке. В продолжение многих лет после этого в верхнем этаже дома проживали Пыпины, а нижний этаж они сдавали квартирантам. План комнат верхнего этажа воспроизведен рукою Веры Александровны Пыпиной в виде чертежа в рукописи М. Н. Чернышевского «Мои личные воспоминания о семье Пыпиных»²⁷.

После кончины А. Г. Пыпиной дом перешел во владение ее дочери — Евгении Николаевны, наследником которой стал племянник Николай Александрович Пыпин. За проживанием Н. А. Пыпина в Петербурге домом управляла до 1918 года его тетка Екатерина Николаевна Пыпина.

По плану М. Н. Чернышевского намечалось объединить усадьбы Пыпиных и Чернышевских вокруг Дома-музея для обеспечения ему ряда необходимых помещений, так как здание самого музея по своей площади было невелико. Однако осуществлено это было лишь в 1960-х годах.

В 1959 году в связи с устройством набережной в Саратове была запланирована постройка жилого дома на территории Пыпиных — Чернышевских, что превратило бы музейную усадьбу в обычный двор, причем вид на Волгу был бы закрыт для музейных посетителей. Руководство музея при поддержке общественности города доказало нецелесообразность та-

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 15, с. 373.

²⁷ ОФ ГДМЧ, № 429.

кой постройки, однако часть территории усадьбы все же отошла под набережную.

Постройки на дворе Пыпиных были сохранены.

На территории пыпинской усадьбы находится еще деревянный флигель. Он был построен двоюродной сестрой Н. Г. Чернышевского Евгенией Николаевной Пыпиной в 1895 году по условию, совершенному ею с подрядчиком М. М. Поручиковым «на постройку во дворе дома Пыпиных на Гимназической ул. № 7 двухэтажного флигеля сообразно плана, выданного из Саратовской городской управы, от 16 сентября 1884 г.»²⁸.

История флигеля связана с именами трех двоюродных сестер Н. Г. Чернышевского: Евгении, Полины и Екатерины Пыпиных.

Евгения и Полина Николаевны в 1860-х годах жили в Петербурге на одной квартире с Н. Г. и О. С. Чернышевскими, находились в окружении таких шестидесятников, как Т. Г. Шевченко, Н. А. Некрасов, Н. А. Добролюбов, М. И. Михайлов и др. Полина была невестой сосланного за распространение прокламации «Великорусс» В. А. Обручева.

Поскольку Евгения Николаевна после постройки флигеля жила в Петербурге, в ее домик переехала младшая сестра Екатерина Николаевна. В течение ряда лет к ней приезжала гостить сестра Полина, навещал ее и А. Н. Пыпин. Здесь часто бывала Ольга Сократовна Чернышевская и даже жила, когда ремонтировался дом Чернышевских.

Все саратовское наследие обширной когда-то семьи Пыпиных — Чернышевских перешло в руки Екатерины Николаевны: мебель, мелкие бытовые вещи, собрание писем и документов, достигавшее 2 тысяч архивных единиц, коллекции семейных портретов.

Маленький незаметный домик играл в течение нескольких десятков лет роль музейного хранилища, оставшегося в неизвестности до самой Октябрьской революции.

После революции, когда было приступлено к созданию музея, Екатерина Николаевна передала ему свои фонды, которые были присоединены к основным фондам рукописей, книг и портретов, привезенных из Петрограда М. Н. Чернышевским.

Советское правительство в лице А. В. Луначарского подержало престарелую двоюродную сестру Н. Г. Чернышев-

---

²⁸ Там же, № 789.

ского, назначив ей персональную пенсию за заслуги в деле создания музея. Все это свидетельствует о том, что по своему значению флигель Е. Н. Пыпиной также заслуживает включения в мемориальный ансамбль Дома-музея.

Территория б. Пыпиных в настоящее время включает большой каменный дом и этот флигель.

В 1938 году с помощью саратовских городских и областных организаций была восстановлена ограда вокруг всей территории, однако общая площадь была сокращена. Дело в том, что на территории Пыпиных находился еще один небольшой деревянный дом, проданный Пыпиными еще в давнее время сапожнику Петрову без права пользования землей. Эта часть территории отошла в 1960 году под набережную, а дом был сломан.

С 1918 года, по приезде из Петрограда в Саратов, семья Н. Г. Чернышевского не была обеспечена жильем, так как дом Чернышевских был передан главой семьи М. Н. Чернышевским в народное достояние для устройства в нем музея. Члены семьи проживали частично и временно в музее и его зданиях, которые нуждались в капитальном ремонте. Декретом от 25 октября 1920 года В. И. Ленин предписал Саратовскому Облисполкому «произвести срочный ремонт дома Чернышевского, в коем помещается музей имени Н. Г. Чернышевского и квартира его сына М. Н. Чернышевского, и принять меры к охране его и поддержанию в полной исправности»²⁹.

С 1925 года во флигеле Е. Н. Пыпиной проживают потомки Н. Г. Чернышевского³⁰ на основании распоряжения Советского правительства³¹.

---

²⁹ Ленин и Саратовский край. Сборник документов и материалов. Саратов, 1975, с. 139.

³⁰ В этом доме более 50 лет прожили со своими семьями две внучки Н. Г. Чернышевского — Нина Михайловна Чернышевская (1896—1975), директор музея с 1940 г. по 1975 г. и Марианна Михайловна Чернышевская (1891—1973), работавшая библиотекарем-хранителем фондов Дома-музея Н. Г. Чернышевского с 1944 г. по 1962 г. — Ред.

³¹ См. докладную записку М. Н. Чернышевского 1918 года; отношение А. В. Луначарского от 18 июля 1918 года; Положение о музее 1921 года; см. также ряд документов, хранящихся в Гос. архиве Саратовской области (ГАСО, ф. 1103 Сар. Губмузея, 1926, д. № 14, л. 201 и 201 об., л. 202). Сюда относится Постановление Народного Комиссариата по Просвещению — протокол № 8 заседания Президиума Коллегии Наркомпроса от 8 февраля 1923 года (ЦГАОР СС, ф. 2306; оп. 2, ед. хр. 67, л. 4).

ИЗ «ДНЕВНИКА» М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

М. Н. Чернышевский почти без перерыва в 1917—1924 годах вел «Дневник». Этот документ отражает его многогранную деятельность по увековечению памяти Н. Г. Чернышевского. Трудности, вставшие на пути М. Н. Чернышевского, порою вызывали у него сомнения в возможности организации музея в сложнейших условиях гражданской войны и разрухи, но не могли поколебать веру в полезность этого дела для государства рабочих и крестьян. С энергией, поразительной для пожилого и уже больного человека, М. Н. Чернышевский продолжал хлопотать о капитальном ремонте и реставрации родового дома своего отца, налаживал связи с ведущими учеными страны, выступал на заседаниях, посвященных памяти Н. Г. Чернышевского в Саратове, неутомимо переписывал и расшифровывал его рукописи, готовя их к изданию.

Дневниковые записи рассказывают и о том, с какой радостью М. Н. Чернышевский встречал первых немногочисленных посетителей организуемого им музея, дают сведения о первых экспозициях и экскурсиях в нем.

«Дневник» М. Н. Чернышевского свидетельствует о пристальном внимании деятелей партии и правительства к вопросам культурного строительства в стране, в частности, к созданию музея Н. Г. Чернышевского.

Извлечения из «Дневника» М. Н. Чернышевского печатаются по рукописи, хранящейся в фондах музея¹.

Апрель 1919 г... Моя мечта и задача моей жизни была — построить музей специально для увековечения памяти моего отца, чтобы каждый уголок дышал духом той эпохи, в которой родился, жил и работал мой отец. Поэтому наименование музея должно быть «Музей памяти Н. Г. Чернышевского».

Апрель 1919 г. На доме красуется вывеска «Музей имени Н. Г. Чернышевского». Каждый день приходит народ осматривать этот музей и каждый день приходится всем объяснять, что музей будет устроен лишь после ремонта дома, который до такой степени пришел в ветхость, что не допускает устройства музея без приведения его в приличное состояние. Ремонт дома находится в ведении Губернского Отдела Народного Образования или Губнароба, по нынешней терминологии. Ремонт подвигается чрезвычайно медленно и едва будет закончен в настоящем году. Кто в этом виноват — трудно сказать. Вернее всего, что общая разруха, отсутствие единства действий разных органов.

1 июня 1921 г. Дом с каждым днем приходит все в большую ветхость. В особенности дело скверно с рамами, которые совершенно прогнили и прямо разваливаются. С месяц тому назад открытая форточка от слабого порыва ветра развалилась совершенно, и теперь я храню эти осколки в Музее, как память о том, в каком виде был дом-музей в 1921 г.² В мае я написал бумагу в Губнароб, указывая на необходимость приступить немедленно к заказу новых рам и что дальнейшее откладывание этого дела было бы прямо преступлением.

Новый заведующий Губнаробом Флеровский отнесся с сочувствием к этому вопросу и положил резолюцию о немедленном расследовании дела и о принятии срочных мер.

29 июня 1921 г. В 6 часов вечера должна была быть у меня в Музее группа приезжих из Хвалынска, но явился всего лишь один человек, но зато заинтересовавшийся и прослушавший все мои объяснения и излияния с таким вниманием и сочувствием, которые стоили внимания целой группы. Вероятно придется отказаться временно от заведенного мною порядка устройства выставок для групп посетителей, потому что все портреты без стекол уже довольно пострадали. Да страдают и другие предметы—рукописи и бумаги мнутся и рвутся, и пачкаются от частого показывания и перелистывания. Без витрин и стекол невозможно сохранить все в должном порядке и чистоте.

22 января 1922 г. Вчера состоялся вечер в память Н. Г. Чернышевского. С месяц тому назад в Музее была группа курсантов школы железнодорожных техников и так близко к сердцу приняла мои жалобы на то, что в музее нет электричества, что решила провести его собственными средствами и силами. И вот вчера состоялся этот вечер, сбор с которого (3 тысячи — билет) должен пойти на устройство электричества... Я благодарил за молодой порыв, вызвавший устройство вечера и прочитал неизданные воспоминания Волховского о гражданской казни Чернышевского³. Буря аплодисментов, и оркестр — «Интернационал». Затем — чтение стихотворений и в заключение пьесы в 2-х актах «Конспиративная квартира» (из жизни 60-х годов).

Читал в Истархете⁴ свою статью «Чернышевский в Виллюйске». По неизданным материалам. Расширяю свое знакомство с профессорским кругом. Очень жаль, что Пиксанов⁵ перевелся в Москву, теперь ближайший приятель мой профессор Б. М. Соколов⁶, у которого приходится встречать-

ся со многими профессорами Саратовского университета, который 19 декабря 1921 г. переименован в университет имени Н. Г. Чернышевского. Таким образом и я являюсь... «духовным членом» этого университета.

20 марта 1922 г. Настроение духа опять стало отвратительное. Был у Чернова⁷ и отводил у него душу. Он хотел на днях прийти и лично ознакомиться с содержанием Музея, чтобы быть в курсе после моей смерти. Совсем теряю надежду на ремонт и устройство Музея... Денег у правительства, очевидно, нет, не хватает даже и на самое необходимое, жалование не уплачивается за несколько месяцев, строить, очевидно, ничего невозможно... Даже не знаю, можно ли думать и о новых рамах, но для этого нужно ехать в Москву...

12 октября 1922 г. Привезли из мастерской новые рамы. Сложил их в сарай и целый день любовался.

27 декабря 1922 г.... Московским Госиздатом принято решение издать неопубликованные еще произведения Чернышевского под редакцией Щеголева⁸ и при моем ближайшем участии... Материалов набирается тома на три. В первую голову пойдет «Повести в Повести», «Отблески сияния», «Мелкие рассказы», потом «Дневник» и «Автобиография» и письма⁹.

7 апреля 1923 г. Два месяца не записывал. Усиленно занимаюсь перепискою для печати Дневника¹⁰. Работа оказалась гораздо сложнее, чем я думал: приходится все сплошь переписывать снова по подлиннику и ломать голову над многими словами и фразами... Встаю в 6 часов утра и ежедневно работаю над этим часов 7—8.

15 апреля 1923 г. Сегодня меня очень тронули два красноармейца, курсанты 20-ой пехотной школы. 12-го в Музее была группа курсантов этой школы, на которых моя лекция произвела очевидно очень сильное впечатление: один из них — Захаров — настолько воодушевился, что написал даже посвященное мне стихотворение и принес его мне сегодня вместе с товарищем; приподнес с робким застенчивым видом, высказав, что очень боялся, что я его не приму. Конечно я постарался, как только мог, рассеять его страхи и горячо благодарил за порыв его чуткой молодой души. Посоветовал ему по-дружески раздобыть учебник словесности, где он мог бы ознакомиться с правилами стихосложения.

6 апреля 1924 г. Собираюсь ехать в Москву. В конце марта был тут Б. М. Соколов и предложил мне прочитать 2—3 лекции о Чернышевском в Москве. И вот вчера пришла теле-

грамма с предложением приехать от Академии Художественных наук. Кстати буду хлопотать и об отпуске средств на продолжение ремонта¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ОФ ГДМЧ, № 529/3, л. 17, 17 об; 529/5, с. 76, 81 об; № 529/6, л. 114, 116 об; 126, 132, 529/7, л. 155, 157.

² Кусок сгнившей рамы из окна дома Н. Г. Чернышевского, сохраненный М. Н. Чернышевским как доказательство необходимости неотложного капитального ремонта здания, сейчас находится в фондах Дома-музея.

³ Имеются в виду «Записки» Ф. В. Волховского, копия с которых была снята М. Н. Чернышевским. Впервые опубликованы в кн.: Литературные беседы, Саратов, 1930, вып. 2.

⁴ В 1921 г. Ученая Архивная комиссия, существовавшая в Саратове с 1886 г., была преобразована в Общество Истории, Археологии и Этнографии (Истархет), которое, в свою очередь, в 1923 г. было преобразовано в Нижне-Волжское Общество Краеведения. М. Н. Чернышевский, как видно из его «Дневника», занимал пост ученого секретаря Истархета.

⁵ Пиксанов Николай Кирьякович (1878—1969) — русский советский ученый, литературовед, член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки. Активно участвовал в организации Дома-музея Н. Г. Чернышевского.

⁶ Соколов Борис Матвеевич (1889—1930) — русский советский ученый, этнограф, фольклорист, литературовед, в 1919—1923 годах профессор кафедры русской литературы Саратовского государственного университета. С М. Н. Чернышевским Б. М. Соколова объединял интерес к музейному делу и истории Саратовского края. Их дружеские и деловые связи не прервались и после переезда Б. М. Соколова в Москву.

⁷ Чернов Сергей Николаевич (1887—1942) — доктор исторических наук, в 1918—1928 гг. профессор Саратовского, а затем Ленинградского государственных университетов, автор работ по истории освободительного движения в России. С. Н. Чернов помогал М. Н. Чернышевскому в его хлопотах о ремонте здания музея, оказывал материальную поддержку его семье. В 1926 г. С. Н. Чернов вошел как представитель Саратовского государственного университета в Комиссию по организации Дома-музея Н. Г. Чернышевского.

⁸ Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — русский советский литературовед, историк революционного движения, один из основателей Музея Революции в Ленинграде. После революции 1917 г. П. Е. Щеголев был назначен директором Историко-революционного Архива в Петрограде, в 1918—1924 гг. поддерживал постоянную связь с М. Н. Чернышевским.

⁹ 9 марта 1923 г. М. Н. Чернышевский заключил договор с Госиздатом на право издания сочинений Н. Г. Чернышевского. Смерть М. Н. Чернышевского оборвала его работу по подготовке перечисленных выше произведений к публикации.

¹⁰ Речь идет о расшифровке М. Н. Чернышевским дневников Н. Г. Чернышевского (1848—1849, 1850—1851 и 1853 гг.) для Гослитгиздата. Летом 1923 г. он в основном завершил эту работу и передал подготовленные материалы П. Е. Щеголеву, о чем свидетельствует запись в его «Дневнике»

от 11 октября 1923. В настоящее время эти рукописи М. Н. Чернышевского хранятся в основном фонде Дома-музея (ОФ ГДМЧ, № 535, 536, 538, 539, 540).

¹¹ Речь идет о последней командировке М. Н. Чернышевского в Москву. По приглашению (телеграмме) президента Академии художественных Наук П. С. Когана он должен был выступить в Академии с критическими замечаниями по поводу книги В. А. Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского».

Публикация В. В. Смирновой

В. Г. БЕРЕЗИНА

«ДОРОГОЙ МОЕЙ МУЗЕЙНОЙ ДОЧКЕ»

Несмотря на страшные, буквально нечеловеческие условия жизни ленинградцев в первую военную, голодную блокадную зиму 1941—1942 года, в Ленинградском университете не прекращались занятия. Проведя в январе—феврале 1942 года очередную экзаменационную сессию, университет стал готовиться к переезду в Саратов. Эвакуация преподавателей, служащих, аспирантов и студентов началась 26 февраля 1942 года.

Впервые за время своего существования университет расставался с родным городом. И хотя ленинградцы покидали осажденный город с твердой верой, что расставание это всего лишь на время, оно было грустным и тревожным. Предстоял опасный путь в сильный мороз и пургу по льду Ладожского озера, а потом по железной дороге под постоянной угрозой налета авиации.

Первый эшелон с ленинградцами прибыл в Саратов 11 марта 1942 года, два других — в течение марта. Первого апреля возобновилась учебная и научная работа Ленинградского университета на базе Саратовского университета. В Саратове Ленинградский университет пробыл более двух лет: первый эшелон выехал назад 22 мая 1944 года.

Ленинградцы никогда не забудут огромной помощи, оказанной им общественными, научными и культурно-просветительскими организациями и учреждениями Саратова. С многими из них Ленинградский университет поддерживал контакты и годы спустя.

Особенно крепкие связи установились у Ленинградского университета с Домом-музеем Н. Г. Чернышевского.

Все началось с приходом в музей профессора Владислава

Евгеньевича Евгеньева-Максимова. Его привели под руки: настолько он еще был истощен от голода. Осмотр музея, беседа с его директором — Ниной Михайловной Чернышевской вдохновили Владислава Евгеньевича, и он изъявил желание работать в музее после того, как немного окрепнет. И он работал заместителем директора по научной части до самого возвращения университета в Ленинград.

Помню, какую живую струю вносил В. Е. Евгеньев-Максимов в жизнь музея, как интересно под его председательством проходили научные заседания, какие ценные советы высказывал он по усовершенствованию экспозиции музея, с какой охотой помогал нам, молодым сотрудникам музея. А с каким эмоциональным подъемом и подлинным артистизмом В. Е. Евгеньев-Максимов вел экскурсии по музею в воскресные дни! Его выступления в госпиталях и воинских частях с лекциями и беседами пользовались беспримерным успехом.

И всегда Владислав Евгеньевич выступал не только как профессор Ленинградского университета, но и как сотрудник Дома-музея Н. Г. Чернышевского. После встречи с Владиславом Евгеньевичем выписавшиеся из госпиталя бойцы, прежде чем направиться в свои части, обязательно приходили в Дом-музей Н. Г. Чернышевского.

Значительно позже, уже в 1950-е годы Н. М. Чернышевская неоднократно писала мне в Ленинград, что ей и музею не хватает Владислава Евгеньевича. Сам же В. Е. Евгеньев-Максимов считал, что знакомство с музеем, общение с сотрудниками музея обогащает его как исследователя, педагога и лектора.

Большой интерес к музею проявляли многие профессора и преподаватели Ленинградского университета. Я помню, какие сильные впечатления от посещения музея, от знакомства и беседы с Н. М. Чернышевской и К. М. Федоровым (последним секретарем Н. Г. Чернышевского) остались у профессоров Б. М. Эйхенбаума и Г. А. Бялого.

В Саратове Ленинградский университет пережил радостное событие — награждение его орденом Ленина в связи со 125-летием со дня основания. 24 февраля 1944 года в Театре оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского состоялось торжественное собрание, посвященное юбилею университета и вручению ему высокой правительственной награды.

К торжеству сотрудники Дома-музея подготовили адрес, который должна была зачитать Нина Михайловна Черны-

шевская. Но что-то помешало доставить его к началу заседания. Заседание идет, уже оглашены Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении университета, его профессоров, преподавателей и сотрудников, заслушан доклад ректора университета проф. А. А. Вознесенского, начались выступления и приветствия. Помню, как волновалась Нина Михайловна (мы обе сидели в президиуме).

А дальше все произошло «как в кино». Только председательствовавший проф. А. А. Вознесенский пригласил Нину Михайловну выступить, как принесли адрес от музея. Нина Михайловна не только четко зачитала его, но и произнесла взволнованную речь. Она напомнила о том вкладе, который внесли ученые Ленинградского университета в исследование жизни и творчества ее великого деда, рассказала о тесных связях университета с Домом-музеем Н. Г. Чернышевского.

А через два дня, 26 февраля 1944 года, на заседании Ученого совета Ленинградского университета Нина Михайловна защищала диссертацию на степень кандидата филологических наук «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского». Официальные оппоненты — профессор Саратовского университета А. П. Скафтымов и профессор Ленинградского университета Г. А. Гуковский, а также неофициальные оппоненты — ленинградские профессора В. Е. Евгеньев-Максимов и С. Д. Балухатый высоко оценили представленную к защите диссертацию и другие исследования Нины Михайловны о жизни и творчестве Н. Г. Чернышевского.

В. Е. Евгеньев-Максимов подробно характеризовал деятельность Н. М. Чернышевской как директора музея, рассказал о той большой научной и культурно-просветительной работе, которую проводит Дом-музей Н. Г. Чернышевского и сама Нина Михайловна.

В ответном заключительном слове соискатель поблагодарила Ленинградский университет за постоянную поддержку, оказываемую им Дому-музею Н. Г. Чернышевского с самого основания (в этой связи она много добрых слов сказала о проф. Н. К. Пиксанове), особо остановилась на связях Ленинградского университета с музеем в последние годы (здесь она подчеркнула роль В. Е. Евгеньева-Максимова), также отметила заботу всех сотрудников музея, в том числе самых молодых — П. А. Супоницкой и В. Березиной.

* *

*

Я приехала в Саратов в конце августа 1942 года сдавать вступительные экзамены в аспирантуру при Ленинградском университете. Мое знакомство с Домом-музеем Н. Г. Чернышевского произошло осенью этого года через В. Е. Евгеньева-Максимова, который привел меня в музей и представил Нине Михайловне Чернышевской.

С октября 1942 года по апрель 1943 года я работала в Доме-музее Н. Г. Чернышевского хранителем фондов, одновременно учась в аспирантуре, потом тяжело заболела и возобновила работу в музее уже на общественных началах: Разбирала и обрабатывала поступающую литературу, принимала участие в разработке экспозиции, иногда вела экскурсии по музею и часто, очень часто читала лекции и проводила беседы о Н. Г. Чернышевском в госпиталях.

Помню свои первые робкие шаги на этом, тогда мне мало знакомом поприще. До этих пор мне не приходилось выходить за пределы учебной аудитории. А тут госпиталь, непривычная обстановка для выступления, особые слушатели... Правда, первое время я, так сказать, «стажировалась» под руководством Нины Михайловны. В госпиталь мы ходили вместе, и я прошла хорошую школу культурно-просветительной работы, учась на ее лекциях. Да это, впрочем, были совсем не лекции, а спокойный, доверительный, непринужденный разговор со слушателями, который вела не просто директор Дома-музея Н. Г. Чернышевского, а (подумать только!) родная внучка его. Как сейчас вижу эту невысокую, худенькую, утомленную женщину, сдержанную, даже несколько строгую, обладающую необыкновенно мягким, задушевым голосом. Каждое негромко произнесенное слово ее глубоко проникало в души бойцов. Ну, а я приносила иллюстративный материал, показывала слушателям фотографии и картинки, наглядно подтверждавшие и дополнявшие рассказ Нины Михайловны.

Через некоторое время и я уже самостоятельно ходила в госпитали и больницы. Рассказывала о Н. Г. Чернышевском, о саратовском Доме-музее его имени и, конечно же, тоже стараясь, чтобы после выписки из госпиталя бойцы посетили наш музей.

Мне приятно сознавать, что именно Дому-музею Н. Г. Чернышевского я обязана зародившимся во мне и со временем все возрастающим интересом к культурно-просветительной работе. Хорошо помню, как обрадовалась Нина Михайловна, когда узнала, что меня как молодую сотрудницу До-

ма-музея Н. Г. Чернышевского, уже проявившую себя по работе в госпиталях, пригласили в лекторскую группу Кировского райкома ВЛКСМ. И я как член этой лекторской группы (а в 1944 году — ее руководитель) не только сама выступала с лекциями и беседами о героической жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, но и консультировала других лекторов по темам о Н. Г. Чернышевском. Когда же Саратовский горком ВЛКСМ поручил мне составить методическую разработку лекции «Н. Г. Чернышевский-патриот», я это сделала с помощью Нины Михайловны.

В январе 1944 года были разгромлены вражеские войска, державшие Ленинград в кольце блокады. Ленинградский университет получил возможность вернуться на берега Невы. С чувством глубокой благодарности прощались ленинградцы с гостеприимным Саратовом.

Отправление первого эшелона, с которым уезжала и я, было назначено на понедельник, 22 мая 1944 года.

А накануне, в последний раз переступила порог Дома-музея Н. Г. Чернышевского, ставшего для меня таким дорогим и близким. Прошла по всем комнатам музея, попрощалась с сотрудниками. Нина Михайловна и ее дочь Верочка устроили прощальный обед. Посидели мы втроем, маленький Мишенька, сын Веры Самсоновны, внук Нины Михайловны спокойно лежал в детской кроватке, многое вспомнили, о многом поговорили, ну и, конечно же, всплакнули. Но это были светлые слезы, вызванные радостью дружеского общения, обретенной душевной близости.

В этот день Нина Михайловна подарила мне свою фотографию с такой надписью: «Дорогой Валечке от Н. Чернышевской. 21/V-44 г. Вспоминайте дни войны, проведенные вместе в Саратове, где Вас крепко любила наша семья». На память о моей работе в музее Нина Михайловна в этот же день подарила мне путеводитель «Экскурсия по Дому-музею Н. Г. Чернышевского», написав на нем: «Дорогой моей музейной дочке Валечке с надеждой на скорую встречу и в Ленинграде, и в Саратове и с пожеланием счастья в новой жизни на нашей общей героической родине».

К великому сожалению мне так и не удалось ни повидаться с Ниной Михайловной, ни побывать в Доме-музее Н. Г. Чернышевского.

Во время войны я потеряла всех родных, сама чудом осталась в живых. И потому как бесценный подарок судьбы вос-

приняла я внимание и заботу, которыми окружили меня сотрудники музея и семья Нины Михайловны Чернышевской. Уезжая из Саратова, я увозила в своем сердце чувство глубочайшей признательности к моим «музейным» друзьям, столь щедрым на душевное тепло, в котором я тогда так нуждалась. Это чувство я сохранила на всю жизнь.

С тех пор прошло несколько десятилетий. Но память сердца — верный страж пережитого. И все, что было со мной в Саратове, ожило с особой силой и ясностью, когда в конце января 1979 года я получила от Веры Самсоновны Чернышевской копию дневниковой записи Нины Михайловны от 21 мая 1944 года, т. е. сделанной в день моего прощального визита к Чернышевским. Думаю, что не будет нескромным, если я приведу эти дорогие для меня строки: «21-го мая, в воскресенье приходила прощаться моя милая музейная дочка Валя Березина. Уезжает обратно в Ленинград с очередной партией профессоров и аспирантов. Немного мы с ней пробыли вместе, но сблизилась на всю жизнь. И связала нас лихая зима 1942—43 года, перед которой Владислав Евгеньевич мне сказал: «Валю вряд ли удастся спасти», так ей было холодно и голодно. Много светлых воспоминаний оставила во мне эта маленькая жизнерадостная девушка с ясным взором и звонким смехом, энтузиастка культуры, непередаваемо талантливая рассказчица, умница, в недавнем прошлом сталинская стипендиатка. Но особенно памятно то зимнее глухое утро 1943 года, когда мы с ней, прижавшись плечом к плечу, на моей постели у еще теплой печки с замиравшими сердцами и слезами радости на глазах слушали в темноте при мигалке рассказ радио о сталинградской победе. Такие минуты не забываются.

Еще памятны мне совместные занятия с Валею в музее. Это было одно удовольствие для меня. Вместе вырабатывали тезисы лекции о Чернышевском-патриоте по заданию Горкома ВЛКСМ, вместе развешивали плакат «Чернышевский о патриотической миссии русских писателей», наперегонки бегали в госпитали проводить лекции и беседы среди раненых, а вечером сходились у нас и перед сном, усталые, но душевно удовлетворенные, делились впечатлениями, рассказывали, как реагировали раненые, сколько радости и развлечения приносили им наши визиты с картинками, какие вопросы они задавали, подчас очень нас смешившие, но в то время дорогие для нас. Мы забывали все на свете, как Валя, так и я, и проводили в госпитале не полагавшиеся 40 минут, а по 2, 3, 4 часа подряд, пока не спохватывались: батюшки, уже и процедуры идут, и

кушанье им принесли, значит давно прошло время, а мы все еще тут!

Радостно было работать с такой энтузиастской, как Валя. А сколько чудесных воскресений мы проводили с ней за вареной картошкой с соленой рыбой и несмолкаемыми литературными беседами из прошлого и настоящего! Это было как-то особенно уютно и вкусно в ее присутствии. Нас связывал и Ленинград, как общая родина, и Ленинградский университет, и наши диссертации, и музей, и Владислав Евгеньевич, и лекторий, и поэзия, и литература, и жизнь».

К этим словам Вера Самсоновна сделала следующую приписку: «Это я выписала из маминого дневника, милая Валечка, и тоже вспомнила все это, и еще... Ваши беседы с маленьким Мишенькой, и то, как мы с мамой радовались, что Вам тепло и мягко ходить в сапожках, которые мама Вам сшила... все...все...»

Я тоже помню все и никогда не забуду.

В Саратове, благодаря Дому-музею Н. Г. Чернышевского, я прочно связала себя с лекционной работой.

И потому, приехав в конце мая 1944 года в Ленинград, сразу же вошла в лекторскую группу Василеостровского райкома ВЛКСМ и чаще всего читала темы, связанные с жизнью и творчеством Н. Г. Чернышевского. Причем всегда в этих лекциях вспоминала о Доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове, показывала фотографии, подаренные мне Ниной Михайловной Чернышевской.

Став преподавателем отделения (потом факультета) журналистики Ленинградского университета, я на своих аудиторных занятиях со студентами, во время встреч и бесед в студенческих общежитиях часто рассказываю о саратовском Доме-музее Н. Г. Чернышевского, о его многогранной научной и культурно-просветительной работе, особенно в годы Великой Отечественной войны. К 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского наша кафедра подготовила специальный стенд, на котором значительное место отведено Дому-музею Н. Г. Чернышевского в Саратове.

Так уже получается: когда мне приходится читать и писать о Н. Г. Чернышевском, я всегда мысленно переносюсь в Саратов, в Дом-музей Н. Г. Чернышевского, который в тяжелые годы войны стал для меня родным домом и который во многом определил мою дальнейшую судьбу как преподавателя и лектора-общественника.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

После окончания Великой Отечественной войны и демобилизации я вернулся в родной Саратов.

В феврале 1946 года мне сообщили, что меня хочет увидеть профессор Александр Павлович Скафтымов. Вскоре такая встреча состоялась. А. П. Скафтымов в то время заведовал кафедрой литературы в Саратовском университете. Я знал его с довоенных лет, в тридцатые годы слушал его лекции по русской литературе. Всегда относился к нему с глубоким уважением. Его труды были для меня образцом подлинно научного исследования.

Еще в студенческое время я принимал участие в заседаниях кафедры и студенческого научного общества и одно время даже был поставлен вопрос о моем «прикреплении к кафедре» — тогда это было формой аспирантуры. Но жизнь распорядилась по-другому — я был направлен на работу в Балашов, где руководил педагогическим техникумом. В последующем, работая в краевом и городском отделах народного образования, я не раз встречался с Александром Павловичем, уделявшим много внимания работе с учительством.

Во время встречи Александр Павлович сказал, что он теперь является заместителем директора Дома-музея Н. Г. Чернышевского по научной части, но что совмещать это с работой в университете ему трудно, и он хочет рекомендовать на эту должность меня. Его предложение меня ошеломило, до этого я никогда не работал в музеях, да и мои знания жизни и творчества Чернышевского были, конечно же, не столь велики.

Александр Павлович сказал, что музейный опыт со временем придет так же, как и вырастает научный уровень, что здесь нужна в первую очередь большая организаторская работа, а он уверен, что способности к ней у меня есть.

Окончательное решение вопроса оставалось за Ниной Михайловной Чернышевской. Я мало знал ее до того времени. Ее научная работа развернулась в те годы, когда меня не было в Саратове.

В небольшой комнате музея меня приветливо встретила невысокого роста, полнеющая женщина, с живыми глазами и ласковым голосом, по-видимому, для нее вопрос был уже решен. Мои сомнения и возражения отпали, и с 1 марта 1946 года я приступил к новой для меня работе.

В музее трудился маленький, но очень слаженный коллектив. Хранителем фондов была старшая внучка Н. Г. Чернышевского Марианна Михайловна Чернышевская. Она казалась прямой противоположностью своей младшей сестре. Резкая в движениях, категорическая в суждениях Марианна Михайловна великолепно знала и любовно хранила фонды и библиотеку музея. Марианна Михайловна заботливо помогала научным работникам, студентам-филологам подбирать литературу, знакомила с фондами. При случае она рассказывала о своей бабушке Ольге Сократовне, о своем отце Михаиле Николаевиче. Рассказы ее отличались множеством драгоценных бытовых подробностей и обнаруживали ясный ум и цепкую память.

Младшим научным сотрудником работал Александр Владимирович Леонтьев — очень скромный, даже несколько стеснительный человек. Он был превосходным краеведом. Жизнь старого Саратова, в том числе и времен Чернышевского, была для него открытой книгой. Вместе со своим братом Виктором Владимировичем они занимались фотографией памятных мест старого Саратова. Нередко вокруг какого-нибудь старинного здания они ходили несколько раз, прежде чем выбирали подходящее время года, нужную погоду и только тогда делали фотографию. Их снимки были подлинно художественными. Жаль, что после их смерти богатейшая фототека так и не увидела света.

Старшим научным сотрудником работала недавняя выпускница университета Белла Израилевна Лазерсон. На ее долю выпало водить по музею многочисленные экскурсии, она много и упорно трудилась над изучением наследия Н. Г. Чернышевского. Когда в августе 1950 года я окончательно перешел на преподавательскую работу в университет, не было сомнений в том, кто будет заместителем директора музея по научной части. Им стала Б. И. Лазерсон.

Вспоминается еще заботливый завхоз Макаров и машинистка Валечка Чепинога — жена Героя Советского Союза летчика П. И. Чепиноги.

У нашего маленького коллектива были большие и сложные задачи. За военные годы дом основательно обветшал, по зданию «потекли» трещины, экспозиция от времени потускнела.

Между тем, никогда не ослабевавший интерес к Чернышевскому в послевоенные годы особенно возрос, и в старом музейном домике проходили многочисленные экскурсанты, а летом этот домик заполняли большие «пароходные» экскурсии.

Надо было проводить капитальный ремонт дома, обновление экспозиции без закрытия музея.

Вскоре от жильцов были освобождены «флигель Ольги Соколатовны» и верхний этаж «пыпинского дома».

Мы обратили внимание на то, что «часовня» — первый надгробный памятник Н. Г. Чернышевскому — после установки нового памятника был задвинут в кусты и разрушился. Надо было осуществить перевозку этого памятника на музейную усадьбу и произвести его реставрацию.

Нина Михайловна сумела поднять коллектив на решение всех этих задач, много помогали в эту трудную для музея пору областные и городские партийные и советские органы. На мою долю выпало немало всякого рода организационной работы. Радостно было сознавать, что в обновлении музея есть и моя маленькая лепта.

Одновременно я вел и напряженную научную работу. В 1949 году была подготовлена объемистая рукопись в 360 машинописных листов «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского». Она явилась основой кандидатской диссертации «Проблема общественно-преобразующего значения литературы в эстетической теории Чернышевского», которую я защитил осенью 1952 года на филологическом факультете Саратовского университета. Здесь уместно подчеркнуть, что этот труд создавался во время моей работы в музее, что я пользовался материалами музея, не раз беседовал с Ниной Михайловной по многим теоретическим вопросам.

Так прошли четыре года моей работы в музее. В моем архиве хранится характеристика, написанная рукой Нины Михайловны, в которой она дала высокую оценку сделанного за эти годы.

Память сохранила многие детали дружной жизни и работы коллектива музея, и я всегда с благодарностью вспоминаю эти годы приобщения к великому наследию Н. Г. Чернышевского.

От музейного порога пошла моя литературоведческая и писательская деятельность.

III. НОВОЕ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

А. Г. ПЫПИНА

ВОСПОМИНАНИЯ

Предисловие и примечания Н. М. Чернышевской

Воспоминания Александры Георгиевны (Егоровны) Пыпиной (Голубевой) (1806—1884) были написаны в 1879 году по просьбе ее сына Михаила Николаевича (1851—1906) и найдены в семейном архиве ее дочерью Екатериной Пыпиной (1847—1933) в 1908 году. 7 марта 1927 года воспоминания были доложены автором этих строк на заседании общества истории, археологии и этнографии в Саратове. В печати они появляются впервые, за исключением нескольких отрывков, опубликованных С. Н. Черновым и Н. А. Алексеевым¹.

Воспоминания написаны почти без помарок, мелким, неразборчивым почерком на восьми нумерованных листках. Бросается в глаза орфография, выдержанная на всем протяжении письма: А. Г. Пыпина совершенно не употребляет «э» и слова «этот», «экипаж» пишутся ею через простое «е», почти вовсе отсутствуют точки, что чрезвычайно затрудняет чтение подлинника.

Автор воспоминаний — мать историка русской общественной мысли и литературы А. Н. Пыпина — была замужем два раза: первый раз за офицером Котляревским, а второй — за мелкопоместным дворянином Николаем Дмитриевичем Пыпиным (1808—1893). Старшая сестра Александры Георгиевны Ев-

---

¹ См.: Чернов С. Н. Семья Чернышевских. — Известия Нижне-Волжского краеведческого института. Саратов, 1927, т. 2; Чернов С. Н., Алексеев Н. А. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Литературное наследие. М.—Л., 1928, т. 1. (В дальнейшем — Лит. наследие.)

гения вышла замуж за Гавриила Ивановича Чернышевского и была матерью Николая Гавриловича Чернышевского. Семьи обеих сестер почти все время жили вместе (за исключением нескольких лет, когда Пыпины уезжали в Аткарск). «Они не отец и мать мне, — писал впоследствии из Сибири Николай Гаврилович о дяде и тетке, — это правда, но когда 2 сестры живут вместе и любят друг друга и мужья их тоже, то дядя и тетка не много разнятся от отца и матери в чувствах, с которыми вырастает человек». «Дядя и тетка были для меня теми старшими, жизнью которых формировался мой характер», — говорит он в другом месте.

После смерти сестры Евгении Егоровны Александра Егоровна переехала из Аткарска в Саратов со всей семьей и поселилась в доме Чернышевских, взяв на себя заботы об общем хозяйстве. Вот как характеризует ее Михаил Николаевич Чернышевский в своих неизданных воспоминаниях:

«Главой в доме была Мамичка — Александра Егоровна. Я написал эту строчку и остановился — я не знаю, с какой стороны приступить к характеристике этой маленькой, почти тще-душной женщины, к которой по наружности так не идет название «главы дома». А между тем, это была настоящая глава дома, в продолжение многих десятков лет твердо державшая бразды правления в своих маленьких слабеньких ручках...

Я помню ее уже старушкой. И на моих глазах, на протяжении 20 лет, она почти не старилась и не изменялась. Маленькая, но не очень худенькая, немного сторбленная, в чепце, в очках во время чтения и с постоянным вязанием в руках. Тихая, спокойная, без всякой суетливости, она всех держала в своих руках своим спокойствием и чрезвычайной рассудительностью. Я никогда не слышал, чтобы она бранилась, кричала или просто даже возвышала голос. Все ее возмущение выражалось обыкновенно словами: «Да что это в самом деле! Ведь это же ни на что не похоже...» и т. д. Я думаю, что главной чертою характера Мамички (так называли ее в семье. — *Н. Ч.*) была спокойная рассудительность, которую она и передала в той или другой степени своим детям.

«Все делалось ею спокойно, тихо. Тихо и спокойно она ходила, тихо выплывала из своей комнаты в зал, спокойно садилась в кресло, надевала очки и читала вслух «Саратовский Листок» или старую присланную из Петербурга газету... Читались, конечно, не только газеты, но и книги. Из Петербурга присылался «Вестник Европы» и разные книги, а кроме того записывались и в Саратовскую библиотеку для чтения. Во вре-

мя чтения Мамичка не выпускала из рук вязания на спицах — она вязала чулки и носки на весь дом...» Она была матерью 20 детей.

По содержанию воспоминания Александры Егоровны захватывают время с начала XIX столетия по 1830-й год и касаются следующих событий ее личной жизни: первое замужество, вдовство, душевное заболевание первого сына, второе замужество. Попутно Александра Егоровна рассказывает о постройке домов Пыпиных и Чернышевских, сообщает биографические сведения об отце Н. Г. Чернышевского и деде Г. И. Голубеве.

Эти воспоминания представляют известный интерес для изучающих Чернышевского со стороны его саратовской среды.

1879 июль 8.

Родилась я 1806 года, июня 7. Отец мой — протоиерей Саратовской Нерукотворенноспасской церкви¹, мать — дочь священника Крестовоздвиженской церкви², что ныне женский монастырь. Отец мой — первый священник в Саратове, кончивший курс в семинарии, кроме него в тот же год вступил в кафедральные протоиереи Скопин³, кроме их, все священники были неученые, и по рассказам и матери моей и потом посторонних лиц, пользовался любовью и уважением всех, кто знал его. Так как учебных заведений не было, кроме уездного училища, то тотчас отец был приглашен учить детей губернатора, который в это время был Панчулидзева⁴, вице-губернатор Заварицкий⁵, у Кошелева, о котором не помню, служащий ли, или просто помещик, но знаю, что из богатых лиц города, у Стемпковских⁶, к которым и сестра вместе ездила заниматься, потом у Хорина⁷, советника, у которого была одна дочь, и тоже сестра моя занималась с нею, даже когда отец уже был болен, то сестра все еще занималась с нею, эта девица Хорина вышла потом за Манассеина, который, приехав на должность управляющего удельною конторою, влюбился в нее. Она была красавица, это было уже по смерти моего отца, но дружба не прекращалась, как с Стемпковскими, так и Манассеиными до их смерти. Манассеин был хорошим знакомым покойного Гавриила Ив.⁸ Он умер скоро, осталось две дочери, одна из которых за Горбуновым И. Ф.⁹ — а бедная мать ее сошла с ума после смерти мужа, но помещательство состояло в том, что время от времени она уверяла, что муж пришел, и она начинает говорить с ним, в то время говорили, что эту мысль внушила ей монахиня стран-

ница, которая гостила у нее вскоре после смерти Манассейна, — не было ли это нынешнее спиритское учение, — так как Манассейна была дружна с сестрою, то и бывала у нас, и ничем не было заметно ее болезнь, но когда случилось коснуться покойного ее мужа, то она начинает рассказывать, когда видела его, и плакать, если долго не видела, — ее история удивила город, стало известно, что она — не дочь Хориных, а воспитанница, но они скрывали это, имение передали ей, отец ее был доктор, ехал с семьею на Кавказ и был убит, и жена, около Вольска, но тут помешал убийцам убить детей стук ехавших, проезжавшие, увидя на дороге стоявший экипаж и людей бежавших от него, конечно, подошли, и в экипаже нашли, кроме убитых отца и матери, трех детей: двух мальчиков и девочку, которая и была взята Хориными, а мальчиков взял купец, который нашел их. Так и скрывали от нее, что она не дочь, узнала <это она> после смерти Хориных, и я знаю, что к ней приезжал ее брат, когда она была уже замужем. Дружба с Стемповскими тоже до смерти продолжалась моей сестры, но одна из них, бывшая за Виноградским, жива, живет в деревне, в апреле 23 — сего 1879 — встретились в церкви, и она сейчас <вспомнила> о моем батюшке, что сегодня день его похорон, и старые воспоминания. Но видеться в доме не удалось, она тотчас из церкви уехала на пароход, была два дня в городе: женился внук ее, сын брата (у нее-то детей нет). Потому я говорю, что есть еще люди, которые помнят отца. Эта госпожа старше моей сестры на два года, и я была дружна с младшей ее сестрой, которая чудная была красавица. Потом еще семейство Еремеевых¹⁰, где тоже учил отец двух девиц, то такие были гордые аристократы, что ни к кому не ездили, только им отдавались визиты, красавицы тоже, и вот я уже помню, что, когда едут в собрание Еремеевы и Стемповские, то это было событие, пожалуй целый город знает, что они были, но ведь и город-то был поменьше теперешнего, и знать была наперечет. Еще у моего батюшки были поклонники Аристовы¹¹, старуха мать, сколько сыновей, не помню, но одного из них, слепого, так и вижу до сего времени, стоит только о нем вспомнить, должно быть потому, что он ездил к нам во время болезни батюшки, да и был замечателен тем, что оспа изуродовала его до страсти, и от нее же ослеп, но был образованный человек, и устроил так, что его лакей печатал ему, что барин находил любопытным читать самому. У нас долго хранилась тетрадь его, буквы крупные и выпуклые, так что, водя рукой,

он читал, а всегда был чтец его тот человек, который служивал ему. Вот потому-то я и помню, что мне он казался страшным, и я выглядывала на него из другой комнаты потихоньку, боясь войти, где он сидит. Все семейства, где учил отец, после его смерти пригласили Гавриила Ивановича, и он тоже пользовался их, можно сказать, безграничным уважением и учил всех до того времени, когда мальчиков увозили или в корпус или на службу. Также и у сына Панчулидзева¹², который был предводителем, а потом губернатором в Пензе. Заваицкие, Юшковы тоже потом жили в Пензе. И вот, когда Г. И. с архиереем приехали в Пензу, и все встретившие их обступили, и после благословения архиерея, то он обратясь к Г. И. сказал: «Отец протоиерей, да ведь они тебя встречают с большим почетом, чем меня». Те говорят: «Да ведь, ваше преосвященство, он учил наших детей, да пожалуй и нас самих». Еще из девиц наших аристократок кстати вспомню Варвару Евграфовну Мосолову¹³, которая жива и теперь за Чертковым, бывшим атаманом, а потом в Москве занимал он, не припомню, какую-то видную должность. Это тоже знакомая моя, она провожала меня к венцу, первого моего замужества, это такая красавица, что изумительно. Ты, быть может, скажешь, что я называю всех девиц, о которых говорю, так, но это на самом деле было так: чистота лица — фарфор, жилы голубые, румянец розовый, и не то совсем, что могут подумать теперешние щеголихи. Я ведь была у них часто, и когда едут на бал, тут же умыванье и никаких приспособлений. Таких красавиц я не видала в моей жизни более, разве сказать еще о Ланской¹⁴, которой было 70 лет, она гостила тут у сына полковника, и бывала у Г. И. — но тоже удивительная белизна, выражение святых чувств так и отпечаталось: вот бы взглянуть на портрет, пожалуй, не поверят художнику.

Папенька был болен 8 месяцев. По словам маменьки, доктор, который лечил его, был знаток и надеялся помочь ему, но сам был старый человек, и месяца через три после начала болезни у отца умер ударом. Пришлось взять другого, а их и всего-то было в городе два. Скоро оказалось, что лечение не приносит пользы, но все-таки лечили. Ну, и кончилось смертию. Странно, что я ничего не помню из этого времени. Помню, как доктор держит руку отца, лицо сейчас бы узнала, но как жилось за это время, не знаю. Только и помню, что плакали много, и как будто в том и время проходило. Тотчас по смерти, губернатор послал в Пензу к архиерею

письмо с Кондратием Герасимовичем, диаконом Казанской церкви¹⁵, прося на место умершего лучшего студента, который должен жениться на дочери покойного. Владыка предложил Гавриила Ивановича. Он был преподавателем реторики в семинарии и за год или два имел предложение Сперанского¹⁶ ехать с ним в Петербург, которое и принял, но мать, узнав, решительно воспротивилась этому и убедила отказаться, что он и сделал, отрекомендовав Репинского¹⁷ — а сам остался при семинарии до времени, когда будет хорошее место. И вот, при открытии в Саратове, решил ехать видеть невесту¹⁸. Она была девочка 14 лет, маленькая, худенькая. Спрашивать ее вряд ли пришло кому в голову. Повенчали. Сам губернатор одобрил, чего же лучше, и сам невесту благословлял, и вся знать, любившая отца, провожала в церковь. Не помню ничего из всего этого, кроме, что в доме народу в это время было много, а как и кто руководил — знаю одно, что мы только все плакали беспрестанно. 1818 года 5 июля Г. И. приехал во всеобщую уже священником, это помню потому, что за нами пришли в церковь с этой вестью. С этого времени жизнь пошла опять будто при отце. Много лет каждый день вечером ездили на могилу служить панихиду, отмечалось только накануне праздников, как нужно служить всеобщую или кто-либо приедет к нам, да зимой. Тогда раз в неделю. Потом, когда у Г. И. прибавилось занятий по урокам, то мы ездили одни.

Как учились мы при папеньке, я говорила. Теперь меня учил Г. И. и желал, чтоб отдали в пансион, который и был один в городе — Мад. Тропе¹⁹, но маменька не захотела, и я училась дома, читала и переводила по-французски. Но как была ленива, а баловали, то дело шло плохо. Да тогда и не считали нужным много знать. И вот, я вышед замуж, забыла все, теперь и строчки не прочитаю, не то, что перевести. Да кстати вспомнила, что умела читать по-гречески, с какой стати и как, сама сказать не умею, выучилась.

Замуж выдана была 16 лет. Решили старшие, что пора выдавать, и явился жених, подпоручик Котляревский. И вот, 29 октября, в полковой церкви повенчали²⁰. Жить решено вместе, маменька хозяйничала, мы с сестрою вышивали. Тихо жилось. У нас было три лошади, пара для катанья, третья для воды и базара. Прислуги много: крестьяне на чужое имя еще при батюшке куплены, и меня отдавала мать именно за тем, чтоб перевести их на мое имя; что и сделали. Впрочем, я несколько не интересовалась этим, думая теперь, что и сама-

то я такая же крепостная была, если принять в расчет теперешнее время и самостоятельность людей. Я и не подозревала, что это не так, и мне не должно принимать на себя иго такого рода.

Сентября 15 1824 у меня родилась дочь Любовь²¹. Вся семья была рада. У сестры детей не было, и мы жили за одну семью по-прежнему. Через несколько месяцев куплена была Марья с матерью. Старуха оказалась хорошей кухаркой, а Марье поручили девочку, и ее искусству ухаживать за ребенком дивились: молодая, а усердная и умная. Потом еще дочь родилась²², и вместе с этим получено распоряжение о переводе дивизии в Орел. Все наши решили, что я должна остаться в Саратове, куда с двумя детьми пускаться в путь! К тому, переход назначен осенью. Так я и прожила в Саратове до мая 1827 года, когда приехал Николай Максимович²³, и я поехала с ним, взяв Любиньку. А Сою не дали сестра и маменька, <говоря>, что мне покойнее будет да им все-таки не так грустно будет одним. Ехали, конечно, на своих. Лето прекрасное, остановки на отдых лошадям, и вид новых мест доставили удовольствие. Лошади кормятся, а я с Марьею и дочерью гуляю. Приехав в Орел, мы имели квартиру в одном доме с командиром батальона, Якубовичем, жена которого тоже саратовская, Неклюдова²⁴, конечно знакомая, и я только и виделась с нею, и с нею же бывала в театре Каменского, фельд-маршала, который доживал свой век в Орле. Ездили иногда за город, но я никого не имела знакомых из городских дам, да и быть в Орле пришлось одну зиму. В апреле 1828, 7, родился у меня Егорушка²⁵, а в половине мая распоряжение идти на квартиры в Белую Церковь, это всех огорчило военных семейных: предвидели, что не даром передвигают к границе²⁶. И тут начались у нас толки, не ехать ли мне в Саратов. Звали меня и свои. Но решили, что поеду в Белую Церковь. Сборы не обременяли, делали деньщики. Я по-прежнему жила — все сделают, приготовят, мое дело только с детьми. Но, как бы то ни было, их двое! Поехали, наконец. Но та поездка тоже хороша была в июне, и орловская губерния хороша: лес, деревни,, мельницы все казалось довольство, а когда въехали в Черниговскую, то и деревни — картина: хаты белые, кругом, если не сад, то палисадник с цветами, ягоды, фрукты ни-почем, да пожалуй и даром, через два дня дневки, нисколько не утомительно. Квартиры — загляденье, комната белая, расписана цветами, потолок сплошь увешан на лентах по потолку расписными яйцами, это пасхальные. Случалось, что до сот-

ни с потолка красуются, это значит, что еще дед начал их вешать, перейдя в новый дом. У образов цветы, хозяйки приветливые, многие постарше плакали, говоря, что такой молоденькой пришлось в такую даль ехать с крошками. Полтавская губерния еще лучшее впечатление произвела: люди — загляденье, леса тоже, о садах и говорить нечего. Но тут новое горе нас догнало: приказано идти в Молдавию войску²⁷. Семьям пришлось думать, куда кто может приклониться. Так как это распоряжение застало недалеко от Киева, то мы решили доехать до него, и оттуда уже мне ехать в Саратов, — батальон простоит в нем три дня. Так и было, я прожила в Киеве неделю, была в Лавре, в Соборе, других церквях, в пещерах, но все это наскоро, в тревоге на душе, и 1 августа поехала в Саратов. Со мною была Марья, Данило, два деньщика, 5-ть лошадей, и путь мой длился две недели, в Саратове я была 15 августа. Маменька была у ранней обедни. Конечно, меня ждали. Дочь, оставленная в Саратове, умерла месяц спустя, как я уехала, и теперь у меня осталось двое детей, и 22 года от роду.

Раз иду я с маменькою к ранней обедне, в сентябре. В воротах нашего дома встретился нам священник Лоретов, и как будто хотел что-то сказать, но не сделал этого. Поклонясь друг другу, мы разошлись. Он к нам, а мы в церковь. Вернувшись, увидели сестру заплаканную, Г. И. тоже смущенным. Тотчас спрашивать, что это значит, и несмотря на их отказ говорить и наши убеждения сказать, что огорчат их, все-таки они должны были сказать, что Лоретов принес письмо полкового священника, что муж мой умер при переходе за границу в Молдавии, в городе Фокшанах, от горячки, и, как священник знал, что Лоретов наш родственник, то и сообщил ему приготовить нас. Всего прошло полтора месяца с моего отъезда из Киева, как уже его не стало.

Якубович оставалась в Киеве. Написали ей, чтоб она узнала от мужа, справедливо ли сведение, полученное нами. Конечно, справедливо. Тотчас продали лошадей, одну из бричек, с которой я приехала, другую оставили, и она существовала у нас до пожара, бывшего в 1866 году. Для чего? Теперь только посмеются, но все-таки она служила время от времени, иногда в ней ездили с архиереем Г. И., потом я два раза на Иткарку, ну и считали, что нужна. Как ружье у Ивана Никифоровича, все-таки покойнее: случится куда ехать, экипаж есть. Вспомнила, что при вступлении на престол Николая Павловича, мы разъезжали в ней смотреть иллюмина-

цию, которая была три дня: Г. И., Федор Степанович²⁸, сестра, я. Ведь экипажи тогда были поместительные, а они, как духовные особы, чтоб их не заметно было, сидели внутри, а мы с сестрою на передней скамье, — <может> быть, ты помнишь этот экипаж? Ведь он стоял в теперешнем сарае, и играя, быть может, и тебе приходилось сидеть в нем. Но как бы то ни было, после пожара он стоял среди двора, и куры нашли в нем приют. Тут уже продали его за железо, не помню, рублей за 16, или дешевле, а стоил нам 400. В то время, как его воздвигали фурштадтские мастера, деньги считались не на серебро.

У меня с детьми, можно сказать, не осталось ничего. Прислали из баталиона 400 карбованцев, за проданных лошадей, тоже бричку, вот и все. Пенсии дали 100 рублей троим, и я жила, как и прежде на счет матери, хотя дом и дан мне, но я никогда не распоряжалась им, да и жили мы все в нем вверху. И мне никогда не приходило в голову, что я могу считать себя его хозяйкою. Как жила девочкою на заботе матери, так и в это время жилось.

Вернусь назад; так как маменька была полная хозяйка в нашем житье, то все заботы лежали на ней, и вот она решила, что нужно подумать, чтоб и у сестры был свой дом, а этот уже решено, что он мой, и вот соседний дом Мауриных стал продаваться, она тотчас решила купить его и купила, я не знаю, все ли деньги заплачены ею или были и Г. И., но только дом куплен²⁹, флигель, который на одну улицу с нашим был и дом стоял почти на середине двора и совсем старый и плохой, решила его сломать и строить новый, улица распланирована была только что, и пришлось взять несколько сажен от улицы, и вот на углу стали строить стоящий и теперь дом, надзирала за работами маменька, покупала лес, смотрела за рабочими, да Г. И. и не было времени за уроками и службою, тут кстати тоже нанимали фурштадтских солдат, теперь взглянуть и то узнает всякий, что работа петель, крючков и разных других поделок не простого кузнеца дело, да и Котляровский был знаток, так и выстроился дом сестры, знаю, что на все расходы денег не доставало, и потом платили после, у маменьки по-тогдашнему деньги считались в руках хорошие, так доверяли охотно, по окончании стройки тотчас пустили постояльцев, а сами по-прежнему жили одной семьей, а когда я стала вдовой, то и не думали жить розно, — так и жилось до того времени, когда дождалась я рождения Еничьки, но это скажу после.

Теперь опять вернусь назад. Когда умер папенька, дом остался только слаженный³⁰, даже не умею сказать, был ли крыт, а мы жили во время болезни отца в маленьком флигеле³¹, который был потом перенесен на другое место, где мы жили потом, как я говорила, что перешли, ожидая рождения Еничьки; Варенька и Саша родились в этом доме³², в котором я пишу эти строки, у нас же в <то> время стоял старый деревянный дом, который по отделке этого снимали, и вот когда уже несколько привыкла маменька к своему горю, приехал губернатор Панчулидзеv, и посадив спросил, что же она не принимается за отстройку дома, она сказала, что от горя и думать не может о том, чтоб приняться за это дело, да и денег не достанет, на это он сказал, что о деньгах она бы не беспокоилась много, если может платить рабочим, то дело надо начинать, все нужные материалы ей будут отпускать из его складов, завтра же он пришлет своего архитектора и тот составит смету, чего сколько нужно и представит ему, а он распорядится об отпуске, и таким образом отделка началась, а склады у губернатора были всех материалов, у него были всего запасы, так как ежегодно стройка шла в его домах, дом теперешней гимназии был его, где институт — его дача; так у него суда с известкой, алебастром, плоты, леса все сплавлялось прямо для него, и покупалось на месте...

1829 г., когда Егорушке был год, к Пасхе маменька по обыкновению покупала припасы. Между прочим, куплены были петухи индейские, и одного принесли в комнату показать детям. Вдруг петух закричал. Егорушка вскрикнул, побледнел и плакал сильно. Когда успокоили его, то вздумали, чтоб он не боялся, опять показать птицу. Петух закричал опять, и испуг повторился, и сделался сильный припадок. Послали за доктором, конечно дал капель, но припадки были ежедневные, и помощи никакой. О горе моем и говорить нечего, так что и вспомнить тяжело. Потом доктор сказал, что лечить будет, когда ребенку будет 4 года, но в 1930 году доктор этот был удален от должности, за то, что во время холеры не стал лечить и не выходил из дома, а другие доктора нашли <Егорушку> неизлечимым. Так бедный Егор и страдает всю жизнь. Припадки кончились на 14 году, но он весь разбит ими, все нервы потрясены.

В 1830 году весною разнеслась весть, что в Астрахани холера. Рассылались брошюры о предохранении и предупреждении от нее. Напугала эта весть весь город. Скоро торговцы саратовские начали приплывать оттуда, и рассказы их еще

более пугали. Лето шло в тревоге сильной. Узнали, что <холера> в Царицыне, потом в Камышине, и вот 6 августа здесь ежегодный крестный ход из всех церквей в монастырь мужской. Народу ходит много, духовенство все. Для архиерея и духовенства после молебна Архангелу — дан обед, часов в пять вернулся Г. И. В 8 прислали к нему из Архангельской церкви, что священник заболел. Он тотчас поехал к нему, и, часа через два вернувшись домой, сказал, что болезнь — холера. Доктора два, но ночью опять прислали за ним, с извещением, что священник умер. И на другой день уже были десятки умерших. Во флигеле на улицу Сергиевскую в доме Гавриила Ивановича жил портной, и вот его рабочие начали на окне отмечать число проносимых мимо покойников, — и вечером прислуги нам сообщают, что пронесли 30, на другой <день> 40, потом 70, и наконец портные перестали считать, а маменька не приказала говорить нам ничего. Весь город говеть принялся, брать из церкви иконы на дома, служить молебны. Гавриила Иванович вернулся часов в пять, в четыре измученный, ослабевший, и наконец заболел: лицо распухло, голос пропал, и он не мог выходить из дома, но на дом все-таки шли прихожане, чтобы исповедывал, наконец не мог и дома. В это время окна у нас завесили коврами, никуда не выходили, суп варили в комнате из курицы, и чай, более ничего, хлеб белый пекли дома: многие пекарни были закрыты, в других боялись брать. В это время жила у нас племянница архиерея. Она только что приехала в город. Муж ее был священник и любимец архиерея, и, как он большую часть дня был у архиерея, то и упросили, чтоб она была у нас. Поэтому, какие нужны были припасы, то вечером пошлем в дом архиерея записку, что нужно купить, на завтра эконоом привозит. Так мы и жили совершенно в карантине. В это время у Маменьки умер муж ее сестры³³. Бабушка³⁴ прислала сказать, маменька поехала, но нас никого не взяла. На другой день смерти зятя умерла и сестра, но бабушка даже и сказать не прислала, а через три дня умерла еще сестра³⁵, мать Ивана Николаевича Виноградова³⁶ — тоже сказать не прислали. У нас на нашем дворе из живущих умерло 7 человек, но мы не <знали> до окончания болезни, только и слышали об одной умершей. В нижних комнатах у нас квартировал секретарь межевой конторы, и у него была дочка 15 лет, полная, здоровая, и вот однажды выпросилась покататься с теткою. Поехали вечером, и, вернувшись, с ней тотчас холера. К утру уже умерла. И вот, мы услышали и шум и крик. Что

такое? Да, говорят, Грушенька умерла, и мать не плачет, а кричит без памяти, рыданием даже нельзя назвать. Вот только об этой смерти мы и узнали. Болезнь была более месяца, и странно, что не во всем городе одновременно, а шла из улицы в улицу, так, в нашей местности прекратилась уже недели две, а на горах свирепствовала. Были открыты больницы, но пользы было мало, и докторов мало, да и ходить кому же? Нанимались люди отчаянные, были случаи такого рода, что с кладбища привезенные для погребения уходили, потому что больной в обмороке, его кладут в гроб, и рассказывают, что холера с ним была так сильна, что он уже умер, а судорога все еще ведет. И в голову не приходило, что не в гроб класть, а надо растирать. Но как бы то ни было, а случаи были, что в ближайших избушках упрашивали пустить, что я дескать опомнился в гробу на кладбище. Не вдруг впускали, считая приведением. Что еще заставляло думать так — что являлись или совсем раздетые или в полотне, холсте. Страшное и дурное было время. К концу эпидемии прислан был адъютант Столыпин для лучшего успокоения жителей, молодой, здоровый, и на третий день умер. Вот в такое-то грозное время маменька с сестрою принялась думать: что я останусь одна, и молода, и неопытна, начали пожитки укладывать, запырывать, и сундуки печатать, а их было много, точно, как одна я могла уцелеть, и когда болезнь кончилась, понемногу стали не успокаиваться, а только отдыхать от всех страхов³⁷. Маменька целые ночи просиживала с постоялкою, о которой я говорила, что лишилась дочери. Она с горя спать не могла, и часу с 11 ночи приходила к нам, и до зари проводила с маменькою ночь. Тут у нас начались толки о моем замужестве. У этой дамы был родственник Подъяпольский, приятель моего дедушки, у которого часто бывал, и знал нас всех, а Подъяпольский считался родственником Николая Дмитриевича, двоюродный брат или дядя его матери. Вот и решили: чего же лучше, как устроить молодого человека. А нашу семью Подъяпольский знал хорошо. Конечно, я и понятия не имела о всех этих думах и переговорах. В один день в октябре приходит к нам постоялка и просит маменьку и нас с сестрою вечером пить чай. Мы редко бывали у нее. Отказать — причины нет. Отправились. Немного спустя, явился Подъяпольский с Николаем Дмитриевичем³⁸, отрекомендовал своего родственника, просидели вечер. Дня через два явились оба к нам, опять вечером, и через день Подъяпольский приехал уже один с предложением. Ну, тут уже сказали и мне, что значит это

знакомство и решили все-таки старшие, что должно выходить. Я на Николин день, сходя с крыльца, чтоб ехать к обедне, поскользнулась (была сильная гололедица) и вывихнула левую руку. Тотчас к доктору — он осмотрел, нашел, что простой ушиб, дал мазь, но прошла неделя — боль не уменьшается, опухоль — тоже. Привезли простую костоправку. Та нашла, что вывих, но вправить уже было поздно, и рука осталась испорченной и до сего дня...³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Георгий Иванович Голубев (1771—1818). Документальные данные о нем см.: Юдин П. Л. Н. Г. Чернышевский в Саратове. — Исторический вестник, 1905, № 12, с. 866.

² Пелагея Ивановна Голубева (1778—1847). О ней и ее отце см.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 16-ти томах. М., Гослитиздат, 1939—1953, т. 1, с. 567; Пыпина В. А. Любовь в жизни Чернышевского. Пг., 1923.

³ Скопин Николай Герасимович (1754—1836), протоиерей Троицкого собора в Саратове с 1806 года (см.: Хованский Н. Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии. Саратов, 1884, вып. 1, с. 48).

⁴ Панчулидзеv Алексей Давыдович (1762—1834), саратовский губернатор в 1808—1826 годах.

⁵ Заварицкий Никифор, саратовский вице-губернатор до 1818 года.

⁶ Стемповский Алексей Ерофеевич и его сыновья Иван, Александр, Василий, Николай.

⁷ Хорин Николай Силович, советник саратовской казенной палаты с 1818 года.

⁸ Чернышевский Гаврила Иванович (1793—1861), отец Н. Г. Чернышевского, саратовский протоиерей с 1818 года, впоследствии градской благочинный, член духовной консистории, кафедральный протоиерей.

⁹ Горбунов Иосиф Федорович, купец, избирался градским головою в 1804—1807 и в 1813—1815 годах.

¹⁰ Еремеев Андрей Дмитриевич и его сыновья Петр, Николай, Дмитрий.

¹¹ Аристов Гаврила Иванович и его сыновья Иван, Дмитрий, Алексей, Александр.

¹² Панчулидзеv Александр Алексеевич, губернский предводитель в Саратове в 1822—1831 годах.

¹³ Вероятно, имеется в виду дочь Егора Кондратьевича Мосолова.

¹⁴ По-видимому, речь идет о жене саратовского губернатора, впоследствии члена Государственного Совета В. С. Ланского.

¹⁵ Кондратий Герасимович Медведев был близок к Пыпиным и Чернышевским (см.: Лит. наследие, с. 737—738).

¹⁶ Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), видный государственный деятель эпохи Александра I. Был пензенским губернатором в 1816—1819 годах, затем был назначен сибирским генерал-губернатором.

¹⁷ Репинский Козьма Григорьевич, сын священника, товарищ Г. И. Чернышевского по пензенской семинарии. Был личным секретарем М. М. Сперанского, с 1856 года — сенатор.

¹⁸ Невеста — старшая дочь Г. И. Голубева, Евгения (1803—1853), мать Н. Г. Чернышевского.

¹⁹ Г. И. Чернышевский преподавал в пансионе благородных девиц мадам Троппе в 1818—1821 годах.

²⁰ Память изменила автору воспоминаний: Котляревский был не поручиком, а прапорщиком. Об этом свидетельствует его личная запись в записной книжке, хранящейся в семейном архиве Чернышевских.

²¹ Котляревская Любовь Николаевна (1824—1852), впоследствии Терсинская. Оказывала влияние на воспитание Н. Г. Чернышевского в его детские годы.

²² Софья Котляревская родилась в 1826 году.

²³ Николай Максимович Котляревский.

²⁴ Неклюдовы — старинная дворянская фамилия в Саратове.

²⁵ Егорушка — Георгий Николаевич Котляревский (1828—1892). Будучи слабоумным, прожил до старости на попечении своей сводной сестры Варвары Николаевны Пыпиной. Н. Г. Чернышевский относился к нему с большой теплотой и сочувствием.

²⁶ Передвижение русских войск к границе объяснялось политикой Николая I, который 14 апреля 1828 года объявил войну Турции и одновременно начал боевые действия на Балканах и Кавказе.

²⁷ Введение русских войск в Молдавию было связано с последствиями русско-турецкого договора 1829 года.

²⁸ Вязовский Федор Степанович, саратовский кафедральный протоиерей, крестный отец Н. Г. Чернышевского и его двоюродный дед: был женат на сестре бабушки Н. Г. Чернышевского П. И. Голубевой — Марии Ивановне Кирилловой. О нем см.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 15, с. 247—253.

²⁹ Дом для Чернышевских был приобретен у соседки Е. Я. Мауриной 20 ноября 1822 года (см.: Звенья, 1953, № 5, с. 578). 13 августа 1825 года губернатор Панчулидзе утвердил план на постройку нового дома вместе с каменным флигелем с окнами на Большую Сергиевскую улицу (ныне ул. им. Чернышевского). Постройка начата в 1826 году. Кроме этих зданий, был выстроен окнами на Гимназическую улицу (ныне ул. им. Некрасова) деревянный флигель, где жила квартирантка Чернышевских У. В. Кошкина. Ныне на этом месте флигель О. С. Чернышевской.

³⁰ Речь идет о доме Пыпиных, приобретенном Г. И. Голубевым 22 ноября 1801 года с аукционного торга у купца П. А. Трумпичкого.

³¹ По указанию Екатерины Николаевны Пыпиной, семья Пыпиных жила на дворе Чернышевских в каменном флигеле, выходившем окнами на Большую Сергиевскую и не уступавшем по площади дому Чернышевских. Из воспоминаний А. Г. Пыпиной видно, что этот флигель был перенесен с соседнего, то есть голубевского двора. По-видимому, он был расширен и обложен кирпичом, как и дом Чернышевских. Это является ценным фактическим дополнением в историю зданий нынешнего Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Флигель этот сгорел в 1866 году и с тех пор не восстанавливался.

³² Речь идет о доме Голубевых (Пыпиных), где родились Варвара Николаевна (1831—1892) и Александр Николаевич (1833—1904) Пыпины.

³³ Муж сестры бабушки Прасковьи Ивановны Голубевой — Николай Виноградов, дьякон Воздвиженской церкви.

³⁴ Бабушка — Мавра Перфильевна, мать П. Голубевой.

³⁵ Сестра бабушки — Меланья Ивановна, жена Н. Виноградова.

³⁶ Виноградов Иван Николаевич, двоюродный брат А. Г. и Е. Г. Голубевых, учитель Саратовского духовного училища.

³⁷ Подробное описание холеры, начавшейся в Саратове 16 августа 1830 года см.: Саратовский край, 1893, вып. 1.

³⁸ Пыпин Николай Дмитриевич (1808—1893), саратовский чиновник из мелкопоместных дворян Тамбовской губернии, второй муж А. Г. Голубевой.

³⁹ Далее следует рассказ о вывихе в руке, и на этом рукопись обрывается.

Е. Г. БУШКАНЕЦ

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ УЧИТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ ГИМНАЗИИ 1851—1853 гг.

В литературе о Н. Г. Чернышевском накопилось немало сведений об учителях Саратовской гимназии 1851—1853 годов. Наиболее полно эти сведения приведены в статье А. А. Демченко «Новые материалы о Н. Г. Чернышевском — учителе Саратовской гимназии»¹.

А. А. Демченко частично использовал сохранившиеся в Гос. архиве Саратовской области формулярные списки учителей гимназии за 1851 год. В Центральном Государственном архиве Татарской АССР в фонде канцелярии попечителя Казанского учебного круга сохранились формулярные списки учителей Саратовской гимназии как за 1851, так и 1852 и 1853'годы.

Форма списков предусматривала наличие ответов на следующие вопросы: чин, имя, отчество, фамилия, лета от роду, вероисповедание, получаемое содержание. Из какого звания происходит? Есть ли имение? У него самого и у родителей—родовое, благоприобретенное? У жены, буде женат—родовое, благоприобретенное? Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами и в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особенных в службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем и в какое время; сверх того, если находясь под судом или следствием, был оправдан или признан невиновным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено? Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях, и когда именно? Был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончено? К продолжению статской

¹ Н. Г. Чернышевский, вып. 5, стр. 163—175.

службы и повышения чином достоин ли, если же нет, то по каким причинам? Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени: являлся ли на срок и, если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительной? Был ли в отставке с награждением чином, или без оно, когда и с которого по какое именно время? Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно: год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания?

Из проведенных вопросов видно, что формулярные списки дают возможность установить лишь официальные биографические данные. Данные эти, однако, представляют несомненный интерес и облегчают использование известных эпистолярных и мемуарных источников.

Обратимся к формулярным спискам за 1851 год. Они датированы 20 июня 1851 года².

Директором гимназии по положению являлся директор училищ Саратовской губернии Алексей Андреевич Мейер, из дворян, 36 лет, статский советник. Он окончил Казанский университет со степенью кандидата в 1835 году. Сразу после этого служил старшим учителем истории и статистики в Пензенской гимназии, в декабре 1843 года был перемещен в Пензенский дворянский институт, в мае 1844 года назначен инспектором института, а в августе 1848 года — исправляющим должность директора училищ Пензенской губернии. 13 февраля 1851 года назначен директором училищ Саратовской губернии. Холост. Вместе с дополнительными суммами по пансиону и разъездными получал 1072 рубл. 34 коп. в год. Пользовался казенной квартирой.

Инспектором гимназии был Эрих Христианович Ангерманн, из обер-офицерских детей, 30 лет, коллежский асессор. Окончил Казанский университет со степенью кандидата в 1843 году. Служил старшим учителем математики и физики в Пензенской гимназии, но через несколько месяцев переведен на ту же должность в Пензенский дворянский институт. Инспектором Саратовской гимназии назначен 21 декабря 1850 года. Женат, имел двух сыновей. Жалованье (вместе с дополнительными суммами по пансиону) составляло 686 рубл. 51 коп. Имел в Саратове каменный дом с четырьмя деревянными флигелями. Пользовался казенной квартирой.

---

² ЦГА Татарской АССР, фонд 92 (канцелярия Попечителя Казанского учебного округа), 1851, № 6480, лл. 1536—1567.

По штату гимназии полагалось иметь 13 учителей — семь старших и четыре младших учителя, учитель рисования и законоучитель. К моменту составления формулярного списка две должности младших учителей были вакантны (естественные наук и французского языка). Вот какие сведения об учителях содержатся в списке.

1. Старший учитель истории и статистики Николай Гаврилович Немолотышев, из дворян, 45 лет, коллежский советник. Окончил Казанский университет со званием действительного студента. С 17 октября 1827 года младший учитель истории и географии Саратовской гимназии, 28 июня 1835 года переведен на должность старшего учителя истории и статистики той же гимназии. Женат, имел сына и пять дочерей. Как и все другие старшие учителя получал 393 рубл. 15 коп. в год.

2. Старший учитель словесности Николай Гаврилович Чернышевский, сын протоиерея, 22 лет, по должности — в IX классе. Окончил С.-Петербургский университет со степенью кандидата. В Саратовскую гимназию назначен 6 января 1851 года. Холост. Имеет деревянный дом в Саратове.

3. Старший учитель греческого языка Иван Федорович Синайский, сын дьячка, 52 лет, коллежский советник. Окончил Московскую духовную академию. С октября 1826 года был учителем церковной истории и греческого языка в Пензенской гимназии, 16 июня 1836 году переведен на должность старшего учителя в Саратовскую гимназию. Вдов, три сына и две дочери. Владел благоприобретенным имением в Саратовском уезде (семь душ крепостных крестьян). С 15 марта 1850 и по апрель 1851 года (т. е. до приезда в гимназию Н. Г. Чернышевского) вел уроки словесности, получая за это половину оклада.

4. Старший учитель математики и физики Сергей Алексеевич Колесников, сын купца третьей гильдии, 37 лет, титулярный советник. Окончил Казанский университет со званием действительного студента в 1843 году, затем некоторое время служил в Казани помощником столоначальника экспедиции о ссыльных, с декабря 1844 года — старший учитель математики и физики в Астраханской гимназии, 13 октября 1845 года переведен на ту же должность в Саратовскую гимназию. Женат, имел дочь.

5. Старший учитель математики Петр Яковлевич Ефремов, из мещан, 27 лет, коллежский секретарь. Окончил Казанский университет со степенью кандидата и с золотой медалью в 1847 году. С 27 июня 1848 года — старший учитель Саратов-

ской гимназии. Холост. Получал, кроме основного оклада, дополнительно 200 рублей по пансиону.

6. Старший учитель законовещения Александр Яковлевич Шабловский, из дворян, 27 лет, титулярный советник. Окончил Казанский университет со степенью кандидата в 1846 году. В ноябре 1846 года был назначен старшим учителем законовещения в Астраханскую гимназию, 23 ноября 1849 года был переведен на ту же должность в Саратовскую гимназию.

7. Старший учитель латинского языка Карл Васильевич Бауэр, из обер-офицерских детей, 25 лет, по должности — в IX классе. Окончил Главный Педагогический институт в Петербурге. В Саратовскую гимназию назначен 10 января 1851 года. Холост.

8. Младший учитель русской грамматики Дмитрий Андреевич Афанасьев, из обер-офицерских детей, 39 лет. Окончил Казанский университет со званием действительного студента в 1834 году. С октября 1834 года — смотритель Саратовского уездного училища, 6 января 1836 года переведен на должность младшего учителя Саратовской гимназии. Женат, имел дочь. Как все младшие учителя (кроме учителя рисования и черчения) получал 343 рубля 10 коп. в год.

9. Младший учитель немецкого языка Карл Андреевич Гааг, сын пастора, 38 лет, надворный советник. Получил диплом домашнего учителя в Дерптском университете. С ноября 1836 года — учитель немецкого языка в Ярославской гимназии, с августа 1836 года — надзиратель в Московском дворянском институте, с 25 июля 1840 года — в Саратовской гимназии. Женат, имел сына.

10. Младший учитель рисования и черчения Андрей Сергеевич Годин, сын мещанина, 41 год, коллежский секретарь. Окончил С.-Петербургскую академию художеств в 1840 году. С 13 апреля 1840 года — младший учитель Саратовской гимназии. Женат, детей не имел. Получал 257 рублей 29 коп. в год.

Формулярные списки за 1852 год датированы 5 июля 1852 года, за 1853 год — 30 июня 1853 года³. В списках отмечены продвижения в чинах, изменения в семейном положении (женились К. В. Бауэр, П. Я. Ефремов, Н. Г. Чернышевский, родились дети у Э. Х. Ангерманна, С. А. Колесникова, К. В. Бауэра, А. С. Година, К. А. Гаага), директор гимназии ушел с казенной квартиры и начал получать вместо нее квартирные —

³ Там же: № 1677, лл. 6641—1701; № 6776, лл. 1615—1643.

257 рублей в год, И. Ф. Синайский с декабря 1851 года в связи с выслугой лет начал получать сверх жалованья пенсию в сумме полного оклада...

В формулярных списках за 1852 год не значатся Немолотышев, Шабловский и Афанасьев. Вместе с тем фигурируют сведения о двух новых учителях. Вот они:

1. Старший учитель истории Евлампий Иванович Ломтев, из мещан, 27 лет, коллежский асессор. Окончил Казанский университет со степенью кандидата в 1845 году. Службу начал сразу после окончания университета старшим учителем истории и статистики в Астраханской гимназии, в марте 1849 года был переведен на эту же должность в Пензенскую гимназию, а 31 июня 1851 года — в Саратовскую. Холост.

2. Младший учитель грамматики Николай Данилович Ермаков, из мещан, 27 лет, коллежский секретарь. В 1842 году окончил Тамбовскую гимназию, с марта 1845 года преподавал в Кузнецком уездном училище. 3 ноября 1851 года по сдаче специальных экзаменов в Казанском университете назначен в Саратовскую гимназию. Холост. В г. Краснослободске Пензенской губернии имел благоприобретенный деревянный дом с садом.

Ломтев был принят в гимназию на место Немолотышева, Ермаков — на место Афанасьева. Должность преподавателя законоведения после ухода Шабловского оставалась вакантной.

В формулярных списках за 1853 год нет Синайского, прекратившего свою педагогическую деятельность. В то же время в этих списках мы находим сведения о трех новых учителях:

1. Старший учитель законоведения Александр Михайлович Полиновский, из дворян, 21 года, состоящий по должности в IX классе. Окончил Казанский университет со степенью кандидата в 1852 году. Назначен в Саратовскую гимназию 23 декабря 1852 года. Холост. У матери в Казанской и в Симбирской губерниях по 46 душ крепостных крестьян в каждой.

2. Старший учитель естественных наук Николай Яковлевич Волков, из дворян, 25 лет, состоящий по должности в IX классе. Окончил Казанский университет со степенью кандидата в 1852 году. Назначен в Саратовскую гимназию 17 октября 1852 года. Холост.

3. Младший учитель географии Евгений Александрович Белов, из обер-офицерских детей, 27 лет, состоящий в X классе. Окончил Казанский университет со званием действитель-

ного студента в 1849 году. Начал службу в должности младшего учителя Пензенского дворянского института. В Саратовскую гимназию назначен 22 июля 1852 года.

Следовательно, и в 1852—1853 учебном году штат гимназии был укомплектован не полностью — в гимназии было семь старших и три младших учителя. Вакантной оставалась должность младшего учителя французского языка.

Полиновский был принят на должность, оставшуюся вакантной после ухода из гимназии Шабловского. Показательно, что старшим учителем вместо преподавателя греческого языка был принят преподаватель естественных наук.

В формулярных списках имеются также сведения и о служащих гимназии — надзирателе пансиона, надзирателе за вольноприходящими учениками, враче пансиона, экономе и письмоводителе. Формулярные списки на законоучителей представлялись особо. Сведения о преподавателях, служивших в гимназии менее года и не числившихся на момент представления списков, в них не приведены.

И. В. ПОРОХ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И Е. А. БЕЛОВ

Из лиц, бывших в близких отношениях с Чернышевским во время его учительствования в Саратовской гимназии, особенно интересен Евгений Александрович Белов (1826—1895) — автор воспоминаний об этом периоде жизни «литературного Прометея». Всего один 1852—1853 учебный год постоянно общались между собой молодые учителя словесности (Чернышевский) и географии (Белов), а затем почти в течение десяти лет переписывались, лишь иногда встречаясь. И все же можно сказать, что чувство искренней дружбы, которое связывало их, они пронесли через всю жизнь.

О близости Чернышевского и Белова имеется немало свидетельств. Известно, что они вместе с Н. И. Костомаровым, отбывавшим политическую ссылку в Саратове, «составили тесный товарищеский кружок с либеральным направлением» и каждый вторник собирались у Е. А. Белова¹.

Их идейные и личные связи зафиксированы в ряде офи-

---

¹ Юдин П. Л. Е. А. Белов (По случаю 10 лет со дня кончины). — Русская старина, 1905, № 12, с. 498.

циальных документов², а также в воспоминаниях Е. А. Белова³.

По данным О. и И. Марковых, основывавшимся на сведениях, сообщенных осведомленными современниками, «начало революционного движения в Саратове относится к половине 50-х годов, когда Чернышевский был там учителем гимназии... Благодаря влиянию Чернышевского, о котором остались в Саратове самые светлые воспоминания, в саратовском обществе было более чем в других поволжских городах людей, либерально и даже радикально настроенных. Эти «сочувствующие» элементы попадались даже среди лиц, занимавших видные служебные посты (так, например, инспектор института благородных девиц Е. А. Белов, советник палаты Вознесенский и др.), что значительно облегчало условия революционной деятельности»⁴.

В приведенном отрывке из неопубликованных заметок Марковых обращает внимание констатация факта, что идейное воздействие Чернышевского выходило за рамки революционной демократии и включало в свою орбиту определенную часть либеральной интеллигенции. К последней можно отнести и Е. А. Белова, который испытал прежде всего влияние философских воззрений Чернышевского. Как свидетельствовал сам Е. А. Белов, он через Чернышевского обратился к изучению Людвига Фейербаха и воспринял критическое отношение будущего идейного руководителя «Современника» к религиозным построениям Вольтера⁵. Кроме того, Е. А. Белов получил от Чернышевского мощный заряд демократических просветительских убеждений.

Совершенно права была М. Белова, жена Евгения Александровича, когда писала: «Я думаю, что Чернышевский, так много превосходивший Евгения Александровича и умом, и талантом, и образованием, и силой воли, имел громадное влияние на склад мыслей Е. А.»⁶.

Хотя Белов не полностью разделял взгляды Чернышевского, являясь противником насильственных методов борьбы, и предпочитая осуществление демократических преобразований

---

² Воспоминания, т. I, с. 162.

³ Там же, с. 172.

⁴ ИРЛИ, ф. 250, ед. хр. 425. Впервые опубликовано в кн.: Порох И. В. История в человеке, Саратов, 1971, с. 52.

⁵ Воспоминания, т. I, с. 164—165.

⁶ ГАСО, ф. 407, оп. 1, д. 928, л. 46. Письмо Беловой Г. Г. Дыбову от 4 августа 1905 г.

мирными средствами, они оставались близкими друзьями. Как метко подметил П. Л. Юдин: «среди саратовской интеллигенции, конечно, не было прямых единомышленников Чернышевского. Но среди них были люди, к которым Чернышевский, несмотря на различие взглядов, относился дружески, глубоко ценил их и уважал»⁷. Это заключение без каких-либо оговорок приложимо к Е. А. Белову. Подтверждением чему является письмо последнего к Чернышевскому от 28 ноября 1858 г. из Саратова в Петербург⁸.

Очень интересные сведения об отношении отца к Чернышевскому приводятся в письмах дочери Е. А. Белова Евгении Евгеньевны. В одном из них читаем: «Отец, действительно, должно быть очень любил Н. Г. Чернышевского и находился под сильным его влиянием, о чем я сужу по такому косвенному признаку. У отца довольно сильна была критическая жилка. Во всех знакомых и приятелях он рядом с хорошими сторонами видел и дурные, и в откровенную минуту с близкими людьми подвергал критике каждый из встречающихся ему характеров, что ничуть не мешало ему любить и уважать людей такими, как он понимал их, со всеми их достоинствами и недостатками. Только одного человека у него ни разу не поворачивался язык критиковать — Н. Г. Чернышевского»⁹.

После переезда в 1853 г. в Петербург Чернышевский дважды приезжал в Саратов. В первый раз он был в родном городе в июле — августе 1859 г., сразу после возвращения из Лондона, где встречался с Герценом. Второй раз — в августе — сентябре 1861 г.¹⁰ Оба посещения Чернышевским Саратова не прошли бесследно для передовой части местной интеллигенции. Чернышевский, без сомнения, встречался с Е. А. Беловым и в 1859 г. и в 1861 г. Более того, Чернышевский привлек Е. А. Белова к работе над «Исторической библиотекой», а позднее и к сотрудничеству в «Современнике»¹¹. Скорее всего ими совместно (правда, с разной степенью участия) была

---

⁷ Юдин П. Л. Указ соч., с. 482.

⁸ См.: Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский и Саратов, Саратов, 1978, с. 144—145.

⁹ ГАСО, ф. 407, оп. 1, д. 928, л. 43. Письмо Е. Е. Беловой Г. Г. Дыбову от 19 июня 1905.

¹⁰ См.: Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 174—175; 216—218.

¹¹ См.: Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский и Саратов. Саратов, 1978, с. 144—145.

написана статья «Непочтительность к авторитетам», опубликованная в июньском номере журнала за 1861 г.¹²

В исследовательской литературе уже высказывалось суждение относительно того, что мысль о сборе средств в помощь нуждающимся студентам саратовцам, учившимся в столичном университете, шла от Чернышевского, который был деятельным членом Литературного фонда, занимавшегося такой деятельностью. Передовая саратовская интеллигенция, возглавляемая управляющим удельной конторой Н. А. Мордвиновым, а также учителями Е. А. Беловым и И. Т. Миловидовым, провела 25 ноября 1861 г. в Саратове литературный вечер, ставший предметом пристального внимания штаб-офицера корпуса жандармов по Саратовской губернии майора Глобы¹³.

Е. А. Белов долгие годы являлся связующим звеном между Чернышевским и саратовцами. В этом плане немалую ценность представляет неизвестное в печати письмо Е. А. Белова к Чернышевскому от 25 февраля 1862 г. Оно гласило: «Милостивый государь Николай Гаврилович! Посылаю Вам для передачи в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым 25 рублей от подполковника Михаила Дмитриевича Поздняка. Вместе с тем он просил меня известить, что он готов ежегодно вносить в пользу его по 25 рублей. Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга Евгений Белов»¹⁴. На письме, сохранившемся в делах Литфонда, Чернышевский 14 марта 1862 г. карандашом написал: «в Саратов, господину старшему полицмейстеру». Сбоку чернилами неизвестным почерком сделана помета: «Квитанция М. Д. Поздняку послана 15 марта».

Естественно, трудно предположить, чтобы старшего полицмейстера Саратова подполковника М. Д. Поздняка и Чернышевского соединяла общность взглядов. Однако в свое время Чернышевский высказал очень оригинальное суждение, занесенное Е. А. Беловым в воспоминания: «У нас строгая последовательность не нравится, говорят: жизнь требует компромиссов. Положим, так, ибо даже исторические воззрения, как отражение реальной жизни, полны компромиссов. Но в том-то и дело, что в текущей жизни и самые компромиссы, то есть более или менее удовлетворительные на данную минуту, ибо

¹² См.: Боград В. Журнал «Современник» 1847—1866. М.—Л, 1959, с. 573.

¹³ Порох И. В. История в человеке, с. 71.

¹⁴ РО ПБС-Щ, ф. 438 Литфонд, д. 11, 1862—1863, л. 131. Сведения о нахождении письма Е. А. Белова любезно сообщены В. Н. Саженым.

компромисс не бывает продолжителен, могут быть проведены тоже по соглашению последовательных людей разных - мнений»¹⁵.

Именно такой тактикой компромисса руководствовался Чернышевский, санкционировав М. Д. Поздняку участие в финансовой поддержке Литфонда.

В 1864 г. Е. А. Белов, боясь полицейских преследований, поскольку у местных блюстителей порядка он значился в числе лиц «весьма неблагонадежных и не расположенных к царскому престолу»¹⁶, переезжает из Саратова в Петербург. Чернышевский в это время находился в Петропавловской крепости, ожидая отправки в сибирские рудники.

Однако в 1866 г. после неудачного покушения Д. Каракозова на Александра II и Чернышевский и Е. А. Белов вновь оказались вместе в поле зрения высшей политической полиции. В результате Е. А. Белов был отстранен от должности преподавателя истории в Александровском лицее и имел «очень бурные объяснения с управляющим III отделением по поводу знакомства с Н. Г. Чернышевским»¹⁷. Правда, после более тщательного изучения в III отделении следственных документов автора «Что делать?» Е. А. Белову разрешили вернуться в лицей. Однако допрос произвел на него устрашающее впечатление. «Е. А. Белов, — писал его биограф, — долго не мог успокоиться, сделавшись на всю жизнь крайне подозрительным и боязливым»¹⁸.

Эти настроения нашли отражение в его дружеских и весьма доверительных письмах к К. Н. Бестужеву-Рюмину, с которым он состоял в близких отношениях. «У нас же, — писал он в одном из писем своему другу в Италию, — почти ничего нельзя сказать прямо, ибо наши господа государственные люди-боги...»¹⁹.

Бережно храня память прошлого, Е. А. Белов с сердечной болью откликнулся на известие о кончине Н. Г. Чернышевского. «Этой же осенью, — сообщал он Бестужеву-Рюмину в письме от 7 декабря 1889 г., — в Саратове умер Н. Г. Чернышевский, целою жизнью поплатившийся за действительные и

---

¹⁵ Воспоминания, т. 1, с. 166.

¹⁶ Ш а б л и н В. Н. Из истории общественного движения в Саратове в начале 60-х годов XIX в. — В кн.: Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории, Саратов, 1971, с. 66.

¹⁷ Ю д и н П. Л. Указ. соч., с. 504—505.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ИРЛИ, ед. хр. 24705.

мнимые недоумения. Вы знаете спокойный и разумный отзыв о нем Уоллеса²⁰. Иностранец заметил факт, что его роман «Что делать?» писан уже в крепости и недоумевал, за что он был наказан²¹. Я же убежден, что главная вина его была в статьях о крестьянских надеждах во время освобождения крестьян»²².

Взаимоотношения Чернышевского и Белова расширяют представления об их идейных и дружеских контактах, обогащая биографию каждого из них в отдельности. Они позволяют на конкретном материале проследить одну из линий поведения руководителя революционного лагеря по отношению к либерально-демократической интеллигенции и временным попутчикам передовых сил России.

Ф. Ф. МАЙСКИЙ

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ О ПРОЦЕССЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

История следственного дела Н. Г. Чернышевского (1862—1864) — беспримерная в судебной истории того времени борьба обвиняемого против своих обвинителей, прибегнувших к услугам лжесвидетелей, к подлогу и подкупу. В конце концов члены следственной комиссии сделали свое подлое дело — Чернышевского как «государственного преступника» приговорили к каторжным работам в Сибири. Но даже сами обвинители чувствовали шаткость своих доказательств. В русском же обществе были твердо уверены в совершившемся произволе и беззаконии по отношению к писателю. Новонайденные документы, дополняя опубликованные уже материалы следствия¹, показывают, какую роль в распространении правды о расправе над автором «Что делать?» сыграли родные и знакомые Чернышевского.

Известно, что семейство Чернышевского было знакомо с

---

²⁰ Имелся в виду английский либеральный журналист Давид Мекензи Уоллес.

²¹ См.: Чешихин-Ветринский В. Е. Н. Г. Чернышевский, 1828—1889. Петроград, 1923, с. 186—192; Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978, с. 100, 183, 304.

²² ИРЛИ, ед. хр. 24705.

¹ См.: Дело Чернышевского. Сборник документов, Саратов, 1968.

Боковыми и Сусловыми. Врач П. И. Боков часто бывал у Чернышевских и лечил их семейство². О Надежде Прокофьевне Сусловой как об «очень хорошем медике» Чернышевский писал в 1877 г. в одном из писем из Сибири³. Н. П. Сулова была замужем за профессором А. Е. Голубевым, хорошим знакомым и другом Бокова.

Среди ее личных документов, хранившихся до войны в Крымском облархиве, нами была обнаружена статья, посвященная процессу Н. Г. Чернышевского. Она написана в феврале 1864 года, как раз после приговора Сената. Автор статьи хорошо осведомлен о ходе следствия, и можно предположить, что он пользовался сведениями от родных Чернышевского, встречавшихся с подследственным во время свиданий.

Не исключено, что эта статья при помощи М. А. Боковой, Н. П. Суловой и О. С. Чернышевской распространялась в Петербурге и выполнялось желание самого Чернышевского рассказать русскому обществу правду об его процессе.

Уже в начале статьи решительно говорится о творящемся произволе и беззаконии: «Приговор казался невероятным для всех, кто знал прежде, что для обвинения Чернышевского достаточных юридических данных нет».

В статье подробно анализируется поведение лжесвидетелей В. Костомарова и П. Яковлева. Автор указывает, что «эта история» хорошо известна многим: «Несколько лиц, слышавших в Московском смирительном доме от самого Яковлева рассказ о его переговорах и об условиях с Костомаровым, предчувствуя неблагоприятное дело, написали об этом в редакцию «Современника», чтобы каким-нибудь образом сделать известным это подготовление фальшивого свидетельства. Лица эти изъявляли готовность подтвердить, в случае надобности, свое показание даже под присягою. Редактор «Современника» г. Некрасов с одним из сотрудников этого журнала г. Пыпиным (близким родственником Чернышевского) сочли нужным довести показание, ими полученное, до сведения Комиссии, через генерала Потапова, который подтвердил им, что факты о Яковлеве, приводимые в письме из смирительного дома, — справедливы. Роль Всеволода Костомарова в этом случае, очевидно, не нуждается в комментариях».

---

² См.: Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 228, 231, 250 и др.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 15, с. 75.

«Несмотря на всю известность факта, — продолжает автор статьи, — Костомаров, как говорят, отказывался в Сенате от этого дела (оно не удалось). Наконец, говорят, и официальное обвинение перестало настаивать на мещанине Яковлеве... Но во всяком случае, факт заслуживает внимания: подлог, выбранный для обвинения Чернышевского, не удался, он обнаружен, но это не помешало Всеволоду Костомарову явиться с новыми обвинениями, и его опять выслушивают».

В статье подробно излагается история с подложным письмом к поэту А. Н. Плещееву. Автор статьи замечает, что Чернышевский отверг подлинность письма, т. е. другими словами, объявил его подлогом. Почерк был подвергнут сличениям, о которых говорят различно... Известно только, что Чернышевский этих сличений не признает. Отвергая подлинность письма, Чернышевский указывал на недействительность почерка, имитированного не везде одинаково, а под конец вовсе плохо, и несообразности в содержании письма, и то, что никогда он не был с Плещеевым в таких отношениях, какие представляло письмо. Что таких отношений действительно не бывало, это известно всем, знающим их обоих. Наконец для большего удостоверения в истине, Чернышевский сам предлагал, чтобы письмо было подвергнуто более точному ученому исследованию посредством химии и микроскопа, которые могли бы показать и искусственность почерка и новизну письма, тогда еще свежего; но ему было отказано. Затем, нынешней осенью вызван был в Петербург и Плещеев.

В обществе известно, что происходило на допросе Плещеева. Он был просто изумлен вопросными пунктами, содержание которых взято было из этого письма. Для объяснения вопросов ему должны были показать и самое письмо — но Плещеев, и увидевши его, не мог отвечать на вопросы по той простой причине, что подобной переписки никогда не водил. Плещееву сказали, впрочем, что «письмо ему не было доставлено» (кем? и откуда это известно?), и его отрицательными ответами удовлетвовались».

Автор статьи делает заключение: «Итак, вот главнейший пункт обвинения — письмо, отвергаемое Чернышевским и Плещеевым, письмо неизвестно откуда явившееся и даже не исследованное с той полнотой, которой вполне справедливо желали лица, обвиненные или привлеченные к допросу по его поводу!»

Наконец, на основании письма обвиняется Чернышевский и оставляется в стороне Плещеев! Говорят в объяснении этого,

что Плещеев «не получал этого письма», — но ведь письмо такого рода, что в нем говорится о продолжении будто бы начатого дела, — так что, если оно подлинное, оно компрометирует и того и другого одинаково. Не значит ли это, может быть, что письму не совсем доверяют и те, кто хочет считать его уликой для Чернышевского? Но почему же в самом деле оставляют его неисследованным? Что, если Чернышевский и Плещеев отвергают его справедливо и если фабрикация действительно была совершена?

Для людей, знающих Чернышевского и Плещеева, эта фабрикация не подлежит сомнению».

Позиция автора статьи удивительно схожа с показаниями самого Чернышевского о Герцене, когда тот отрицал связь с Лондоном и подчеркивал свои разногласия с издателем «Колокола». Вот это место:

«Против Чернышевского приводились и другие обвинения, которые, впрочем, не изменяют сущности дела. Главное из них — мнимые сношения с Герценом, который, по закрытии «Современника» в прошлом году, имел нелепость предложить Чернышевскому издавать «Современник» где-то на Женевском озере. Достаточно упомянуть на это, что Чернышевский на вопросы Комиссии об этих мнимых сношениях отвечал, что «сам он не давал Герцену никакого повода к подобным предложениям, и приглашение его оставил без ответа. Приведенный отзыв Чернышевского — совершенно искренний — достаточно объясняет, возможны ли были его сношения с Герценом. Всем, знающим Чернышевского, действительно хорошо известно, что понятия его о Герцене были вовсе не таковы, чтобы между ними могли устроиться какие-нибудь сношения. Обвинение оказывается простым недоразумением, анекдотом, не способным иметь юридическое значение».

В конце статьи вывод:

«Дело имеет, следовательно, такой вид: обвинение основывается на сомнительном или, говоря прямо, подложном письме; преступление совершено не было; либеральная репутация — основалась с дозволения цензуры; вредное влияние — не доказывается положительными фактами; сношение с Герценом — недоразумение, достаточно объясненное самим Чернышевским, и в заключение всего — подлоги, из которых даже и тот, который известен, обнаружен людьми посторонними.

Если бы из всего этого и было извлечено и что-нибудь предосудительное, чего не может одобрить закон, то неужели недостаточно того, что Чернышевский уже полтора года вы-

держивает тяжкое заключение, которое и без того ужасно отзовется на его жизни?»

Таково содержание документа, представляющего интерес как отклик современника на процесс писателя-революционера.

Д. Е. КРАВЦОВ

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЦЕНЗУРА (1884—1903)

После длительного пребывания в Сибири Н. Г. Чернышевский в 1883 г. получил возможность возвратиться в Европейскую Россию, однако поселиться ему разрешили не в Саратове, а в Астрахани, да и то под строгим надзором полиции. Здоровье его было сильно подорвано, и требовалось время для налаживания прежних творческих связей. Но и в этих трудных условиях он не оставлял мысли о продолжении своих литературных занятий.

Свои творческие намерения он решил осуществлять постепенно, чтобы его действия не так резко бросались в глаза правительству. Одним из важнейших для себя дел Чернышевский считал издание своих сочинений. О своем намерении он написал А. Н. Пыпину, попросив его отправить соответствующее объявление в редакцию газет¹. Однако это письмо попало не к А. Н. Пыпину, а к начальнику Департамента полиции В. Плеве. 26 апреля 1884 г. последний отправил начальнику Главного Управления по делам печати официальный документ следующего содержания: «Милостивый государь Евгений Михайлович! В Департаменте полиции получены сведения о том, что находящийся на жительстве в г. Астрахани государственный преступник Николай Гаврилович Чернышевский, 29 минувшего марта намеревался отправить в Редакцию «Вестника Европы» для передачи А. Н. Пыпину письмо с просьбой поместить в наиболее распространенных газетах следующее извещение: «Мы слышали, что Н. Г. Чернышевский приготавливает к изданию собрание своих сочинений». Сообщая изложенное, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не отказать в распоряжении о недопущении к напечатанию в газетах упомянутого ниже извещения»².

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 15, с. 455.

² ЦГИА, ф. 776, оп. 20, д. 694, с. 1.

Сохранились тексты распоряжений, сделанных Главным Управлением по делам печати Петербургскому и Московскому цензурным комитетам, Казанскому и Харьковскому цензорам, а также временному присутствию по делам цензуры в Одессе. Настоятельно требовалось, чтобы печатание сочинений «государственного преступника» ни в коем случае не разрешалось. А если и будет когда-либо сделано отступление, то лишь с тем однако условием, чтобы эти сочинения непременно рассматривались предварительной цензурой, несмотря на их объем, и чтобы фамилия автора не выставлялась — «Да и фамилию никогда больше не писать свою, а только «Андреев»³.

В письме московского генерал-губернатора князя Долгорукова к начальнику Главного Управления по делам печати от 7 мая того же 1884 г. читаем: «Вследствие отношения от 1 мая за № 1820, имею честь уведомить Главное Управление по делам печати, что мною сделано распоряжение о наблюдении за московскими типографиями на случай начатия печатания в которой-либо из них, названного в упомянутом отношении сочинения. О результатах этого наблюдения мною своевременно будет сообщено Главному Управлению по делам печати»⁴.

В 1889 г. Чернышевского не стало, но внимание к его имени со стороны правительственной цензуры не ослабевало. Примером может служить представленная в цензурный комитет статья Батурина, написанная к 10-летию смерти писателя. Рассматривавший ее цензор Соколов отметил, что «с некоторыми исключениями» она может быть опубликована. Однако цензор все же счел нужным обратиться за разрешением в Главное Управление по делам печати, которое после ознакомления с ней (уже в гранках) категорически запретило публиковать эту статью. В архиве сохранился отрывок рукописи Батурина.

«17 октября 1899 года исполнилось 10 лет со дня смерти одного из крупнейших русских писателей Н. Г. Чернышевского, — писал автор. — Едва ли в истории русской литературы можно указать на кого-либо другого писателя публициста, равного Чернышевскому по силе таланта и по тому громадному влиянию, которое он оказал как на своих современников, так и на последующие поколения. Между тем, благодаря некоторым обстоятельствам его жизни, даже самое имя Чернышевского, до сравнительно недавнего времени, подвергалось

³ Там же, ф. 777, оп. 3, д. 196, л. 2.

⁴ Там же, ф. 776, оп. 20, д. 694, л. 5.

такой же опале, как в свое время имена Рыльева и Радищева. В литературе о нем обыкновенно говорилось иносказательно: автор известного романа «Что делать?» или автор примечаний к «Политической экономии» Милля» и т. п.»⁵.

Прогрессивная общественность страны не переставала думать о том, чтобы увековечить память великого революционного демократа и писателя. Предложений было немало, но одно привлекло внимание многих: постройка в Крыму, в Севастополе, дома (его называли приютом) для революционеров, возвращавшихся из ссылки. Дом-приют обязательно должен был носить имя Н. Г. Чернышевского. С целью образования денежного фонда решено было выпустить литературный сборник, посвященный Чернышевскому. Полиция немедленно известила об этом свое начальство.

В служебной записке от 14 августа 1900 года министр внутренних дел И. Дурново писал начальнику Главного Управления по делам печати: «Некоторые лица противоправительственного направления задумали устроить в Севастополе приют для престарелых государственных преступников, возвратившихся по окончании ссылки из Сибири, причем для приобретения средств для осуществления этого предприятия, намереваются издать, под редакцией известного литератора Петра Федоровича Николаева, беллетристический сборник, посвященный памяти Чернышевского. С этой целью заправили предприятия обратились ко многим писателям известного направления с просьбой о доставлении статей для помещения в означенный сборник»⁶.

На документе проставлена резолюция начальника Главного Управления по делам печати: «Не разрешать». 21 августа того же года всем цензурным комитетам и отдельным цензорам отправлен за № 6272 и пометкой «секретно» циркуляр, в котором предписывалось «не допускать к печати означенного сборника без предварительного представления такового на просмотр Главного Управления. За нач. Главного Управления по делам печати, член Совета — В. Адикаевский. За правителя дел — К. Военский»⁷.

Между тем сборник был составлен. В него вошли 15 очерков и рассказов. Оставалось передать рукописи в цензурный комитет.

---

⁵ Там же, ф. 776, оп. 8, д. 1264.

⁶ Там же, ф. 776, оп. 21, д. 408, л. 49.

⁷ Там же, л. 52.

Хлопотное дело продвижение сборника в печать поручено одному из его участников — писателю А. Бесталанному, жившему, как это можно предположить по тексту публикуемого ниже документа, в Саратове. Кто был этот А. Бесталанный, выяснить не удалось.

Всякое напоминание о Саратове, где влияние Чернышевского было особенно велико, всегда вызывало у властей раздражение и тревогу. Поэтому организаторы «Литературного сборника» решили отправить рукопись не саратовскому, а харьковскому цензору. Но они явно ошиблись. Ведь за их деятельностью очень внимательно следило и жандармское управление, и цензурное ведомство. Цензор Сенгалевич, понимая, что его ревностная служба, возможно, будет отмечена и начальником управления, и министром внутренних дел, немедленно запретил сборник. В рапорте Е. Феокистову от 29 января 1903 года он писал: «На цензурное рассмотрение поступила 10 сентября истекшего 1902 года к Харьковскому отдельному цензору от А. Бесталанного из Саратова рукопись, заключающая в себе 15 очерков и рассказов, которая 7 сего января запрещена мною на основании ст.ст. 4 (п. 3), 96, 97 и 105 Устава о цензуре и печати. Содержание всех очерков и рассказов в этой рукописи вообще предосудительного характера, по большей части в политическом отношении. Но один очерк, а именно «Птичий двор», особенно выделяется гнусностью своего содержания. Я признал не лишним представить его в копии Главному Управлению по делам печати». В заключении Сенгалевич уведомил начальство, что он известил и «саратовского цензора на случай поступления к нему этой рукописи»⁸.

Состав сборника не дошел до наших дней, и только благодаря служебному рвению харьковской цензуры мы располагаем текстом одного из включенных в сборник произведений⁹, по которому можно судить о направлении сборника в целом.

Автор этого аллегорического рассказа в резких сатирических красках изобразил царскую Россию, в которой нет места подлинной свободе.

Не случайно содержание рассказа произвело на правительственного чиновника столь ошеломляющее впечатление, что другого слова как «гнусный» он не нашел для характеристики этого произведения.

Приводим текст рассказа «Птичий двор» полностью.

⁸ Там же, д. 635, л. 1.

⁹ Там же, л.л. 2—3.

ПТИЧИЙ ДВОР

В одной большой богатой экономии вместе с другими птицами жил орел. Он был пойман еще не оперившимся птенцом и принесен во двор экономии, где его выкормили, и когда он немного подрос, его пустили к другим птицам. Сначала он имел довольно жалкий вид и птицы не обращали на него никакого внимания и даже больно щипали его, желая выучить по-своему ходить и говорить, чему он никак не мог выучиться, сколько они ни бились над ним. Но потом, когда он оперился и стал приобретать свойственный его породе горделивый и независимый вид и осанку, они мало-помалу отказались от своего желания выучить его на свой лад и стали даже несколько его бояться. Экономия, где жил орел, была большая, богатая... Были в ней и быстрые речки с говорливыми, шумливыми мельницами по берегам, на которых откармливались чистым хлебом жирные гуси и утки, и глубокий источник — пруд, поросший ивами, по которому плавали белоснежные чудные лебеди, любясь на свое отражение в зеркальной поверхности воды, и большой чистый двор, по которому важно расхаживали индюки, надутые чванливые, важные павлины и множество глупых, но дорогих пород кур...

Несмотря на все богатство и обширность экономии, порядка в ней не было. Сам владелец ее почти совершенно не вмешивался в управление. Управляющие заботились не о внутреннем порядке, а о том, как бы собрать побольше дохода, из которого немалая толика прилипала к их карманам. Случалось, что по целым неделям забывали накормить простых русских кур, которым был отведен особый двор—тесный и узкий, так что на каждую курицу земли приходилось такое количество, что на нем свободно мог бы поместиться разве только воробей и куры должны питаться только тем, что находили на своем убогом дворе, разрывая и клюя даже самую землю и вырывая солому из своих гнезд. Яйца же, которые и составляли одну из доходнейших статей дохода экономии, собирались аккуратно ежедневно.

Орел сначала свободно ходил между всевозможными породами птиц, присматриваясь к ним, как бы изучая их характер и нравы, но вскоре стал проявлять такие наклонности и странности, которые встретили себе с их стороны сильную оппозицию. Он не захотел ходить только по земле, а порывался иногда подняться вверх, что хотя и не удавалось ему сделать, так как крылья его были еще слабы, что приводило в ужас

птицу. Он относился с явным неуважением к важным павлинам, которые считались всеми птицами первенствующими и авторитетными и осмеливался даже смеяться над их длинными расцвеченными хвостами и украшениями их голов, находя их неуместными и смешными. Особенно возмущались чопорные индюки. — Что же это такое! — говорили они. — Это профанация, он подрывает основы... Его поведение несогласно с этикой птичьего достоинства...

Один раз птицы увидели орла, перебравшегося на задний двор к простым серым курам. Возмущению и негодованию не было границ. — Помилуйте, что же это такое... — кричали громче всех индюки, особенно один старый, престарый индюк, считающий себя представителем своей породы. — Это бог знает, что такое... Он орел, птица высшей породы разговаривает с простыми курами, ходит с ними, клюет даже... Этак скоро и они сюда к нам переберутся, заполнят нас... Этому надо положить предел. Для чего это слияние пород: нужно просить управляющего поставить между нашими дворами высокую каменную стену... Это ведь подрывание основ... Это разврат... И когда орел снова вернулся на передний двор, индюк распустил свой широкий хвост веером, окинул его презрительным взглядом и боком пройдя мимо него, громко забормотал что-то. Орел не обратил на это никакого внимания и отправился на пруд к лебедям.

Вскоре весь птичий двор был встревожен небывалым событием... Орел почувствовал в себе силу... Крылья его отросли, окрепли и он, взметнув ими, сразу поднялся ввысь к синей лазури неба. Боже! Какой гвалт, крик поднялся на птичьем дворе... Гуси и утки громко кричали и хлопали от негодования крыльями, индюки и павлины распустили по земле свои длинные хвосты и громко бормотали что-то о неблагодарности и испорченности, только небольшая стая белых лебедей с восхищением наблюдали гордый полет смелой птицы и куры, простые серые куры с завистью смотрели на небо, думая: Ах, кабы нам такую силу и смелость... Однако и возмущение и зависть были преждевременными. Орел в долгой неволе не мог научиться долго лететь и скоро измучившийся, усталый, опустился на землю...

Тогда старый управляющий велел обрезать ему крылья, спутать ноги и в таком виде орел был снова пущен к птицам. Но после этого все птицы, кроме лебедей и кур, стали сторониться его... Долго ходил орел спутанный, тщетно мечтая и жалея о свободе и просторе. Раз испытал счастья свободы.

нельзя уже забыть о ней... Наконец за ним перестали следить. Путы на его ногах перетерлись и спали и крылья снова крепили и отрастали. И вот однажды, в одно чудное весеннее утро, услышав где-то далеко-далеко призывное лебединое клекотанье своего собрата горного орла, он ринулся ввысь, собрав все свои молодые силы и очутившись сразу высоко в небе, начал парить, распластав крылья и жадно вдыхал свежий прохладный воздух, спеша надышаться им после затхлой, гнилой атмосферы птичьего двора, отравлявшего его грудь и легкие.

Но зоркий глаз управляющего уже заметил его гордый полет, и он упал с переломанными крыльями, сраженный меткой пулей. Он упал около пруда. Лебеди плотной стеной окружили его, устлали его ложе своим нежным пухом, омыли раны его свежей водой и оплакивали молодую загубленную жизнь, загубленную за одну только жажду свободы и света. — Не плачьте обо мне, — сказал им орел. — Я погиб, но все-таки я счастлив... Я жаждал свободы, простору, света... Меня томила скучная, серая жизнь птичьего двора, с его пошлыми интересами, стремлениями, борьбой из-за крупинки, из-за зерна, из-за первенства... И я увидел свет, увидел простор, я вздохнул всей грудью глубоко чистым свежим воздухом, я испытал хоть на миг блаженство полной свободы... И я с радостью отдаю всю свою скучную серую жизнь в неволе за один этот миг счастья!

Орел умер. А лебеди, услышав этот последний, предсмертный крик гордой могучей птицы, смело взмахнули крыльями, взлетели стрелой к небу и скоро потонули в голубоватой серой дымке горизонта.

Н. С. ТРАВУШКИН

АСТРАХАНСКАЯ ГАЗЕТА О ДНЯХ ТРАУРА ПО ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Кончина великого писателя-демократа вызвала немало откликов в русской печати¹, хотя цензура всячески препятствовала естественному желанию газет и журналов отвести должное место волновавшему общество событию. Особенно

¹ Перечень газет и журналов, откликнувшихся на смерть Н. Г. Чернышевского, см. в кн.: Шульгин В. Н. Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, с. 382—383.

содержательными и многочисленными представляются в дни траура по Чернышевскому выступления «Астраханского справочного листка».

Память Н. Г. Чернышевского была близка астраханцам и, видимо, газете окраинной, «Астраханскому листку», как попросту называли, где можно было с дозволения местного цензора печатать многое, что другим не удавалось. Можно думать, здесь сказалось благоприятным образом то обстоятельство, что астраханским губернатором был тогда князь Л. Д. Вяземский, по словам Чернышевского, «благородный человек»², откровенно ему покровительствовавший, принимавший его по-домашнему³, беседовавший с ним «об ученых вопросах, и о всяческих делах»⁴.

Прежде всего, в «Астраханском листке» 19 октября на первой полосе была напечатана телеграмма, выделенная рамкой и необычной пометой «Случайная»: Саратов. Николай Гаврилович Чернышевский скончался от апоплексии в ночь с 17 на 18 октября».

22 октября «Астраханский листок» печатает заметку: «Венок на могилу Н. Г. Чернышевского»:

Мы слышали, что местная интеллигенция посылает в Саратов венок для возложения на могилу покойного Николая Гавриловича Чернышевского. На лентах венка, как говорят, будет сделана следующая надпись: «Н. Чернышевскому. От почитателей — из Астрахани». Известно, что покойный Николай Гаврилович последние пять лет своей жизни провел у нас в Астрахани, где оставил по себе добрую память, как беспредельно добрый, гуманный и общительный человек, доступный всякому, на какой бы ступени общественного положения и умственного развития ни стоял он. Только в июне нынешнего года Николай Гаврилович переселился в Саратов, на свою родину, где судьба сулила ему прожить всего несколько месяцев».

24 октября помещается обстоятельный — две с лишним колонки — некролог, написанный тепло и с необычной в тог-
дашних условиях свободой выражения.

---

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 15, с. 879.

³ Султанов С. Герои «Что делать?» (Московские портреты). П. И. Боков. — Утро России, 1914, 8 марта. Новые материалы о Л. Д. Вяземском см. в публикации: Ланский Л. Чернышевский рассказывает... — Вопросы литературы, 1978, № 7, с. 94—97.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 15, с. 873.

Н. Г. Чернышевский характеризуется здесь как «один из литературных деятелей шестидесятых годов, публицист, критик «Современника» и автор многих исторических и политико-экономических этюдов». Говоря о начальном, саратовском периоде жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, автор некролога сообщает о тесной дружбе с Н. И. Костомаровым, что имело «большое значение для их обоих в смысле выработки известного мировоззрения». Тогдашние читатели могли, конечно, знать, что известный историк находился в Саратове в ссылке как участник тайного Кирилло-Мефодиевского братства.

Хорошо сказано в некрологе и о поре «Современника»: журнал этот, «преобразованный Чернышевским, стал весьма отзывчивым на все вопросы, волновавшие тогдашнее общество». Далее названы главные работы Н. Г. Чернышевского, напечатанные в «Современнике».

Прямо и в то же время достаточно тонко сказано и о репрессиях, которым подвергся критик и публицист: «Но деятельность Н. Г. была неожиданно прервана: на Чернышевского был сделан донос, которым он обвинялся в тяжких политических преступлениях. Николай Гаврилович был по суду сослан в каторгу на 12 лет. С конца 70-х годов он жил в Восточной Сибири (Виллюйске) на поселении... Последнее произведение его перед ссылкой в С.-Петербурге было «Что делать?»...»

И это было смело: ведь название запретного романа цензоры всегда и всюду вычеркивали.

Обстоятельно рассказывается далее о жизни писателя в Астрахани. Эта часть некролога носит характер воспоминаний, видно, что написана астраханцем, часто встречавшимся с Чернышевским (скорее всего Е. Н. Чириковым, в то время он был сотрудником «Астраханского листка»). Вот что говорится здесь о Чернышевском:

«...В 1883 г. позволено было поселиться в Астрахани, где он начал с увлечением заниматься литературным трудом и, казалось, хотел наверстать отнятое у него ссылкой время. Здесь он занялся переводом всемирной истории Георга Вебера, изменяя и дополняя это капитальное, но во многих отношениях несовершенное сочинение. При некоторых томах перевода приложены самостоятельные статьи Николая Гавриловича по историко-культурным вопросам. Перевод доведен до 12 тома. Покойный приготовил к печати 2 тома писем и других сочинений Н. А. Добролюбова, поместил несколько статей в периодических изданиях. Во время своего пребывания в Астрахани Николай Гаврилович вел полную труда, уединенную

жизнь. Тем не менее он успел здесь снискать всеобщее уважение и любовь тех, кому приходилось с ним сталкиваться, как человек в высшей степени добрый, честный, гуманный и общительный... Ступень общественного положения и умственное развитие собеседника никогда не играли никакой роли в глазах покойного: он одинаково терпеливо относился и выслушивал всех. Как, например, показывающий, насколько покойный успел здесь снискать себе общее доверие, укажем на следующий весьма характерный факт. Однажды, нуждаясь в деньгах, Николай Гаврилович принужден был обратиться к одному из местных ростовщиков. Последний ссудил его деньгами, кажется, тремястами рублей, безо всякой расписки, и когда его спрашивали, как это он не боится давать деньги безо всяких расписок, то ростовщик ответил: «Чернышевскому-то? Можно... Чернышевский никогда не обманет, не может обмануть».

Приезжавшая и проезжавшая в Астрахань молодежь считала всегда своим долгом посетить Николая Гавриловича. Многие шли с надеждой получить от мыслителя разрешение на проклятый вопрос: «Что делать?», но Николай Гаврилович всегда отвечал одно: «Учитесь, учитесь, только наука укажет вам путь и может ответить на этот вопрос». О жизни Николая Гавриловича в Астрахани рассказывают очень много интересного, но об этом мы надеемся еще рассказать впоследствии...»

Несомненный интерес представляет корреспонденция в номере от 27 октября: «Похороны Н. Г. Чернышевского». Здесь находим некоторые подробности, не отразившиеся в других источниках:

«20 октября совершались в Саратове похороны Николая Гавриловича Чернышевского. Вынос тела последовал в девять часов утра у дома, где жил покойный, в церковь св. Сергия, при громадном стечении народа. Масса венков окружила и тянулась за простым дубовым гробом (это было желание Николая Гавриловича); в числе их выдавались: от редакции «Саратовского вестника», от «Саратовского литературного фонда», «От интеллигенции», «Великому писателю от нижегородского кружка почитателей», «Автору «Что делать?» от русских женщин», «От женщин-тружениц», «Уму и таланту», «От студентов Петровской Академии», «Незабвенному и дорогому Николаю Гавриловичу от молодежи», «Учителю» и мн. др. Во время отпевания, в момент провозглашения «вечной памяти» многие из присутствующих плакали навзрыд. По окончании отпевания гроб, сопровождаемый тысячною тол-

пою, тихо и медленно двинулся по направлению вечного упокоения».

Известно, что и панихиды являлись тогда формой выражения симпатий к «крамольному» писателю. Панихиды по Чернышевскому, иногда с драматическими перипетиями — волнениями молодежи, арестами или переписыванием участников и т. д., устраивались в Петербурге, Москве, Харькове, Дерпте, Одессе⁵. Состоялась панихида и в Астрахани. Газета сначала, 28 октября, поместила извещение о ней, а затем — 31 октября — краткое описание «Панихида по Н. Г. Чернышевском»:

«В воскресенье, 29 октября, почитателями покойного Н. Г. Чернышевского была отслужена соборне в Гостино-Николаевской церкви, при довольно значительном количестве верующих, панихида. Пел хор певчих. После панихиды была послана в Саратов, жене покойного писателя, телеграмма с выражением соболезнования по случаю тяжелой утраты».

8 ноября «Астраханский листок» перепечатал из «Саратовского листка» воспоминания о годах учения Н. Г. Чернышевского в семинарии.

Наконец, 16 ноября находим в газете еще одно свидетельство теплого отношения астраханцев к памяти жившего у них изгнанника: «Капитал имени Н. Г. Чернышевского»:

«Астраханскими почитателями знаменитого писателя отправлено вчера в Петербургский «Литературный фонд» сто рублей на составление капитала его имени. Можно надеяться, что в Астрахани немало еще окажется лиц, которые последуют примеру инициаторов».

Так на протяжении месяца «Астраханский листок» 9 раз (вместе с перепечатками из саратовских газет) привлекал внимание своих читателей к личности великого художника и мыслителя.

Несомненно, выступления «Астраханского листка» внимательно прочитывались в Петербурге, в правительственных кругах. Об этом свидетельствует сохранившийся в делах цензуры документ, подписанный начальником Главного управления по делам печати и направленный саратовскому губернатору. Это был запрос по содержанию газетной заметки:

«В № 235 газеты «Астраханский листок» между прочим сообщено, что «во время похорон Чернышевского масса вен-

---

⁵ Стеклов Ю. Вокруг смерти Н. Г. Чернышевского. — Красный архив, 1928, т. 1 (26).

ков окружала и тянулась за простым дубовым гробом, в числе них выдавались: от редакции «Саратовского дневника», «Саратовского литературного фонда» и т. д.

Вследствие сего, по поручению г. Министра Внутренних дел, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить сведение о том, действительно ли несли поименованные «Астраханским листком» венки за гробом Чернышевского и на каких основаниях действует «Саратовский литературный фонд».

Саратовский губернатор 3 января 1890 года отвечал:

«...Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что на гроб Чернышевского действительно было возложено несколько венков, между которыми были венки от «Саратовского дневника» и «Саратовского общества вспомоществования нуждающимся литераторам», но венки эти ничем особенным не выделялись, причем долгом считаю присовокупить, что в названном обществе установился обычай возлагать венки на гроба всех умирающих в Саратове литературных деятелей и даже посылать и в другие города». «Общество вспомоществования нуждающимся литераторам», а не «литературный фонд», как сообщено в «Астраханском листке», действует на основании устава, экземпляр которого при сем прилагаю. В пояснение дела, считаю необходимым присовокупить, что благодаря принятым, никого не раздражающим мерам, похороны Чернышевского прошли совершенно спокойно и недемонстративно, как было, сколько известно, в других местах, вне Саратовской губернии, а потому весьма желательно не возбуждать по этому предмету никаких дальнейших последствий. В числе принятых мер были, между прочим, устранение венков с тенденциозными надписями, недозволение речей и проч.»⁶.

В цензурном деле подшит «Устав Саратовского общества вспомоществования нуждающимся литераторам» (Саратов, 1888).

Как видим, саратовский губернатор, немало наволнованный в траурные дни, не хотел «раздражающих мер», боялся новых беспокойств. Лучше всего было бы предать Чернышевского забвению... Но литературное, публицистическое и научное наследие писателя-революционера уже при его жизни накрепко, органически вошло в идейный арсенал России. Траурные дни миновали, память о Чернышевском навсегда осталась в истории.

⁶ Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению, М.—Л., 1940, с. 418—419.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Архив ГДМЧ — Научный архив Государственного Дома-музея Н. Г. Чернышевского.
- Воспоминания — Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 1—2. Саратов, 1958—1959.
- ГАСО — Государственный архив Саратовской области.
- ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Ленинград).
- ОФ ГДМЧ — Основной фонд Государственного Дома-музея Н. Г. Чернышевского.
- РО ПБС-Щ — рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- ЦГА Татарской АССР — Центральный Государственный архив Татарской АССР (Казань).
- ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГАОР СС — Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва).
- ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив (Ленинград).
- Н. Г. Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958—1978. Вып. 1—8.
- Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. — Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1939—1953, т. 1—16

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Д. Баранов. Навечно в памяти народной . . .	3
--	---

I. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МУЗЕЯ

Г. П. Муренина. Становление	8
Ю. М. Костин. Первые экспозиции	21
В. В. Смирнова. Шла Великая Отечественная... .	35
А. А. Демченко. 60 лет научной работы	43
А. С. Озерянский. Изучение иконографии Н. Г. Чернышевского	50

II. ИЗ ФОНДОВ И АРХИВА

Н. М. Чернышевская. История Дома-музея Н. Г. Чернышевского, его здания и усадьбы . . .	59
Из «Дневника» М. Н. Чернышевского	74
В. Г. Березина. «Дорогой моей музейной дочке»... .	78
П. А. Бугаенко. Незабываемые годы	85

III. НОВОЕ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

А. Г. Пылина. Воспоминания	88
Е. Г. Бушканец. Формулярные списки учителей саратовской гимназии 1851—1853 гг.	102
И. В. Порох. Н. Г. Чернышевский и Е. А. Белов . . .	107
Ф. Ф. Майский. Неизвестная статья о процессе Н. Г. Чернышевского	112
Д. Е. Кравцов. Чернышевский и цензура (1884— 1903)	116
Н. С. Травушкин. Астраханская газета о днях тра- ура по Чернышевскому	122
Список условных сокращений	128